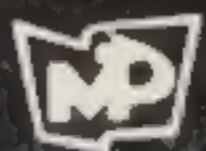

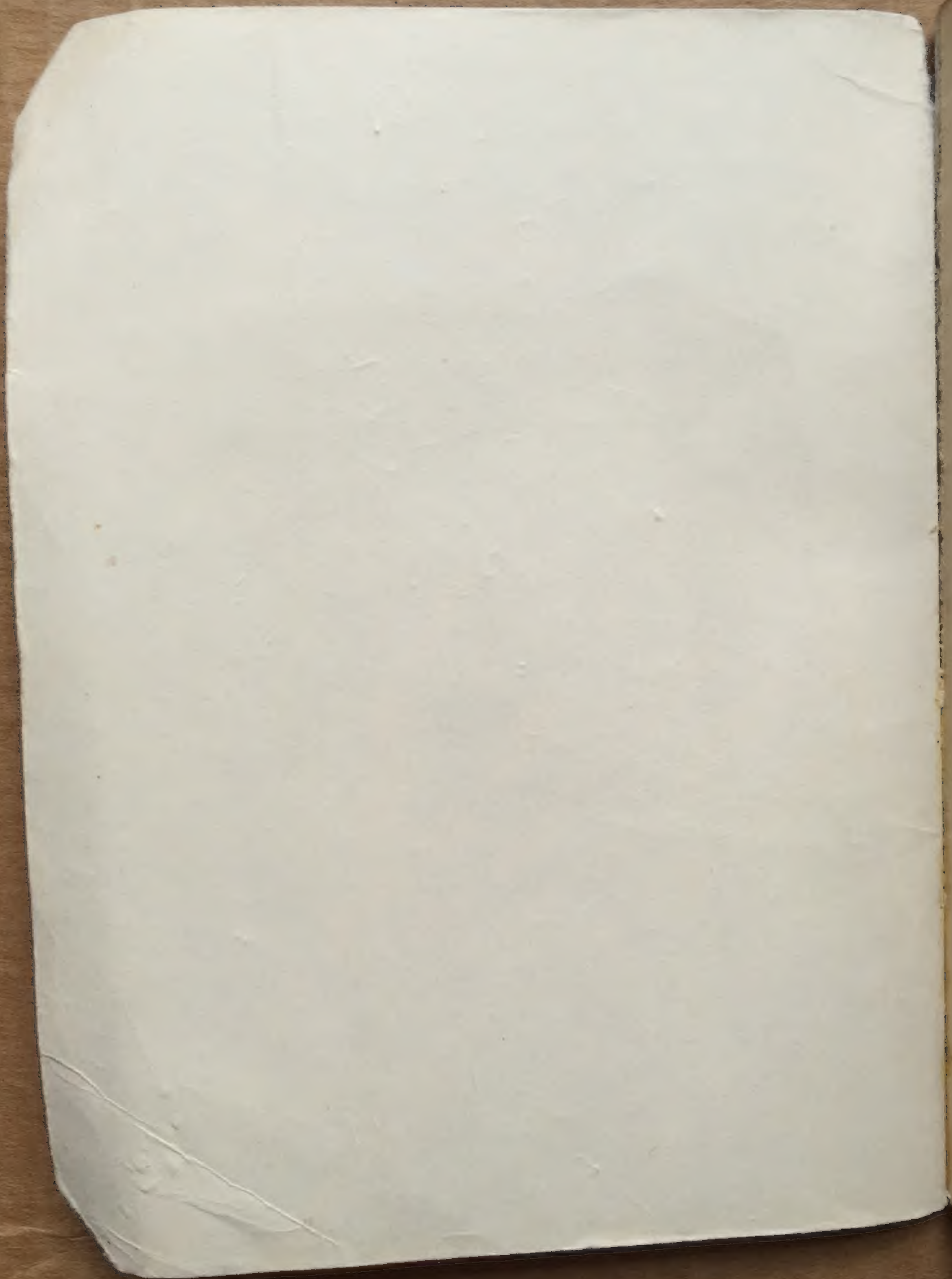
Андрей Костин

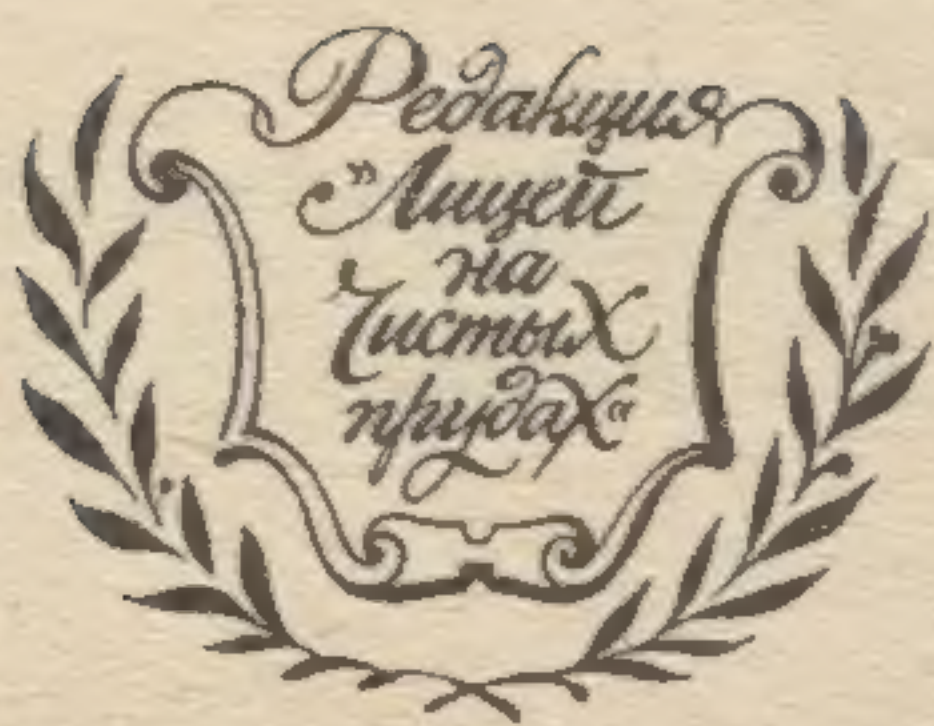
Предупреждение путешествующим в тумане

Клубок трагических
событий,
происходивших
на моих глазах,
распутать было
нелегко. Ясно было
одно: первопричина
всего этого —
шприц с морфином.

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ

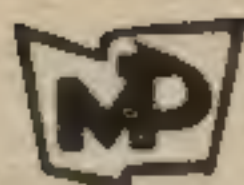

Андрей Костин

Предупреждение путешествующим в тумане

ПОВЕСТЬ
И РАССКАЗЫ

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ
1989

ББК 84Р7-4
К72

К $\frac{4702010201-028}{M172(03)-89}$ без объявл.

ББК 84Р7-4

ISBN 5-239-00783-7

© Издательство «Московский рабочий», 1989

СОДЕРЖАНИЕ

Предупреждение путешествующим в тумане ДЕТЕКТИВНАЯ ПОВЕСТЬ

3

Двадцать четыре часа РАССКАЗ

167

Лестница РАССКАЗ

177

Предупреждение путешествующим в тумане

ДЕТЕКТИВНАЯ ПОВЕСТЬ

1. ПЯТНИЦА

Все началось с кошмара.

Вернее, все началось с того, что испортилась погода. Еще вчера стоял ясный солнечный день, но закат был багровый, и сегодня лапы красных сосен уже дрожат на ветру, аккуратные домики рыбацкого поселка подернулись дождливой дымкой, а волны Рижского залива стали набегать на берег со злым шипением.

Одна такая волна выкатила к моим ногам огненный осколок янтаря. Он пылал, как уголек, на ладони, и все вокруг казалось еще более пасмурным и унылым.

И тогда я понял, что отпуск кончился. Оставшиеся десять дней можно провести в Москве, среди городского шума, телефонных звонков и желтых уличных фонарей. Потому что отпуск — это не перерыв между работой, а особое состояние души. И если оно потеряно — ничего тут не поделаешь.

Но довольно об этом.

Речь-то ведь шла о кошмаре.

Я сложил все вещи в две сумки, отнес их в машину. Потом простился с Ириной Иозефовной, своей хозяйкой, вернув ей ключ от комнаты и пообещав приехать на следующий год. Она поцеловала меня в лоб, и даже,

как мне показалось, немного загрустила. Наверное, у нас все же было некое родство душ.

...Ирина Иозефовна помахала мне из окошка, я повернул ключ зажигания, выжал сцепление и выехал на дорогу.

По обочинам на фоне серого неба промелькнули дома поселка, багровые стволы сосен, мальчик на велосипеде, стадо рыжих коров, оранжевый дорожный указатель и светловолосая девушка в красном плаще.

Она обернулась и неуверенно подняла руку. Я не стал тормозить, хотя, быть может, в наших с ней отношениях присутствовало что-то более серьезное, чем самим поначалу казалось. Но все дело в том, что в любви у меня никогда не было счастья, да и вряд ли теперь будет. Почему? Об этом в другой раз...

Машин было мало, и я пересек границу Латвии быстрее, чем предполагал. Дорога из отпуска казалась легкой и не утомительной.

Рассчитываясь после обеда в придорожной забегаловке, полез за мелочью, и пальцы наткнулись на осколок янтаря. Я расплатился, вернулся к машине, выехал со стоянки, и тут у меня созрела идея. С нее-то, наверное, все и началось.

Я решил навестить Эдгара. В этой истории он, скорее, не действующее лицо, а перст судьбы, подтолкнувший меня ввязаться в довольно скверные события.

Но я не в обиде на него. Знаю, что всегда хотел мне только добра. Как, впрочем, и я ему. Вот почему и решил завезти в Камышевск почти рубиновую каплю окаменевшей смолы. Дело в том, что Эдгар курземец, то есть латыш из латышей. И за полтора десятилетия жизни в провинциальном Камышевске он так и не сумел убедить себя, что на Земле есть места не хуже Курземе. Мне показалось, что своим сентиментальным подарком я его немного порадуя. Кроме того, мы не виделись

почти пять лет. И вовсе не потому, что нам нечего было сказать друг другу. Просто у каждого была своя жизнь.

Серое полотно дороги убегает под капот машины. В разрывах туч появилось солнце, наполняя еще влажный воздух чудесным золотистым свечением.

Впереди мелькает указатель: «Лосево. 5 км».

Путь мой вьется среди тополей и берез, временами сужаясь и ныряя в радугу поздней листвы и неба. Я открываю окно, и в салон врывается встречный ветер. Он напоен запахами мокрого асфальта, прелой земли и далекого дыма.

Справа снова указатель: «Камышевск. 12 км».

Поворот — и цепь взаимосвязанных событий продолжает раскручиваться. В принципе обычная жизненная ситуация. Шаг в сторону — и судьба начинает преподносить милые сюрпризы. Вроде открытого канализационного люка под ногами.

Сзади появляется лимонный «Москвич». Некоторое время он идет впритык к бамперу моей машины, то неожиданно выкатываясь влево для обгона, то отставая и прячась за мою спину. Я с опаской слежу в зеркало за этими маневрами, они мне совершенно не нравятся. Судя по вмятине на крыле «Москвича», водителю не раз доводилось бывать в переделках. Однако мне подобный опыт ни к чему. Наконец я не выдерживаю и беру ближе к обочине, предоставив противнику широкое поле деятельности. Он идет на обгон. Но, перестраиваясь, так резко виляет вправо, что я бормочу подходящий к случаю эпитет и выжимаю тормоз. «Москвич» уносится вперед, а я некоторое время прихожу в себя.

Догнать «Москвич» удастся километра через три. Именно в тот момент, когда он пытается повторить «проверенный на мне» маневр с голубым «Запорожцем». Водитель микролитражки, видимо, не принимает прави-

ла игры и, вместо того чтобы отстраниться и уступить дорогу, продолжает пыхтеть и дребезжать, перекрывая единственную полосу. Силы явно неравные. «Москвич» сигналил и начинает по осевой обходить соперника.

До этого момента я — зритель. Но происходит непредвиденное. При повороте лимонную машину бросает вправо, она задевает «Запорожец» и тормозит, микролитражка заваливается в кювет, а я, опоздав на мгновение, раскалываю фару о бампер «Москвича».

Для одного раза этого многовато. Достāju сигареты, прикуриваю, вылезаю из машины.

Судя по всему, мы когда-то родились в сорочках. Я прихожу к этой мысли, убедившись, что два других участника аварии живы и невредимы. У «Москвича» сильнее прежнего помято крыло. «Малыш» отделался разбитым капотом.

Однако водитель «Запорожца» был совсем другого мнения. С достоинством плюнув под ноги, он сообщил:

— Этот подонок нам за все ответит. Угробил такую машину...

Я не мог понять, какую из трех он имеет в виду.

— Так нахально врезаться, — он покрутил седой головой.

— Я видел, как все произошло. У меня тоже разбита фара.

— Ну и хрен с ней, с твоей фарой. Возьми еще вот это в придачу.

Его гневную физиономию заливал пот, который по вискам, носу и подбородку стекал на застиранную клетчатую рубашку.

Подошел владелец «Москвича».

— Гоша, — кивнул он нам.

— Вот подонок, — пот сильнее заструился по вискам хозяина «Запорожца», — другого слова нету. Ты ж меня таранил!

— Не надо ругаться, — Гоша обвел нас спокойным взглядом.

— Нет, ты посмотри,— седой дернул меня за рукав,— ты посмотри, что этот леший наделал. Смотри, смотри.

— Уже видел,— я отодвинулся.— Правда на вашей стороне. Одного только не пойму: зачем...

— Я же не отпираюсь, что виноват,— несмотря на незавидное положение виновник вел себя с завидным достоинством. Пусть ГАИ акт составит, справки об аварии выдадут — и все расходы по ремонту вашей колымаги я на себя возьму. Только шуметь не надо.

Старик обиделся. Наверное, он считал, что его транспортное средство заслуживает другого определения.

— Что касается вас, то вообще-то надо было соблюдать дистанцию...

— Надо себя на дороге прилично вести,— разозлился я.

— Однако,— Гоша улыбнулся,— семь бед — один ответ. Меня в городе все знают, замолвлю за вас словечко в гараже. Они вам мигом все поправят. По госцене.

— Обойдусь как-нибудь.

— Да что вы, не сердитесь. Считайте это взаимной услугой.

— В каком смысле взаимной?

— Видите ли, мне никак нельзя сейчас права терять. Поэтому при разборе постарайтесь быть объективным. Ведь это его «Запорожец» меня подрезал, когда я на обгон пошел.

— Я в такие игры не играю.

— Могу расписку дать, что ремонт полностью оплачу. И устрою все. А если по закону — так у него машину ржа сожрет, прежде чем ее в автосервис возьмут.

Старик с интересом наблюдал за нами и теперь снова потянул меня за рукав:

— Слышь, парень, а ведь правда. Пусть только

расписку напишет, чтоб все по закону. А там, кто его знает, может, и вправду я подставился.

— Катитесь вы... — я махнул рукой. — Надо ГАИ вызвать.

Когда все необходимые процедуры остались позади, Гоша подцепил «Запорожец», и мы отправились в гараж. Там он исчезает в глубине длинного серого здания, смахивающего не то на конюшню, не то на заброшенный склад.

Седой продолжает потеть и озираться по сторонам. А я решаю пройти среди поржавевших выпотрошенных таратаек, которыми заставлен двор гаража. Краска на кузовах облупилась, и рыжий металл осыпается ядовитой пылью от малейшего прикосновения. Асфальт под ногами весь потрескался, трещины проросли пожухлыми стеблями полыни.

Зрелище довольно унылое, я останавливаюсь. Один из ржавых остовов вдруг скрипит и неожиданно оседает, подняв облако пыли. Его обломки задевают соседние груды лома, и мне кажется, что на мгновение все автомобильное кладбище приходит в движение. За спиной слышатся хлопки испуганных птичьих крыльев. Наверное, шум напугал крылатых обитателей свалки.

Минут через десять ко мне подходит Гоша. Вместе с ним — мужчина лет сорока пяти с блестящей, словно отполированной лысиной, в черном, забрызганном краской халате.

— Тут такое дело, — Гоша кивает на спутника, — нужного механика уже нет. Придется вам подождать до понедельника.

Его спутник утвердительно трясет лысиной.

— Вы не местный, как я понял? — спрашивает Гоша.

— Да, приехал к приятелю.

— Значит, подождете?

— Раз другого выхода нет...

Лысоголовый всем своим видом показывает, что другого выхода действительно нет.

— Не волнуйтесь,— Гоша улыбается,— все будет в порядке.

На прощанье он сигналил, снова вспугнув чьи-то быстрые крылья, и говорит:

— Приходите завтра на футбольный матч. Контролеру скажите — Георгий Васнецов пригласил. Я в «Салюте» за правого крайнего бегаю.

Я выхожу через ржавые ворота и на мгновение останавливаюсь. Город обволакивал меня, как полуденный сон. Он прикидал к земле здесь, на окраине, повторяя своими улицами изгибы оврагов, таившихся под зарослями серой крапивы, и где-то там, ближе к центру, вставал на четвереньки блочными многоэтажками. Кривая улица карабкалась на пригорок, а на углу стояла обезглавленная церковь красного кирпича, с заколоченными фанерой окнами и безысходной вывеской: «Склад».

К краснокирпичной стене прилепилась зеленая телефонная будка.

Седьмой час. У меня мало надежд застать Эдгара на работе. Но три долгих гудка, и он снимает трубку.

— Привет,— говорю я,— хочу свалиться тебе на голову.

— Слушай,— Эдгар немного растягивает гласные,— я совсем недавно тебя вспоминал. Это хорошо, что ты приехал.

— Собираюсь погостить до понедельника. Найдешь мне приют?

— Не волнуйся, что-нибудь придумаю. Где ты находишься?

Я объяснил.

— Слушай, тогда садись на пятый автобус. Через три остановки буду тебя ждать. Еще успеем выпить по чашечке кофе.

Город вливался в меня своими голосами. В автобусе нещадно наступали на ноги и просили прокомпостировать талоны.

— Он, говорит, артист, а сам в клубе, на баяне...

— Разве это колбаса? Это же форменное безобразие. Да куда ты со своей сумкой прешь?

— Доктор, объясняю, это не грыжа. Откуда ей взяться, грыже-то...

— Вы, гражданин, локти при себе держите...

Город возвращался с работы по домам, квартирам, коммуналкам, койкам в общежитиях, чтобы затаиться до утра. Он обволакивал меня и сам оставался бесстрастным...

Через четверть часа мы уже сидели под продуваемым ветром полосатым тентом летнего кафе. Еще только смеркалось и сквозь поредевшие узоры деревьев проглядывал раскаленный шар заходящего солнца.

Эдгар был таким же, как пять лет назад, когда провожал меня в аэропорту Шереметьево. Мы рассчитывали скоро встретиться вновь. Но прошло целых пять лет. В оправдание могу сказать — я всегда помнил об Эде...

— За границу больше не ездешь? — Эдгар прикуривает сигарету. У него дурная манера постоянно держать сигарету в уголке рта. От этого один глаз всегда щурится, и лицо приобретает брезгливое выражение.

— Нет. Медкомиссия не пускает.

— Понятно... А я всегда, как кино про шпионов смотрю, тебя вспоминаю.

— Я не был шпионом.

— Конечно. Это я так, к слову. А чем теперь занимаешься?

— Работаю в журнале...

Сумерки продолжают наступать на город, улицы

постепенно пустеют. Я рассказываю историю с аварией, и когда дохожу до того места, что машина будет готова только в понедельник, Эдгар перебивает:

— Подожди. Еще кофе, пожалуйста,— обращается он к официанту.

— Мы закрываем,— невозмутимо отвечает официант.

— Пойдем ко мне? — предлагает Эдгар.— Я имею в виду лабораторию. Там, заодно, подумаем, где тебе сегодня ночевать. А завтра я решу вопрос с гостиницей.

Я вспоминаю, что Эдгар после развода живет в общежитии.

— Хорошо. В лабораторию так в лабораторию.

Мы идем по сумеречным улицам, и наши шаги тонут в шорохах города. В глубине тусклого неба уже замерцали первые звезды. С реки потянул промозглый ветерок. Я поднял воротник плаща. Мы дошли до моста и остановились. Облокотились на чугунные перила, посмотрели, как под мостом проплывает баржа. Вода чуть рябила, и на ней отражались зеленые огоньки фонарей. Мы перешли мост и стали взбираться по крутой улочке. Эдгар дымит очередной сигаретой, лицо у него сосредоточенное. Словно хочет что-то сказать и не решается.

— Вот мы и пришли,— он сворачивает к высокому дому, который будто гвоздь торчит посреди пологого провинциального городка.— Наша гордость. И кому в голову пришло построить институт здесь?

На проходной Эдгар показывает удостоверение, объясняет, что я с ним, и нас пропускают.

Лаборатория Эдгара находится на седьмом этаже. Мы прошли через двери с вывеской «Биохимическое отделение», и я окунулся в запахи, присущие всем лабораториям. Эти запахи никогда не вызывали у меня

бурной радости — слишком они напоминали о стоматологическом кабинете или операционной.

Эдгар приоткрыл дверь в кабинет. Там за столом сидела по-мальчишески худенькая девушка в белом халате и печатала на машинке. Она казалась совсем молоденькой, и, если бы не злоупотребляла косметикой, я бы принял ее за подростка.

— Марина,— крикнул Эдгар,— пора начинать, вам не пришло это в голову?

— Да, да, иду,— ответила она на удивление низким голосом и улыбнулась. Улыбалась она потрясающе.

— Сейчас серия опытов,— Эдгар обернулся ко мне.— Рабочего дня не хватает. Ты извини, я должен...

— Давай. Мне тоже интересно, чем ты занимаешься.

Эдгар вошел в лабораторию и склонился над клеткой с белыми крысами. Потом приоткрыл дверцу и ловко вытащил одну.

— Пора бы уже,— сказал он, глядя на часы.— Две минуты осталось. Тут главное — все вовремя.

Мне стало скучно. Я прошелся вдоль клеток, остановился у окна. Лежавший под нами город погрузился в темноту, лишь переливались далекие и близкие электрические огни.

— Ты ведь охотник? — спросил Эдгар.

— В некотором роде.

— Не мог бы мне крысу уколошить? Терпеть не могу сам.

— Нет уж, уволь. Я ружейный охотник.

Эдгар вздохнул.

— Давайте я,— сзади неслышно подошла та самая худая девушка, которую я видел в кабинете.

Отработанным движением она умертвила крысу, потом приколола тушку к пробковой подстилке и стала делать надрезы.

— Это еще что,— Эдгар покачал головой.— Иногда

в одной серии приходится убивать не меньше сотни экземпляров.

— У тебя тут можно курить?

— Не рекомендуется. Пойдем в кабинет. Кстати, там ты сегодня и сможешь перекусить. А завтра утром будет гостиница.

На моем лице, наверное, было довольно ясно написано, что я об этом думаю.

— Ладно, шучу,— он злорадно ухмыльнулся.— Устроим тебя в тепле и уюте. Один приятель живет за рекой в большом собственном доме. От тетки остался. И почему другим такая роскошь?

Лаборантка на секунду подняла голову и внимательно посмотрела на нас.

— Слушай, старик,— я замялся,— а это не свинство? Ты хотя бы приятеля своего предупредил.

— Зачем? К ним в общем запросто. Дом большой.

— Ну, все-таки...

— Могу дать ключ от своей комнаты,— девушка снова посмотрела на нас,— мне ведь всю ночь дежурить.

— Марина, не узнаю,— Эдгар развел руками,— что про вас после этого подумают соседи?

— Я им объясню: помогла, мол, милому, тихому старичку.

— Дожил...— вздохнул я.

— Ничего,— глаза у нее были как у кошки, опрокинувшей банку молока,— старенький, да ладненький.

— Пожалуй, нам пора,— Эдгар потянул меня за рукав.

В коридоре на полу лежал раздавленный таракан.

— Языкатая у тебя лаборантка,— сказал я уже в лифте.

В ответ Эдгар только крикнул.

Мы снова шли по ночным улицам. Роса смочила плиты и теперь они блестели в свете фонарей. С реки

поднимался туман. Над фонарями кружили ночные бабочки.

У Эдгара снова появилось сосредоточенное выражение. Словно в уме подыскивает слова.

— Выкладывай,— говорю я,— не тужься.

— Просто через час мне надо будет вернуться в институт. Лаборантка новенькая, до этого в клиническом работала.

— Не слишком ли ты ее опекаешь? — я подмигнул.

— Ее недавно к нам перевели. Неопытная. Но,— он многозначительно посмотрел на меня,— рекомендовали...

— Чья-то родственница?

— Нет, кажется. Но связи у нее есть.

— Внебрачные?

— Ну и шутки у тебя.

Дальше мы шли молча.

В затихших домах светились разноцветные окна. За каждым из них были люди, своя жизнь, свои радости и огорчения. Эти люди спешили по утрам на работу, вывешивали во двориках белье, молча ужинали перед телевизорами и храпели по ночам. Тут кто как умеет. Их мир, как в эпицентре, рождался за этими окнами и выплескивался в город, становясь чем дальше, тем призрачней и условней. Это ерунда, что мы обжили планету. Обжить планету так же невозможно, как и любить вкуче все человечество. Мы мельтешим в жизни каждый сам по себе и каждый на своей делянке. И самое обидное — общие у нас только стены, которые нас и разделяют. А что говорит стенка стенке? Вот именно...

Эдгар останавливается.

— Мы пришли,— он кивает на серый забор.— Расстояния не московские. Тут живет мой приятель. Бессонов. Хороший парень.

Старый дом затаился в глубине яблоневого сада. Остановившись у калитки, я окинул его взглядом. Они были очень старыми — и дом и сад. Черные бревна дома лоснились вековой усталостью. Эта же усталость лежала на ветвях бесплодных старых яблонь и на выщербленных ступеньках крыльца. Пока я шел от калитки, казалось, насквозь пропитался ветхостью.

Среди ветвей шелестел ветер. Было одиннадцать часов.

Эдгар позвонил в дверь. Замок щелкнул, и дверь приоткрыли. Узкая полоска света легла наискось на крыльцо и затерялась в глубине сада.

— Кто там? — спросила женщина.

Дверь была на цепочке.

— Нина, откройте. Это я, Эдгар.

— Вы не один? — спросили за дверью.

— Со мной товарищ.

Я почувствовал себя неловко.

— Да, да, сейчас, — растерянно сказала женщина, и полоска света стала шире.

— Нина, мы не поздно? — спросил Эдгар, заслоня собой дверной проем. — А где Бессонов? Неужели уже спит?

Из-за его плеча я увидел в сумраке коридора огромные серые глаза. Огромные серые глаза, тонкую шею и чуть вздернутый носик. Женщина смотрела на нас и кусала пухлые губы.

— Вы проходите... — она отступила дальше.

— Так где Бессонов? Не разбудим? — снова спросил Эдгар.

— Его нет. Мы вчера... В общем, это не важно. Он не был со вчерашнего вечера. Ушел прогулять собаку. И не вернулся.

— У него были на это причины? — улыбаясь, спросил Эдгар.

— Да,— женщина почему-то посмотрела на меня.— Небольшая семейная размолвка. Но вы проходите,— повторила она.

— Дела-а...— Эдгар почесал затылок.— Что ж, ладно. Поищем счастья в другом месте.

— Вы уходите? — она встрепелулась.

— Тут такая ситуация,— Эдгар кивнул в мою сторону,— надо товарища переночевать устроить. Думал, может, к вам. Но раз так вышло...

— Почему же? — женщина сделала шаг навстречу.— Пожалуйста, оставайтесь,— она опять посмотрела на меня.— Одной не хочется... Не уходите, ладно? Куда же вы на ночь глядя?

— И то верно,— Эдгар покачал головой.— А Бессонову я завтра на работе скажу...

Женщина как-то неопределенно скривила губы.

— Мне пора,— Эдгар вдруг засуетился.— Лаборантка неопытная. Вы ее знаете. Марина Афанасьева. Та, что у Бессонова раньше работала.

— Значит, она к вам перешла? — женщина сморщила уголки глаз.

— Да, ко мне. Ставка свободная...

— Она милая девушка, часто у нас бывает... Кстати, вы видели сегодня Бессонова на работе?

— Сегодня? — Эдгар задумался.— Не припомню. Что за день сумасшедший. И сейчас тороплюсь. Спокойной вам ночи.

Я кивнул в ответ и улыбнулся. В этот момент я еще не представлял, насколько его слова будут далеки от истины.

Женщина закрыла за Эдгаром дверь. Я немного удивился той тщательности, с которой она задвигала засов и накидывала цепочку. Наверное, есть что прятать, подумал я. Потом снял плащ и мы прошли в гостиную. Возле каждой двери Нина пыталась пропустить меня вперед.

Комната обставлена со вкусом, но, вероятно, еще в прошлом веке. С тех пор мебель не только не меняли, но, как я подозреваю, не переставляли.

Я увидел у окна глубокое кожаное кресло и с удовольствием плюхнулся в него. В последний момент, правда, мелькнула мысль, что этот музейный экспонат рассыплется подо мной и я окажусь в весьма неудобном положении. Но Боливар выдержал такую нагрузку.

— Разучился много ходить,— объяснил я.

Женщина откинула со лба волосы и вопросительно посмотрела на меня:

— Ужинать будете?

— Если честно, умираю с голоду.

— Тогда сейчас что-нибудь соображу.

— А вы составите мне компанию?

— Почему бы нет? Я все равно ложусь поздно.

Нина вышла, а я встал и подошел к массивному книжному шкафу. Судя по корешкам, он был набит только специальной литературой. На одной из полок за стеклом стояла фотография мужчины и женщины. Мужчина демонстрировал внушительный волевой подбородок и хорошо развитый плечевой пояс. А женщина была та самая, с серыми глазами, высокая, с распущенными темно-русыми волосами. На фотографии она смеялась.

Я вернулся в кресло и взял с подоконника один из журналов. Он оказался медицинским.

Через некоторое время Нина внесла поднос и поставила его на низенький столик на колесиках. Наверное, мы готовим с ней по одной поваренной книге: яичница с ветчиной — самое распространенное блюдо в моем меню.

— Боюсь, что пересолила,— говорит Нина.

— Напротив, в самый раз.

— Может, выпьете? В баре есть водка.

— Нет, спасибо.

— Как знаете. Хорошая водка — «Смирнофф». Бессонову часто делают подарки — он многим помогает.

Я невольно смотрю на фотографию за стеклом. Нина замечает это:

— Два года назад, на взморье.

Я склоняюсь над тарелкой и молчу, не зная, как продолжить разговор.

— Не напускайте на себя удрученный вид, — вдруг говорит Нина. — В общем мы довольно чужие друг другу. Так, редкие перемирия.. Это, — она машет рукой в сторону фотографии, — одно из них.

Я делаю два-три движения вилкой и наконец говорю:

— Сегодня утром еще был на берегу моря. Ездил туда в отпуск.

— Было хорошо?

— Чудесно.

— Да, это чудесно, когда можно уехать, и не только на взморье. Все время кажется, что где-то там, — она неопределенно взмахнула рукой, — другая жизнь. Но почему только там?

— Всюду одинаково.

— Всюду? — она усмехнулась.

Я пожал плечами. Потом посмотрел в окно.

— Хорошо-то как. Завидую. Тишина, покой...

— Как в могиле, — резко отвечает она. — Теперь — кофе или чай?

— Лучше кофе.

Нина собрала грязные тарелки, а я опять подошел к окну. Начался дождь. В темноте было видно, как качаются ветки яблонь, словно деревья машут черными крыльями.

В соседней комнате скрипнули половицы.

Я резко обернулся, и в этот момент начали бить часы.. Они стояли в прихожей, высокие напольные часы с тяжелым маятником за толстым выпуклым стеклом. И они пробили все двенадцать раз, и каждый удар

откликался глухим эхом в этом пустом старом доме. Не успел отдрожать звон последнего удара, вошла Нина.

Она поставила на столик две чашечки кофе и блюдце с нарезанным лимоном, села напротив. Мне показалось, что глаза ее как-то странно блестят.

— Я сделала крепкий. Вы любите крепкий кофе?

— Да, я люблю очень крепкий.

Первый глоток был обжигающе горьким. Нина умела варить кофе.

Где-то в глубине дома хлопнула дверь.

— Сквозняк,— сказал я.

Нина сидела неподвижно.

— Старые дома всегда полны шумов,— я откинулся в кресле,— потрескивает дерево, скребутся мыши...

Над нашими головами на втором этаже дома что-то со звоном упало на пол.

— Это не мыши,— она прикусила губу.

Я прислушался. Продолжения не последовало, только в дымоходе завывал ветер.

— Что же это такое?

Нина пожала плечами.

— У вас нет кошки? Или собаки?

— Собака была. Ушла вместе с Бессоновым. Ирландский сеттер.

— Тогда, может, ваш муж вернулся? Незаметно?

— Я же закрыла дверь на засов.

— Ах, да. Значит, надо проверить.

Наверху опять что-то упало и покатилося по полу.

Женщина замерла в кресле, сжав тонкие пальцы в кулаки.

— Идемте,— наконец опомнилась она.— Только учтите, вы сами меня об этом просили.

Мы прошли по темному коридору и стали подниматься по скрипучей лестнице.

— Лампочка перегорела,— раздраженно сказала

Нина, — теперь только на втором этаже можно включить. Как подниметесь — сразу направо.

На верхних ступеньках я увидел, что дверь в одну из комнат на втором этаже чуть приоткрыта, а через щель в коридор льется сиреневатый мягкий свет.

Дверь колебалась, попискивая в петлях, словно раздумывая — захлопнуться или нет. Я дотронулся до плеча женщины, знаками попросив остановиться. А сам на цыпочках стал подходить ближе.

Вдруг, перед самым моим носом, дверь захлопнулась, и будто вибрация прошла по всему дому.

Нина щелкнула выключателем.

— Что за чертовщина? — спросил я, когда зажегся свет.

— Сквозняк, — сдержанно сказала женщина. — Через дымовые трубы.

— А разве такое бывает? — я улыбнулся. — Вот не подумал бы...

Осмотрел обе комнаты на этаже. Одна, угловая, была почти пустая — старенький диван, большое старинное зеркало и два стула.

— Для гостей, — пояснила Нина. — У нас часто кто-нибудь ночует. Дом большой, а с жильем не у всех...

В кабинете хозяина дома на полу валялся стаканчик для карандашей, а сами карандаши разлетелись во все стороны. Один из них выглядывал из-под кресла.

— Наверное, когда пыль вытирала, — наморщила лоб Нина, — поставила на самый краешек.

— Неустойчивое равновесие, — кивнул я.

Она собрала карандаши, и мы вышли в коридор.

Тут я заметил странную деталь — все двери были с врезными замками.

— Раньше что — коммуналка? — спросил.

— Нет, — она махнула рукой. — Жила сумасшедшая тетка. На заре ее туманной юности тут произошла какая-то кошмарная история — не знаю подробностей.

Что-то связанное то ли с удушением, то ли с отравлением. Короче, тетка к старости, а было ей уже лет девяносто, сдвинулась по фазе. И утверждала — тот, давнишний покойник только ждет своего часа, чтобы объявиться. — Нина рассказывала со вкусом. — Наверное, тетка прожила не безгрешно. Вот и врезала замки — чтобы оттянуть неизбежную встречу. Кстати, оставила она сей мир довольно странным для ее возраста образом — но это уже другая сказка. Старый дом без легенд — все равно что неделя без выходных. Слава богу, завтра суббота...

— А это что? — я подошел к маленькой, в полчеловеческого роста, двери и подергал за ручку.

Дверца была заперта.

Нина пожала плечами:

— Кладовка. Всякий хлам. Не помню, где ключ... Хотите взглянуть?

— Нет, не стоит.

— Пора ложиться спать, я вас замучила. — Нина устало помассировала виски. — Постелю вам в угловой комнате.

В угловой комнате было два окна. Я завел часы и откинулся на подушку. Сквозь стекла в комнату лился призрачный лунный свет. Серебристая дорожка пересекала комнату и отражалась от большого старинного зеркала.

Я лежал и слушал, как шумит сад.

Несмотря на усталость, сон накатывал на меня волнами, и большую часть времени я провел в каком-то забытьи.

По овалу двигались попеременно люди и звери. Каждое мгновение кто-то вырывался из толпы и исчезал в розовом мареве, которое окружало нас. Это ритуал, понимал я, и пытался остановиться. Но толкали в спину, и я продолжал бежать в безумном хороводе. Наконец пелена лопнула, и я оказался на краю лестницы. На

ступеньках сидела женщина, почти девочка, спрятав лицо под черным капюшоном. Я попытался обойти ее, но она встрепенулась и откинула капюшон. Ее глаза оказались совсем близко. Неестественно близко. Блеклые старушечьи глаза, разделенные породистой тонкой переносицей.

Из черных складок одежды выскользнула худая белая рука и загородила мне дорогу. Я шагнул ей навстречу, прошел сквозь нее и всплыл из кошмара, чтобы увидеть лунную дорожку на полу.

Потом мне приснилось, что по дому кто-то ходит. Шаги проскрипели мимо моей двери, замерли в конце коридора, снова слышались в одной из комнат... Мне казалось, сейчас что-то произойдет... Но шаги стали возвращаться, и тут я услышал, как стучат ветви в стены дома, и понял, что не сплю.

Кто-то бродил по мрачному затихшему дому.

Я лежал тихо-тихо и слушал.

Шаги приближались. Вот они скрипнули в конце коридора, возле лестницы. Шаги были осторожные.

Я тихо встал, подкрался к двери.

Сердце стучит где-то возле самого горла.

Еще мгновение — и я окажусь с этим неизвестным лицом к лицу.

Подошвы шаркнули у самого порога.

Я рванул ручку на себя...

Дверь была заперта.

О дальнейшем у меня довольно сбивчивые воспоминания. Я что-то крикнул, снова и снова дернул дверь, потом, разбежавшись, изо всех сил двинул ее плечом. Дверь выстояла. Я снова разбежался...

Наверное, с третьей попытки я бы разнес ее в щепки. Я задыхался от ярости.

Наконец дверь поддалась, и я вывалился в коридор, чуть не сбив с ног Нину. Она была бледная и испуганная.

— Что случилось? — тихо спросила она.

— Что случилось?! — меня трясло от злости. — Это вас надо спросить. Какого лешего вы заперли дверь?

— Я не закрывала, — она побледнела еще сильнее.

— Как же, мне все приснилось! Ведь он же ходил по всему дому...

— Кто ходил? — она вздрогнула.

— Откуда я знаю. Вы что, сами не слышали?

Она промолчала, отступив на шаг от меня.

— Ну и ночка, — не унимался я, — лучше уж среди подопытных крыс...

Я стоял босиком на полу и почувствовал, как мерзнут ноги.

— И опять эти сквозняки... — пробормотал я.

— Открыто окно... — прошептала Нина, не поднимая глаз, — в кабинете у Бессонова...

— Так закройте же. Насморка мне только не хватало.

— Не могу... боюсь.

— Черт знает что...

Я нашел под кроватью свои туфли и, надев их на босу ногу, прошел в кабинет хозяина. На улице здорово похолодало, и я, ежась от холода, подошел к распахнутому окну. За окном было молочно-бело от густого предутреннего тумана, я высунулся, чтобы рассмотреть хотя бы ветви яблонь у дома. Они едва проглядывались серыми скорченными тенями.

— Что там? — тревожно спросила Нина.

— Ничего интересного. Сыро только, как в погребе.

Я взялся рукой за шпингалет и начал закрывать окно. Но так и замер, с поднятой рукой и выпученными глазами...

Где-то совсем рядом, из скрытого густой пеленой тумана сада, возник глухой, тоскливый, леденящий душу вой. Он наполнил собою весь дом, пропитал,

казалось, насквозь все тело щемящей болью. И оборвался так же внезапно, как и возник.

Я наконец нашел в себе силы и захлопнул окно. Потом обернулся к Нине.

Она сидела на диване, уронив голову на скрещенные руки. Сидела тихо, неподвижно.

— Бродячая собака,— сказал я,— их много развелось в последнее время.

Она подняла голову и посмотрела мне прямо в глаза.

— Это не бродячая,— сказала она глухо.— Это не собака.

— Глупости... Вам надо принять снотворное и уснуть.

Она замотала головой.

— Я уже приняла. Две таблетки...

Ее стала бить мелкая дрожь. Я присел рядом на диван и обнял ее за плечи.

— Успокойтесь. Утром все выясним...

Она снова отрицательно покачала головой и прижалась к моему плечу. В коридоре тикали старые напольные часы, поскрипывали перекрытия, в дымоходе завывал ветер. Так мы и сидели, как два подростка, обнявшись и укрывая друг друга от холода и всяческих напастей, которые роились в нашем возбужденном воображении. Я и не заметил, как побелело окно и туман стал рассеиваться. Нина уже спала, положив голову мне на плечо и изредка жалобно всхлипывая во сне. Тогда ресницы ее вздрагивали, и она еще крепче обхватывала мою руку...

2. СУББОТА

Когда на стекле появился первый блик солнечного луча, я осторожно встал, чтобы не разбудить спящую женщину, и подошел к окну.

Я отворил его и смотрел, как пожар рассвета заливает бездонное небо и пустынную улочку, старый яблоневый сад и далекую березовую рощу, как отражается он в золотых куполах церквушки, что стоит на пригорке у реки.

Воздух после дождя холодный и влажный. Он пахнет свежестью осеннего утра. Березовая роща набегает на косогор янтарным прибоем, и ветер шелестит за моей спиной белыми тюлевыми занавесками.

Город только просыпается, и над его красными крышами повисает на мгновение крик утренней электрички.

А здесь, на окраине, где-то заиграла радиола, захрипел в утреннем кашле курильщика сосед слева, стукнула рама в доме напротив, и зазвенела поздняя пчела у сиреневых астр под окном.

В эти мгновения хочется верить, что душа бессмертна.

Я затворяю окно и, прихватив из своей комнаты полотенце, иду в душевую. Включаю холодную воду и проклиная себя за решение начинать каждый день с этой пытки. Сердце подпрыгивает и обрывается, внутренности судорожно сжимаются. Я постанываю, подставляя тело под упругие ледяные струи, но креплюсь. И понимаю, что перед остальным человечеством у меня есть небольшое преимущество. Я заранее знаю, что когда-нибудь умру в ванной от холода.

Наконец, растираюсь махровым полотенцем и одеваюсь.

Нина еще спит, и я решаю выйти на улицу — посмотреть, не наследил ли ночной гость. Не то, чтобы я был очень любопытен, просто в голове у меня некоторый сумбур, от которого хотелось бы избавиться.

Иду в прихожую, где на вешалке оставил вчера свой плащ. В коридоре полумрак — день проникает сюда сквозь небольшое и пыльное окно.

У вешалки останавливаюсь в нерешительности. Дело в том, что я ношу свой плащ уже пять лет, и мы научились довольно быстро узнавать друг друга. Потому-то я сразу догадался, что здесь что-то не так...

Моего плаща не было.

Вместо него висела чужая куртка.

Я протянул к ней руку, но на мгновение раньше понял, что ткань вся промокла от ночного дождя...

Снимаю куртку с вешалки и в растерянности разглядываю. Синяя, финская, с золотой этикеткой, почти новая... Сейчас в таких многие ходят. Но меня заботит не это.

Дождь начался, когда я был уже в доме. Значит, хозяин куртки пришел следом. Ночные шорохи получают некоторое объяснение.

И еще — в принципе я не против — люди должны делиться с ближними, в том числе и одеждой. Но как-то не принято делать это заочно. Тем более что в плаще остались документы на машину, деньги, права и ключи. Такие дела...

Я понимаю, что попал в довольно нелепое положение. Кем бы ни был ночной гость и какие бы обстоятельства ни вынудили его к столь таинственным посещениям, содержимое моих карманов, точнее отсутствие его, создает массу неудобств.

Мой черный длинный плащ...

Я вешаю чужую куртку на место и бреду обратно по коридору. Под ногой вдруг пронзительно скрипит половица. Я припоминаю, что уже слышал этот скрип.

Нины в комнате не было, а в душевой шумела вода. Я прошел на кухню, открыл холодильник и решил внести разнообразие в меню омлетом.

Поставил на плиту чайник, и как раз, когда он закипел, на кухню вошла Нина. Она сонно жмурилась и ела яблоко.

- Доброе утро,— Нина застенчиво улыбнулась
— Уи, мадам, утро вы уже проспали.
— Неужели? — спросила она с притворным удивлением.— Хотя, наверное, вы правы.

Нина села напротив меня и подвинула к себе тарелку.

— А вы неплохо готовите...

— У меня долгая практика.

— Как это?

— В холостяцкой жизни есть единственный недостаток. Все приходится делать самому. В том числе и готовить.

— Единственный?

— Да. В остальном чувствуешь себя как до грехопадения. Я имею в виду библейский сюжет.

Нина качает головой:

— Да, жизнь одинокого мужчины гораздо привлекательнее, чем одинокой женщины. В глазах общества, во всяком случае.

— Вот как?

— Именно. Одинокий мужчина, сам себе стирающий белье,— у окружающих это вызывает только восхищение. Как и героизм холостяка, вынужденного самолично варить себе макароны. Когда то же самое проделывает женщина, ничего особенного в этом никто не видит. Разве кто пожалеет — не позарились на бедняжку. А уж когда видят разведенного папашу, который в выходной вместо футбола и компании дружков прогуливает свое чадо, которое, к слову, остальные шесть дней живет у мамы,— тут общественность начинает путаться в соплях умиления.

— С чего это вы так сердиты?..

— Просто жалею незамужних баб. Получается, они кругом виноватые. Одна поехала отдыхать — ловит кавалеров, завела ребенка — умудрилась лечь под кого-то, не завела — норовит оставить отечество без де-

тей, одевается нарядно — выставляется напоказ, на-оборот — синий чулок, выдра и мужик в юбке.

— Ну а замужние? — я рассмеялся. — Им-то по-легче?

— Через месяц после свадьбы муж вдруг понимает, что ты вкалываешь на работе так же, как и он, если не больше, а по вечерам валишься с ног от усталости. И до него доходит, что розовая мечта о вкусных ужинах из трех блюд, сказках Шахерезады и прочих прелестях разбивается о действительность. И тогда в один прекрасный день ты замечаешь следы чужой пудры у него на рубашке, подозрительно долгие разговоры по телефону с неизвестным абонентом, которого муж почему-то называет Иван Ивановичем и при этом предательски краснеет. А потом из-за пустячного конфликта вдруг уходит из дома... Может, рано или поздно он поймает свою мечту за подол, но ты-то становишься снова одинокой бабой...

Бессонова замолкает и несколько минут сосредоточенно ест. А я исподтишка наблюдаю за ней.

У нее крылатые брови и переменчивые глаза. Еще вчера они казались серыми, а сейчас я замечаю, что они уже зеленые с золотистыми искорками. Выступающие скулы, длинные блестящие ресницы, капризные губы и роскошные темно-русые волосы...

За кофе я решаюсь:

— Нина, как вы думаете, ваш муж...

— Вам интересно, не сбежал ли он? — ресницы ее вздрагивают. — Если и сбежал, то до первых заморозков. На нем была легкая куртка, а что-нибудь потеплее он вряд ли сможет купить с первой зарплаты. Со второй тоже.

Тогда я рассказываю, что увидел на вешалке.

— Значит, — она прикусывает губу, — он оказался хитрее...

Мне неловко. Мужья иногда сбегают от своих жен,

и тут я, конечно, ни при чем. Но делается это, как правило, с меньшей помпой. Во всяком случае, быть свидетелем довольно тягостно.

Потом мы вместе идем к вешалке.

— Я еще вчера заметила — на вас был плащ — совсем как у Бессонова. Он ведь скоро должен был в него влезть — погода... Недавно перевесила к себе в шкаф — хотела пуговицу пришить, да забыла. Вот он и перепутал. Он рассеянный, может сразу не спохватиться...

— Ничего, подождем до понедельника, — бодро говорю я, с трудом подавляя раздражение.

Дурацкое положение.

Нина хочет что-то ответить, но, вижу, не может подобрать слова. Уж не извиниться ли она собирается за своего сбежавшего мужа?

Никогда не допускайте в сердце жалость — вы становитесь рабом тех, кого пожалели. Сочувствие — еще куда ни шло...

Зазвонил телефон.

— Вас, — зовет меня Нина. — Звонит Эдгар.

— Привет, — говорю я.

— Здравствуй, — вежливо отвечает Эдгар. — Слушай, у меня в шкафу стоят два отличных удилица со шведской леской...

— Так-так, развивай свою мысль.

— Конечно, теперь не самое удачное время для рыбалки, но я знаю прекрасный пляж и заводь, где в тихих омутках кое-что водится.

— Так чего же мы ждем?

— Это я и хотел спросить.

— Считай, что уже спросил. Где встретимся?

— Слушай, у тебя из окна видна церковь с золотыми куполами? Над рекой?

— Угу.

— Там и встретимся. Кстати, не забудь накопать червей.

— А ты малый не промах...

Когда я вернулся на кухню, Нины там уже не было, а возле моей тарелки лежал ключ.

Я не стал больше задерживаться. Только натянул на себя оставшиеся в сумке теплые вещи. Всегда стараюсь увильнуть от проблем, когда они возникают. Хотя бы на часок.

Путеводной звездой мне были золотые купола церквушки.

За пустырем асфальт кончился, под будущее полотно был насыпан толстый слой гравия, и стояли большие оранжевые дорожные машины. От них пахло натруженным металлом и мазутом.

За машинами притулился домик с резными наличниками, клумбой отцветших роз и ухоженным палисадником. Я вспомнил просьбу Эдгара и остановился. В самом углу огорода, у забора, на рыхлой черной земле, лежал многообещающий серый лист шифера.

На крылечке сидела старушка лет под сто и с удовольствием уплетала морковку.

— Сударыня,— спросил я,— вы не позволили бы мне заглянуть вон под тот кусок шифера? Мы с другом собрались на рыбалку, и чего нам не хватает — так это наживки. Хороших дождевых червей. Уверен, я найду их именно там.

— Молодой человек,— она подняла голову,— сразу видно, что в вас романтики и отваги хватит на десятерых. Только неисправимый романтик мог обратиться к такой старой мегере, как я, со слова «сударыня»... Что же касается отваги — не тревожьте прах бедного существа...

— С нами крестная сила! Как такое может быть?

— Да-да, моя бедная серая кошка... Наверное, съела отравленную мышь. Соседи травили... — она нахохлилась и стала похожей на поблекшую моль.

— Какая грустная история, — я подпустил дрожи в голосе.

— И не говорите, — старушка встрепелась и улыбнулась. — Хотите морковку?

— Благодарю вас, надо спешить. Меня ждет товарищ. Кроме того — долг чести. Пресловутые черви.

— Тогда выпейте хотя бы молока, а я пока принесу лопату. Думаю, вы найдете то, что надо, на моих грядках.

— Но там что-то растет?

— Пустое. Вы мне симпатичны больше тех чахлых огурцов, которые здесь так и не появились.

...Дальше дорога на randevу петляла по заброшенному полю среди пожухлых трав, потом стала взбираться на косогор, нырнула в тень деревьев и вывела к обрыву. Там, под старыми березами, ждал Эдгар.

Он сидел на узловатом, выступающем из земли корне и курил сигарету. Рядом лежали чехол с удилищами и рюкзак.

— Тебя почти не пришлось ждать, — сказал он с ухмылкой.

— Скажи лучше, есть ли в этом болоте рыба?

К реке надо было спускаться по крутой, осыпавшейся под ногами тропинке. Заводь была тихая, спокойная, заросшая до середины ряской. На противоположном берегу паслись коровы, и до нас доносилось звяканье бубенцов и глумливое мычание.

— Здесь? — Эдгар обиделся. — Да здесь все кишит рыбой!

...Когда ловить дальше не имело смысла, я смотал леску и уселся на поваленное дерево. Скоро вернулся и Эдгар.

— Ну как? — я окинул его взглядом.

— Вот, — он достал нацепленных на кукан окуней и молодую щуку, из тех, что называют «голубое перо».

Щука была очень красивая, узкая и стремительная, как лезвие ножа.

— А у тебя? — спросил Эдгар.

— Поскромнее.

— Честно?

— Сам проверь.

Эдгар развязал мешок, сложил туда свой улов. Потом сел рядом, достал сверток, термос и газету. Разложил на ней ломтики копченого окорока, хлеб, кудрявые листья петрушки.

— Приобщайся, — посоветовал он.

Я кивнул и взял веточку петрушки.

— Ты что-то бледный, — заметил Эдгар, — плохо спал?

— Нет, мне грызет душу имущественная проблема, — я улыбнулся.

— Как это? — он сложил брови домиком.

— Очень просто, — и я рассказал про плащ.

— История... — сказал Эдгар задумчиво. — Тебе бы надо в милицию заявить. Мало ли что...

— Видишь ли, Эд, — я помахал веточкой петрушки, — у меня такое ощущение, что с этой женщиной поступили по-свински. И как бы там ни было, не я буду тем, кто выставит это на всеобщее обозрение.

— Да, я бы тоже не смог, — Эдгар шумно вздохнул. — Пей чай.

— Чай — это замечательно. В чае витамин С. А витамины — это вещь. От витаминов у юных дев пропадают прыщи, а у мудрых старцев вырастают зубы.

— Эк тебя занесло, — сказал Эдгар с раздражением, — чего ты хочешь?

— Давай собираться. Не сидеть же до ночи на берегу? Куда денем улов?

— Что-нибудь придумаем.

— Если ты не против, я уже придумал.

— Не против.

Мы поднялись по осыпавшейся тропинке наверх, к церквушке, и я заметил, что у самого обрыва рос зеленый и тонкий подсолнух. Он клонился на ветру и, казалось, готов был броситься в реку.

— Чего же ты хочешь? — повторил Эдгар.

— Когда муж уходит от жены... Слушай, а что он из себя представляет, этот Бессонов?

— Как тебе сказать... Типичный представитель нашего поколения.

— Вот как? А мне показалось, он лет на десять старше.

— Все равно, в сущности, мы — одно поколение. И те, кому тридцать и кому пятьдесят. Ведь не в возрасте дело. А в том, чем и как мы жили.

— И как мы жили?

— Один мой знакомый говорил — была без радости любовь, разлука будет без печали... Короче, живем без крупных потрясений. И дай бог, чтобы от студенческой скамьи до пенсии наша зарплата выросла со ста двадцати аж до ста семидесяти...

— Он пьет?

— Бессонов? Нет, у него крепкие нервы.

— Не пьет и не гуляет. Образцовый, стопроцентный?..

Эдгар наклонился и сорвал лист подорожника.

— Натер ногу, — объяснил он. — Надо будет приложить. Отличное средство.

— Ну и осторожный же ты тип. По сути, мне наплевать на нравственность твоего приятеля. Чисто корыстный интерес.

— Просто не люблю сплетен. Но если здесь замешана женщина, то... Некоторое время назад у него в отделении лежала одна особа, в судьбе которой, как мне кажется, он принимал живое участие... Ходили слухи... Ее Вера зовут.

— Тоже нашего поколения?

— Нет, из следующего.

— А оно чем отличается?

— У них одна любовь, без радостей.

Мы как раз проходили мимо дома с резными наличниками.

— Подожди...

Я перебрался через гравий, обогнул оранжевую дорожную машину и подошел к забору.

Моя старушка копалась в огороде.

— Сударыня!

Она подняла голову и, прикрыв глаза ладонью, посмотрела на меня.

— Хочу отдать компенсацию за изуродованные грядки с огурцами,— я протянул ей мешок с рыбой.

Старушка подошла поближе и улыбнулась.

— У вас доброе сердце,— она взяла наш улов,— приходите ко мне как-нибудь. Думаю, несмотря на преклонный возраст, смогу развлечь вас беседой.

Я вернулся к Эдгару. Он ждал меня, посматривая на часы.

— Теперь в гостиницу? — спросил он. — Мне обещали к этому времени подготовить номер.

— Хорошо, только сначала узнаем телефон этой Веры. Придется поторопить события — неизвестно, когда Бессонов снова нагрянет к своей благоверной. А я без плаща чувствую себя неуютно. Без документов, кстати, тоже.

— Сегодня в клиническом дежурит, кажется... Ладно, узнаем,— Эдгар задумчиво почесал переносицу.

До института мы доехали на автобусе.

Удильища засунули в шкаф. Я умылся, причесался. Одним словом, привел себя в порядок.

— Пойдем,— сказал Эдгар,— нам на третий этаж. Только учти — знакомлю и ухожу. Иначе они решат,

что сую нос в их дела. У клиницистов болезненное самолюбие...

Все коридоры в этом здании специфические, больничные.

— Вот, — Эдгар толкнул одну из дверей. — Знакомьтесь, товарищ из Москвы. А это — Николай Петрович...

За столом сидел мужчина лет сорока с лицом очень здорового человека.

— Чем обязан? — он поднял голову.

— Это уж вы без меня выясняйте, — Эдгар поспешил дезертировать. — Приходи потом в лабораторию.

— Садитесь, — сказал мужчина, когда дверь за Эдгаром закрылась, — я вас слушаю.

— Я журналист...

— Очень приятно. Я догадался, что вы не имеете отношения к медицине.

— Каким образом?

— Человечество делится на врачей и пациентов. Одни чувствуют себя не в своей тарелке, когда снимают белый халат, другие, когда надевают. Вы относитесь ко вторым. Так чем могу вам помочь?

Я откинулся в кресле:

— Моя просьба несколько необычна... Нужен адрес и фамилия одной бывшей пациентки.

— А, понятно, — на лице собеседника появилась проницательность популярного киногероя, — жалоба, да? Но поверьте...

— Никакой жалобы, — я протестующе поднял руку. — Никаких к вам претензий. Только фамилия и адрес. Тут, думаю, нет врачебной тайны?

— Если ваш интерес не касается подробностей медицинского характера... Так кто вас интересуется?

— Молодая женщина, она лежала здесь в прошлом году...

— У нас много молодых женщин, — он грустно улыбнулся. — К сожалению.

— Ее зовут Вера...

Кустистые брови пришли в движение.

— Вера?.. Но откуда вы... Впрочем, Вера — имя не уникальное...

— Ее лечил ваш коллега, Бессонов.

Он взял со стола шариковую ручку и вдруг сжал ее, словно хотел сломать.

— Бессонов... Спросили бы у него. В понедельник...

— Дело срочное.

— Странно...

Он встал и подошел к окну. Потом резко распахнул его. Комнату наполнили звуки города и сырость. Опять начал накрапывать дождь. Я поднялся и встал рядом.

— Не знаю, вправе ли я, — наконец сказал он, — Бессонов не любит, когда вмешиваются в его жизнь.

— Давно с ним знакомы? — спросил я.

— Да, вместе работали на «Скорой помощи». Зачем вам нужна эта девушка?

— Просто поговорить. Тема касается только меня.

— Валяйте. Ее фамилия Громова. Можете встретить каждый вечер в кафе «Юбилейное». Ходит туда как на работу.

— А адрес?

— Вот этого... не знаю.

— Но ведь в истории болезни...

— Истории болезни нет... — Он подошел поближе и вдруг сжал мне локоть.

Пальцы у него были железные. Пальцы врача «Скорой помощи».

— Как нет?

— Очень просто. Она пропала.

— Позвольте... Но ведь есть порядок...

— А уж это, позвольте, не ваше дело. Прошу!

И он самым издевательским образом подвел меня за локоть к двери и распахнул ее передо мной.

В лабораторию Эдгара я поднимался пешком по лестнице. Здание было пустынно, и мои шаги отдавались на всех этажах. Мимо прошла пожилая медсестра и, как мне показалось, подозрительно на меня поносилась.

Когда я вошел, Эдгар сидел на корточках перед шкафом и рылся на нижней полке.

— Ну как? — он поднял голову и вопросительно посмотрел на меня.

— Странный тип. От его пальцев на руках синяки остались.

— Он тебя что, — Эдгар оживился, — тискал?

— Похоже на то.

— Сам напросился.

— Не спорю. Слушай, где тут кафе «Юбилейное»?

— Что еще надумал?

— Решил маленько кутнуть. Имею полное право.

— Я пойду с тобой.

— Ни в коем случае. Я хочу пуститься во все тяжкие.

— Так пустимся вместе.

— Ни-ни. В тебе слишком много здравого смысла. Все испортишь.

— Ладно, как знаешь. Пойдем в гостиницу, по пути покажу «Юбилейное».

И он снова засунул голову в шкаф.

— Чего там позабыл? — спросил я.

— А, банка стояла... — он вынырнул из-за дверцы и сделал страшные глаза. — С ядом!

— Кошмар. У вас тут что — двор Марии Медичи?

— Ага. Я им приبلудных крыс травлю. Если надо.

— А человека можно?

— Можно, — он рассмеялся, — человека и стиральным порошком можно. Если очень захотеть. Ну и устрою я уборщице. Наверняка она переставила.

— Тебе он что — срочно нужен?

— Да нет, я так, для порядка. Пошли.

Он ухватился за открытую дверцу и рывком встал. Вид у него был эдакого непроницаемого мужика с морщинистой, рубленой топором физиономией. Он был почти седой и стригся ежиком. В общем, бестия, да и только. Но я знал, что он славный. Я таких славных, честно говоря, больше и не встречал.

Минут через десять мы дошли до реки и свернули направо. Мы повторяли наш вчерашний маршрут, только в обратную сторону.

— Вот и «Юбилейное», — Эдгар тронул меня за локоть. — Днем работает как закусочная. Вечером — молодежное кафе. Так, по-моему, это теперь называется.

— Зайдем? Мы ведь еще не обедали.

Я толкнул дверь под вывеской из неоновых трубок, и мы оказались в довольно просторном холле. С одной стороны был пустовавший с лета гардероб, с другой — двери туалетов. Зал находился на втором этаже.

Мы поднялись по ступенькам, открыли еще одну, застекленную дверь.

— Хотя бы не пахнет кислой капустой и рыбой, — сказал я Эдгару.

Он неопределенно поморщился.

Помещение напоминало обыкновенную забегаловку, только середина зала была пустая. Я подумал, что по вечерам здесь бывают танцы.

За стойкой сидела девушка и читала толстую книгу. Мы взобрались на высокие табуреты у стойки, и я спросил, может ли она нас накормить.

Девушка оторвалась от книги и подняла скучающее личико.

— Сварить сосиски? Есть кефир...

— А посущественнее кефира? — я подмигнул.
Она фыркнула.
— У нас зона трезвости.
Эдгар бросил на меня сердитый взгляд.
— Ладно, давайте что есть, — я махнул рукой.
— Придется подождать, пока вода нагреется.
— Ничего. Мы не торопимся.
Она включила агрегат и вернулась на свое место.
— Миленькое у вас заведение, — сказал я довольно
но развязно. — А что, по вечерам бывает довольно
шумно?
— Вам-то какая разница, — и девушка уткнулась в
книгу.
— Просто я любопытен. Думаю заглянуть сюда ве-
черком.
— Не попадете, — сказала девушка уверенно.
— Ой ли?
— Вечером много клиентов, — пояснила она.
— Тогда видите вон ту коробку конфет? Я хочу
вам ее подарить.
— С какой стати? — она взглянула исподлобья.
— Такой уж у меня характер. Люблю делать по-
дарки.
— Как знаете... — девушка впервые улыбнулась.
— По-моему, вода закипела, — хмуро сказал Эдгар.
— Сейчас накормлю вас, — барменша отложила
книгу. — Вы приезжий? — она повернулась ко мне.
— Именно. Одиноким неухоженный приезжий, пу-
тешествующий инкогнито.
— Это как?
— Долго объяснять. Это когда в гостиницу не
пускают.
— А, понятно.
— Так как насчет вечера? — я подмигнул.
— Ладно, — она пожала плечами, — приходите.
Одно место я как-нибудь найду.

Мы еще немного поболтали, но когда Эдгар заерзал, я понял, что его терпению настал предел.

— Чего сидел как воды в рот набрал? — спросил я его на улице.

— Зато ты соловьем заливался. Где научился? Я промолчал.

— Пошли в гостиницу? — спросил он. — Я им уже звонил.

— Ничего не выйдет.

— Почему?

— Документов-то нет.

— А, инкогнито, — он хмыкнул. — Ладно. Поезжай к Бессоновой за оставшимися вещами, а я пока договарюсь, чтобы ключ от номера уже лежал у администратора. Пропишешься завтра. Там у моей лаборантки знакомая, попрошу договориться и, если надо, оставлю в залог свой паспорт.

— Мне бы такую лаборантку, — я притворно вздохнул.

— Ладно, — сказал он сухо, а потом вдруг улыбнулся: — Инкогнито. Что ж, до завтра? Я с утра в лаборатории. Приходи туда.

— Так ведь воскресенье!

Эдгар развел руками.

— Молодец, — я похлопал его по плечу, — чистый Менделеев. Куда ты денешь свою Нобелевскую премию? Закопаешь в огороде?

Мы попрощались, и он приложил все силы, чтобы раздавить мне кисть. Но я был начеку, и сохранился паритет.

— Да, старина, — я задержал его ладонь, — на реке ты очень славно рассказал о том, как молоденькая больная влюбилась в своего импозантного врача. Узнай, когда и от чего Вера Громова лечилась у Бессонова. Ладно?

— Ты
постарайся
Я пр
пути газ
усвоил,
одинаков
лично на
стоим.

Спеш
посидел
до корки.
но зато
предстоит
я выясни

От авт
вому саду
ницу. При
мрачно, а
наталкива
продрог.

Дверь
хозяйки д
оказался
Бессон
фону.

Увидев
трубку:

— Ну,
Потом
зевнула и

— Вы с
— Знак
ми, — после
гам Дикт

— Тыфу ты, частный сыск, да и только. Хорошо, постараюсь.

Я прошел пешком несколько кварталов и купил по пути газету. Она была позавчерашняя, но я давно усвоил, что, если не смотреть на числа, все газеты одинаковые. А главные новости, если они касаются лично нас, мы чаще всего узнаем не из газет. На том стоим.

Спешить мне было некуда, и я некоторое время посидел на мокрой лавочке и прочитал газету от корки до корки. Я порядком промок под морозящим дождем, но зато теперь имел ясное представление о том, что предстоит сделать. Можете поверить мне на слово, но я выяснил это не из газеты.

От автобусной остановки мой путь лежал к яблоневому саду. Стало немного грустно переезжать в гостиницу. При свете дня дом Бессоновых выглядел не так мрачно, а блестящий от дождя флюгерный петушок наталкивал на веселенькие ассоциации. Я ведь здорово продрог.

Дверь была открыта, и из гостиной доносился голос хозяйки дома. Я прошел по полутемному коридору и оказался в одной с ней комнате.

Бессонова лежала на диване и говорила по телефону.

Увидев меня, она помахала рукой и бросила в трубку:

— Ну, пока. У меня гости.

Потом она спустила на пол ноги в одних чулках, зевнула и вопросительно на меня посмотрела.

— Вы совсем промокли. Где вы были?

— Знакомился с местными достопримечательностями, — последнее слово я мог выговорить только по слогам. Диктора из меня не выйдет, увы.

— Вам надо срочно согреться,— сказала она, вдруг встала, нетвердой походкой подошла к бару, открыла его и налила две рюмки коньяку.

Мы выпили, и она налила еще.

— Вы взяли высокий темп,— сказал я.— Боюсь, мне не угнаться.

— За моего муженька,— сказала она, скривив губы.

— Что так?

— Получила от него телеграмму. Берет на работе отпуск, хочет пожить у каких-то знакомых в Ленинграде. Обдумать сложившуюся ситуацию, как выразился. Плевать я на него хотела.

Она выпила, и ее передернуло.

— Может, сварить кофе? — предложил я.

— А, отстаньте...

Она снова взяла бутылку, но не удержала, та упала на пол и разлетелась вдребезги. По комнате пополз клопный запах. Страсть как не люблю.

— Вот бестолочь какая,— она посмотрела на свои руки, потом на пол.— Ничего, я знаю, у него еще припрятано. В кладовке. Вот только ключа нет. Ключ на его связке. Знаете, вы мне помогите. Взломаете дверь.

— Стоит ли?

— К черту, вы мужик или нет?

Я усмехнулся:

— А это определяется при взламывании дверей? Тогда нужен хоть какой-нибудь инструмент.

— На кухне, под колонкой,— топор. Сойдет?

— Как нельзя лучше.

Двери я взламывать не умел. Раскрошил притолоку и ободрал пальцы. Но в конце концов справился.

— Вы поранились,— она взяла мою руку, поднесла к губам и слизнула выступившую капельку крови.— Так лучше?

Чуть улыбнулась, потом снова поднесла руку к губам.

Я заметил, что щеки у нее пунцовые.

Нина подошла почти вплотную и, прижимая одной рукой мою кисть к губам, другой обхватила шею, провела по волосам и поймала пальцами мочку уха. Острые ногти впились в кожу, и я поморщился.

— Что ж,— спросил,— зря ломали дверь?

— Хочешь прежде меня накачать? — она подмигнула.

Разбитая бутылка коньяка была уже пустая на две трети, когда я пришел. Во сколько она начала? Как только получила телеграмму?

— Поищи на полке справа,— говорит она.— На нижней.

Давно ли мы перешли на ты? И надолго ль?

Согнувшись в три погибели, я шарю в темноте и наталкиваюсь на всякую ерунду вроде старых ботинок и пустых трехлитровых банок. Вдруг под ладонь падается какой-то тряпичный комочек, и я непроизвольно поворачиваюсь к свету, чтобы его рассмотреть.

Лучше бы я этого не делал. В кулаке у меня был зажат женский носовой платок.

Поднимаю глаза на Нину. Губы у нее нервно подергиваются. Потом она резко бьет меня по руке. Платочек падает на пол.

— Вот, значит, куда он от меня своих б... прятал,— кричит она,— если я не вовремя возвращалась...

Она судорожно всхлипывает, отворачивается, и тут ее начинает тошнить.

Волоку даму в туалет.

— Уйди,— просит она между приступами.— Убейся отсюда. Не смотри.

Иду на кухню, наливаю стакан одной заварки. Закуриваю.

Минут через пятнадцать приходит Нина.

— Выпей,— говорю я, жестом показывая на стакан чая.— Поможет.

Глаза у нее уже совсем трезвые.

— Мне очень стыдно, — она теребит поясок халата, — поверьте, это впервые в жизни.

— Ничего не было, — я киваю, — договорились? Она отводит глаза.

Я смотрю на часы. Значит, путь к Бессонову в ближайшие дни лежит через Громову, как я и предполагал. А мне он нужен именно в ближайшие дни. Точнее, не он, а что — сами знаете.

— Сегодня вам лучше уйти, — нерешительно произносит Нина. — Вы не подумайте...

— У меня уже есть номер в гостинице.

Нина кивает, и мы прощаемся. Она очень бледная, мне ее жаль. Но что тут поделаешь?

На новое место жительства я попал к девяти часам вечера. У гостиничных номеров есть одно неприятное свойство — к ним привыкаешь. Привыкаешь к пятнам на обоях, скрипящему креслу и поцарапанной плоскости стола, улице за окном и голосу дежурной. Может, именно поэтому я не люблю подолгу задерживаться на одном месте — в день отъезда становится страшно, что больше никогда сюда не вернешься.

Я поставил сумку, стянул свитер, расстегнул ворот рубашки и распахнул окно, чтобы немного подышать вечерним воздухом.

На улице только смеркалось, и сквозь причудливую вязь деревьев проглядывали красные крыши домов.

От серых плит тротуара веяло вечерней сыростью. На каждой плите сидело по жабе.

Я вернулся к сумке и стал подбирать наряд для предстоящего мероприятия. За окном квакнула одна жаба. Потом вторая. Похоже, они задумали устроить концерт.

Через час я уже был возле «Юбилейного». Правда, как выяснилось, меня там не особо ждали.

— Слушай, парень,— сказал мне в дверях довольно мрачный субъект, почесывая выбритый затылок,— катился бы ты отсюда, а? В зале и так полно народу.

— Меня ждут,— я попытался оттолкнуть его и без лишних разговоров пройти наверх. Но недооценил субъекта. Потому что через секунду он уже яростно выкручивал мне руку.

— Отпусти,— наконец попросил я.

— Брыкаться не будешь? — пропыхтел он.

Видимо, я тоже был не подарок.

— Хорошо.

Он отпустил.

— Можешь кого-нибудь послать в зал? — я растирал затекшую руку.

— Это еще зачем? — субъект не отличался приветливостью.

— Передай барменше,— я полез и достал три рубля,— привет.

— От кого? — он взял трешку двумя пальцами за уголок.

— От... инкогнито.

— Чего-чего?

— По буквам повторить? — я прищурился.

— Да нет, не надо. Не глухой. Гвоздь! — окликнул он какого-то типа, выходящего из туалета.— Сходи к Зойке. Передай...

Гвоздь вернулся довольно скоро и буркнул субъекту:

— Зойка велела пропустить. Ее клиент.

— Постой тогда за меня.

Субъект поднялся вместе со мной наверх, провел через зал, раздвигая танцующих, и, подтолкнув кого-то под ребра кулаком, освободил место у стойки. А под конец вернул трешку. Это меня особенно потрясло.

— У вас дисциплина,— я улыбнулся барменше.

— Здорово помяли? — она ответила на улыбку. — Здесь чужих не любят. Учтите на следующий раз.

— Следующего раза не будет. Сзади я его не подпущу, а спереди со мной справиться не так-то просто, — я подмигнул.

— Что закажете? У нас только соки и кофе, — напоминает она, но на сей раз менее решительно. Для меня так-то оно и лучше. Уже погулял.

— Дайте кофе и пару бутербродов. Если только хлеб не черствый.

Она отходит, а в это время кто-то окликает меня:

— Вот не ожидала вас здесь встретить...

Я обернулся и получил удовольствие лицезреть лаборантку, ту самую, языкатую. Звали ее Марина, я запомнил.

— Что, слишком старый? — я хмыкнул.

— Неудачно пошутила, каюсь, — она садится на соседнюю табуретку, немыслимо переплетая джинсовые ноги.

— Чем вас угостить? — спрашиваю я.

— Если можно, стакан фанты. Тут очень душно.

— Вы одна?

— Нет, с друзьями. Отмечаем жизненный успех одного милейшего человека.

Она облизнула вишневые накрашенные губы. Красилась она неистово. А зря — мордочка у нее вполне смазливая, если представить без косметики (что довольно сложно). Женщины при помощи туши, помады и пудры творят поистине чудеса, я бы многим из них народного художника сразу давал. Ну, пусть не народного, заслуженного...

Барменша поставила между нами длинный бокал с оранжевым напитком, кофе, канапе на блюдечке. Я расплатился.

— Как устроились? — спросила Марина.

— Неплохо. Эдгар помог с гостиницей.

— Знаю. Кстати, без меня не обошлось. В гостинице одноклассница работает, я попросила отдельный номер. Вам ведь отдельный дали?

— Значит, я у вас в долгу?

— Не пугайтесь. Потребую всего лишь массу мелких услуг,— она засмеялась.

— Готов. Всегда.

— Для начала — проводите меня сегодня домой. Ничего себе заявочка, да? — она снова засмеялась. — Просто в нашей компании два отрока уже предложили себя в провожатые, а выбрать одного — обидеть другого. Коллектив не простит.

— Берите обоих.

— Вот еще. Они передерутся по дороге. Тем более под этим делом.

— Да, тяжело вам. Как соберетесь уходить — дайте знать.

— А может... Прямо сейчас к нам присоединитесь?

— Не стоит. Я человек робкий, приобретать новых знакомых пока не собираюсь.

— Как знаете.

Она достает пудреницу, проводит пуховкой по лицу.

— Ничего картинка? — спрашивает.

Я показываю большой палец.

Потом она уходит, а я знаком прошу барменшу обратить на меня внимание.

— Не люблю одиночество... — начинаю волюнку.

— А мне показалось, вы встретили приятельницу.

— Это не то...

— А, понимаю, — барменша улыбнулась.

— Мой товарищ — вы его сегодня видели — говорил, что у него тут бывает знакомая...

— Вот оно что? Кто такая?

— Вера Громова. Вы ее случайно не знаете?

— Верку-то? Справа она, за крайним столиком, —

барменша скосила глаза,— только как бы не вышло скандала. Она, кажется, в компании...

Осторожно поворачиваю голову, словно рассматриваю танцующих, пока мой взгляд не упирается в молодую женщину с белыми прямыми волосами и тонким нервным лицом. Рассмотреть как следует не удастся, так как между нами маячит мужская спина.

По всему выходит, что они спорят. Вроде мужчина уговаривает ее уйти, но девушка отрицательно качает головой. Наконец спутник машет рукой и, не оборачиваясь, уходит.

Мне почему-то кажется его фигура знакомой. И еще — он все время старался быть ко мне спиной.

— Все выходит довольно просто,— я оборачиваюсь к барменше.

— Похоже,— отвечает она.— Потанцуйте с девушкой, пока никто не успел.

— Непременно.

Я пошел и пригласил. Она согласилась, только быстро оценила с ног до головы и сразу же положила руки мне на плечи.

— Вы хорошо танцуете,— сказал я после того, как мы ввинтились в толпу и в этом бешеном галопе продержались до конца мелодии.

— Спасибо,— только и ответила.

Почти без перерыва начался медленный танец. Я аккуратно повел ее за собой поближе к окнам, где воздух был свежее. Танцующих много, но мы ни с кем не столкнулись, и она ни разу не сбилась с ритма.

— Вы не огорчайтесь, что ваш кавалер ушел,— сказал я.— Он еще вернется, и все образуется.

— Он не вернется.

— Из-за такой девушки и не вернется? Но кто же он тогда такой?

— Не будем об этом,— она обхватила руками мою шею и прижалась теснее.

Мы еще
стала отвеча
столику и сел

— Не хочу
но не встреча
на два па

Мы оба з
совсем измота
и тяжело ды

— Вы то
Жаль, не вст

— Я неде
пуститьсь во
рыбу.

— Вот он

— Как в
беседовать, к

Мы позна

— Ну что
местной публ

— Подож
себя в поряд

Она ушл
висели устр

и в зале бы

Кто-то тр

своего стар

— Вы та

— А в ч

— Прос

доть и жде

— Спас

рукой, про

оказался н

На небе

теплый. Зн

Мы еще немного потанцевали, и под конец она стала отвечать менее односложно. Потом я отвел ее к столику и сел рядом.

— Не хочу навязываться,— сказал я,— просто давно не встречал партнершу, которая бы все угадывала на два па раньше, чем собираешься предложить.

Мы оба здорово взмокли, но она, по-моему, была совсем измотана. Сидела, откинувшись на спинку стула, и тяжело дышала.

— Вы тоже ничего себе,— она облизнула губы.— Жаль, не встречала здесь раньше.

— Я неделю как приехал. И только сегодня решил пуститься во все тяжкие. До этого ловил с другом рыбу.

— Вот оно что!

— Как вас зовут? — спросил я.— Куда приятней беседовать, когда знаешь друг друга по имени.

Мы познакомились.

— Ну что? — спросил я.— Рискнем еще? Покажем местной публике класс?

— Подождите,— она поднялась,— только приведу себя в порядок. Посидите здесь.

Она ушла, и я достал сигарету. Хотя на стенах висели устрашающие объявления, все тайком курили, и в зале было не продохнуть.

Кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся и увидел своего старого знакомого по кличке Гвоздь.

— Вы танцевали с девушкой? — спросил он.

— А в чем дело?

— Просто она просила передать, что решила уходить и ждет вас на улице. Если надумаете проводить.

— Спасибо, иду,— я поднялся и, помахав барменше рукой, прошел через зал, спустился по лестнице и оказался на улице.

На небе вовсю высыпали звезды, но вечер был теплый. Значит, к утру погода опять испортится.

Я огляделся. Веры нигде не было. Только от парапета на набережной отделилась фигура и приблизилась ко мне. Фигурой оказался тот самый субъект, который не хотел меня пускать вначале.

— Слушай, приятель, — сказал я, когда он подошел вплотную, — я тут познакомился с одной девушкой, и она мне очень понравилась. Мне вообще нравятся блондинки. Она просила передать через твоего дружка, что ждет меня на улице. Но я что-то ничего, кроме твоей физиономии, здесь не вижу. А она у меня сладостных чувств не вызывает. Уж извини.

Он меланхолично затянулся и вдруг резко ударил меня левой рукой в живот. Нет ничего хуже, чем драться с левшой. Никогда сразу не вычислишь.

Воздух вокруг меня как-то сразу иссяк, и я уже лежал посреди тротуара, а надо мной прыгали звезды.

Субъект подходил поближе, видимо испытывая непреодолимое желание проверить качество своих каблуков. Он наверняка был большим любителем до этого дела. Но только любителем. Потому что профессионал заметил бы, что я успел подтянуть ноги. И уж наверняка не стал бы, как советуют конюхи, подходить к лошади сзади. Субъект нарушил эту заповедь и встретил контраргумент в виде двух ног, синхронно врезавшихся в то место, что пониже пояса и повыше колен. Я-то когда-то был профессионалом...

Скрутить руки корчившемуся от боли противнику его же собственным ремнем не представляет особого труда. Потом я перевалил тело через парапет и сам спрыгнул следом. Меня подташнивало.

— Не ушибся? — поинтересовался я.

В ответ он начал материться.

— Заткнись, — посоветовал я ему. — Будешь говорить, когда разрешу.

Он замолчал, а я достал сигарету и прикурил.

Потом, не гася пламя, поднес спичку к его лицу. Глаза у субъекта были водянистые и неприятные.

— Давай-ка быстренько отвечай, кто тебя подослал? — спросил я.

— Никто. Нечего с нашими девками путаться.

— Купи себе мороженого гуся и рассказывай ему сказки. А мне некогда. Кто был сначала с этой девушкой?

Он промолчал и отвернулся.

— Живо! — прикрикнул я. — Таких подонков, как ты, ненавижу. Так что на гуманное отношение не рассчитывай. Считаю до трех...

И я наклонился, словно собираюсь поднять камень.

— Баринот его зовут, — вдруг сказал субъект. — Баринот, и все тут. Больше ничего не знаю.

— Это он тебе сказал?..

— Нет, не сам. Пацана одного прислал.

— Что за пацан?

— Не знаю, он не впервой от Барина приходит. Вертлявый такой, на педика смахивает.

— Так, значит, Барин... это... — я не удержался и хмыкнул. — Чего же тогда он меня приревновал?

— Не, у Барина с этим делом все в порядке. Он их другим держит.

— Чем же?

Субъект промолчал и насупился.

Я быстренько обыскал его карманы. Грязный носовой платок, порнографический календарик, несколько медных монет и небольшая картонная коробочка. Я открыл коробочку и понял, что это такое. Как-то давно уже приходилось сталкиваться. Но тут другая история.

— Этим, что ли, Барин шестерок своих оплачивает? — спросил я, доставая ампулу морфина.

Парень задержался, и пришлось потуже затянуть ремень.

— Ну, этим,— наконец прохрипел он.— Гомики же почти все на игле сидят.

— Ты-то на морфиниста не похож, зачем тебе? Кстати, трех ампул в упаковке не хватает. Где они?

— Ну, Верке дал. А когда тебя спровадим, должен был остальные отдать.

— Она что — тоже? На игле?

— А ты думал? На игле как на ... Ее залетный приучил, с которым она раньше тусовалась.

— Ты ей продал морфин?

— Нет, просто отдал. Продажу мне не пришьешь. Просили передать — я передал. Пост-сервис, понял?

— Ладно, ври дальше.

Парень менялся на глазах. С каждой минутой трусил все больше.

— Ее, значит, к этому времени всегда ломать начинает, вот она и спустилась ко мне. Я ей сунул, она пошла в туалет, а мы тебя позвали.

— Стало быть, не в первый раз наркотиками снабжаешь? Если она знала, к кому идти?

Он заскулил:

— Не докажешь, не докажешь...

И я понял, что большего пока не добиться.

— Значит так,— рассуждал я вслух,— некто по кличке Барин приказывает тебе дать наркотики девушке и набить физиономию ее кавалеру. Ты все беспрекословно выполняешь. Тут что-то не так. Как ты с ним связан?

— Никак...

— Где этот Барин работает хотя бы знаешь?

— Ну, знаю... Нигде, наверное.

— Тунеядец, значит?

— Во-во. Мне бы таким тунеядцем...

— Тебе, я думаю, в ближайшее время придется заниматься физической работой на свежем воздухе.

— А я-то при чем? Он мне через пацана товар

присылал, я, кому он указывал, передавал. Откуда мне знать, что в сверточках этих было. Они без этикетки, а внутрь я не заглядывал. Навар, конечно, был. Только это — как чаевые. Больше ничего не докажешь. Я Барина в глаза ни разу не видел.

— Ладно, повторяешься. Курьер на общественных началах.

Наверху слышались шаги. Двое остановились совсем недалеко от нас. Я быстренько зажал субъекту рот рукой.

— Куда Вовик делся? — слышалось в темноте.

— Кабы знать. Сказали этому опущенному в дверях стоять. Может, смылся? Или сам промок? Ты сколько ему бутылок на круг оставил?

— С него станется. Полста «Сибирской» было. Вот сукин сын, не может без выкрутасов. Пойдем в подсобке посмотрим. Потом хлопцев поднимем — вдоль берега пошукаем.

Шаги стали удаляться, и я понял, что пора сматывать удочки.

Наклонился к субъекту:

— Где Вера? Уже ушла?

— Разве она уйдет? Ей, чтоб приход заловить, пол-упаковки надо. В зале сидит, ждет.

— Тогда лежи тихо. А то вернусь.

Я поднялся в бар. Вера сидела на прежнем месте.

— Пойдемте, — я наклонился и взял ее за локоть.

— Куда еще? — она вжалась в стул.

— Нам пора уходить.

— Зачем? Никуда я не пойду.

Я отпустил локоть, сунул руку в карман и молча показал край картонной упаковки.

— Откуда это у вас? — глаза у нее сузились.

— Сейчас некогда объяснять. Я ухожу. Советую идти следом.

— Вы... из милиции?

— Нет.

Я повернулся и, не оборачиваясь, пошел к стойке. Она меня догнала.

По моим подсчетам, в запасе оставалось минуты три. Не больше. А выход, скорее всего, уже отрезан. Я перенулся через стойку и поманил барменшу.

— Разве вы еще не ушли? — она улыбнулась.

— Как видите. Хочу вас предупредить.

— Что такое?

— Боюсь, может произойти скандал. И я тому виновой. Вы ведь не любите скандалов?

— Так я и знала, — барменша бросила неприязненный взгляд на мою спутницу.

— Да, да, — я кивнул, — не всем понравилось мое поведение. Отсюда есть запасной выход? Нам надо спешить.

— С правой стороны стойки дверь, — она чуть повернула голову, — сейчас открою. Пройдете по коридору, через окно — и по пожарной лестнице. Лучшего предложить не могу.

— Лучшего и не надо, — мне понравилась ее решительность. Правда, стало немного жалко свой светлый свитер.

Но все обошлось. Немного ржавчины на плече и разорванный чулок у спутницы.

Недаром я полчаса крутился вокруг «Юбилейного», прежде чем туда пойти. Зато теперь я знал прилегающие дворы ничуть не хуже аборигенов.

Когда мы очутились на другом берегу реки, я уже порядком устал, а моя спутница так и вовсе валилась с ног.

— Все, — наконец сказала она, — дальше никуда не пойду!

И уселась прямо на асфальт.

Я остановился.

— Давайте коробку, — она протянула руку.

— Пожалуйста.

Она открыла упаковку, которая, как я и ожидал, оказалась пуста. Ведь ампулы уже лежали в кармане рубашки, и я боялся их раздавить, пока лез по пожарной лестнице.

— Падла,— она устремила на меня жесткий, с прищуром взгляд.— Падла, так надуть...

— О чем это вы? — спросил я наивно.

— Где доза? Ты суешь мне пустую коробку...

Она попыталась встать, но мешала узкая юбка.

— Сидеть! — я слегка хлопнул ее по плечу, и она опешила от окрика.

— Вы чего?

— Где Бессонов? — спросил я резко.

— Я не знаю.

— Знаешь!

— Нет, честно.

Я сунул руку в карман и достал найденный в кладовке носовой платочек.

— Твой? — показал Громовой.

— Нет.

Кажется, правда. По-моему, у нее сроду платков не было.

— Когда ты видела Бессонова в последний раз?

— Три дня назад.

— Где?

— В сквере, за институтом.

— Назначил свидание?

— Да... Он дал мне денег. На прошлой неделе...

А теперь...

— Сколько денег?

— Штуку.

— Ого,— я присвистнул,— целую тысячу? Зачем столько?

— Сказал, чтобы купила... На все.

— Морфий?

— Его.
— Бессонов, что — поощрял твое увлечение?
— Нет, что вы. Он меня лечил.
— Тогда зачем он давал тебе деньги на морфий?
— Не знаю, — она пожала плечами.
— Что было дальше?
— Я смогла достать всего упаковку. Отдала ему.
— Ему?
— Да. Он что-то там задумал. И знаете, что странно... — она внимательно разглядывала в свете фонарей пустую коробочку, которую я ей дал. — Е-мое, это та самая упаковка.
— Как это — та самая?
— Вот видите — в углу звездочка нарисована? Фло-мастером? Он как ее увидел — прямо затрясся. Потом ругать начал.
— Кого ругать?
— Я не поняла. Он не матерно, а так — дрянь, сволочь...
— У кого упаковку купила?
— У Вовика. Он на входе сегодня стоял, может, заметили.
— Имел удовольствие. Что было потом?
— Потом? Положил упаковку в карман. В куртку. Я деньги оставшиеся вернула — он взял. Мне нельзя надолго деньги давать, все спускаю. Правда, морфий трудно достать последнее время. А другое я не могу, пробовала варить — не могу...
Она подняла ко мне лицо, и по щекам вдруг пока-тились по-детски крупные слезы.
— Когда ты на иглу села? — спросил я.
— После десятого класса.
— Как это произошло?
— Я тогда с одним мальчиком встречалась, — она невесело улыбнулась, — ему тоже семнадцать было. А тут как раз в нашей компании парень один

объявился. Олег. Он из колонии вернулся. Боялись его все ужасно. А я нет — дурной он, что ли, думаю, что-нибудь выкинуть, чтобы снова туда загреметь. Мы на танцы как-то пошли — и я с этим Олегом потанцевала. Он и решил, что я его. А я с этим мальчиком после танцев ушла... Олег нас догнал — говорит, иди ко мне. А я — катись ты... Тогда он меня кулаком — в лицо. И еще раз. Потом еще. Я поднялась, вся в грязи, губы разбиты, из носа кровь. И плюнула ему в рожу... А мальчик мой перед этим Олегом в той самой грязи ползает. И плачет — не бей, Олег, не бей... Тогда я с Олегом и пошла. Грязно все потом было, думала — повешусь. Он тут шприц мне в руки и сунул. Попробовала — и как будто не со мной все происходит. А потом уже бросить не смогла — с иглы не соскочишь.

Я не удержался и погладил ее по голове. Она шмыгнула носом.

— Где сейчас этот Олег?

— Олег? В колонии давно. Через месяц и забрали. Аптеку ограбить пытался.

— А мальчик?

— Мальчик? — она криво усмехнулась. — Мальчик тоже колоться начал. Вроде ему все нипочем. Только с катушек сразу сорвался. Вены резал. Шухер начался. Хорошо, Бессонов меня в больницу устроил, — я ему все рассказала. Потом у подруги жила — но оттуда меня ее родители выгнали. Я ведь колоться продолжала. Меньше — но продолжала. Стала комнату снимать, уборщицей работала. Бессонов деньгами помогал... Если бы не он... А теперь вдруг уехал... Я на него так надеялась...

— Пойдем провожу, — я помог ей встать.

— Ага. Слушай, зачем ты ищешь Бессонова?

— Так получается. С кем ты была в кафе?

— А, мужик один. Встречались год назад. Потом он к другой переметнулся. Чистенькой. И вдруг у нее на

глазах снова ко мне подкатывает. Я забалдела сначала, потом решила — плевать. Тут ты меня снял.

— Сведи меня с этим типом завтра?

— Попробую. Только с ним ухо остро держать.

— Почему?

— Оборотень он.

— Это как?

— А у меня примета есть, по которой я их распознаю. Ходит днем человек, как все. А ночью у него клыки вырастают.

— Три ампулы, вижу, ты уже себе вкатила.

— Тебе-то что? — она ошетижилась. — Мне еще надо, чтобы в норму войти.

— В норму? — мне стало жаль ее. — Нормально ты себя после лечения почувствуешь. Тебе этого не избежать. Уж я постараюсь.

— Нет, только не в лечебницу, — она вздрогнула. — Лучше на тот свет. Там всухую держат. Если бы я это пережить смогла, сама бы бросила. Нет, нет! И потом, там... там же всех вместе держат, это тюрьма, понимаешь, тюрьма! Я ведь никому вреда не сделала, только себе. За что же меня в тюрьму? Не лечить, не в больницу, а в тюрьму, в тюрьму! Там такое творят...

— Успокойся. Я тебе зла не хочу.

Мы остановились у подъезда пятиэтажного дома. Дом был темный, только на самом верху, в угловом окне, сквозь шторы пробивался электрический свет. Вера внимательно посмотрела на меня.

— Опасайся женщины, — неожиданно сказала она.

— Какой еще женщины?

— Она у тебя за спиной стоит.

Я невольно оглянулся. Улица была пуста, лишь тени деревьев метались в свете фонарей.

— Глупости...

— Нет, я вижу. У меня примета есть. Это черная женщина. Она ко мне иногда приходит. А лицо белое.

белое. Тихо так приходит, ни стены, ни замки ее не остановят. И по комнате все ходит, ходит. И руками вокруг себя шарит, шарит... Как слепая. Глаза-то у нее мертвые. Я боюсь: проснусь — а это не сон. Что тогда?

— Хочешь, поднимусь к тебе?

Она неподвижно и невидяще смотрела куда-то мне за спину. Потом встрепенулась:

— Еще чего!

Стала подниматься по ступенькам, на полпути обернулась, вдруг сказала:

— Ты второй человек на этой помойке. Второй — после Бессонова.

Хлопнула дверь. Я пришел в себя и проследил, как мелькает ее тень на лестничных площадках. Она поднялась на пятый этаж.

Погруженный в свои мысли, я пешком возвращался в гостиницу.

Конечно, в критической ситуации человек может взять, уехать вот так и от жены, и от любовницы, и от работы. Если все осточертело. При этом даже перепутать плащи. Но какой кругооборот совершила упаковка морфина, снова попав в руки тех, кто ее продавал? Судя по всему, вряд ли Бессонов мог отдать ее добровольно. Но кто же ходил ночью по дому, если не хозяин? Чертовщина какая-то. И еще — Бессонов ушел из дома вместе со своей псиной. Неужели таскает за собой животное? Собака хоть и друг человека, но мучить не следует — ни в чем не виновата.

Я свернул на кривую улочку, вышел к набережной и увидел сквозь туман окна высотки, где размещался институт Эдгара. Теперь идти стало проще, я уже не боялся заблудиться в прибрежном тумане.

И тут я почувствовал опасность.

Кто-то шел следом.

Я уже слышал его шаги минут десять, только пона-

чалу не обратил внимания. Такой же случайный прохожий. Но шаги не отставали, а это вызывало некоторые соображения.

Я прислушался. Тишина.

Двинулся дальше, и за спиной снова послышались шаги.

Круто обернулся — вокруг тени домов и деревьев. На мгновение даже показалось, что сзади вообще никого нет. Только шаги. Шаги сами по себе.

В первый день я соврал Эдгару. Насчет шпионов. Дело это прошлое, и тема запретная. Как-нибудь расскажу почему.

Но опыт остался. Город был незнаком, а мне удалось оторваться. Когда наконец я вышел из одного случайного парадного, следом уже никто не мог идти. В лучшем случае меня до утра будут искать в соседнем квартале.

Я вернулся в гостиницу в четвертом часу. Дежурная спала в холле на диване, накрывшись красным клетчатым пледом.

Она открыла дверь и долго ворчала. Мне пришлось проститься с трешкой, но дежурная все равно осталась недовольна. Я ее понимал.

3. ВОСКРЕСЕНЬЕ

...Серый город, битых окон темные провалы, мусор, пыль и ветер в ребрах стен. Небо — как ладонь на скатах крыш.

Это из прошлой жизни. Отрывки как обрывки.

Парень в синих потертых джинсах лежит, поджав под себя ноги, скорчившись, словно младенец в чреве

матери. Глаза его открыты, подернуты застывшими слезами. Все это заслоняют носилки, широкие мужские спины в темно-синих рубашках, полицейские фуражки — восьмиклинки...

И уже не город, а прекрасный пляж с белым сыпучим песком, пенистой кромкой моря и королевскими пальмами, под которыми зеленоватые крабы роют свои норы.

— Наркобизнес — это третья сила, — говорит мой собеседник.

Он стоит ко мне спиной, на расстоянии вытянутой руки. Но я знаю, до него не дотянуться. Два года назад его нашли в пригороде Боготы с простреленным затылком. Он был славный парень, насколько могут быть славными местные полицейские. Но в какой-то момент он вдруг не захотел быть просто полицейским. Может быть, потому, что тот парень, в синих потертых джинсах, умер после слишком большой дозы наркотиков. И потому, что тот парень — младший брат моего собеседника. Он для того и пошел в полицию, чтобы дать возможность парню выучиться в Штатах. Сам мне об этом как-то рассказывал.

— Это третья сила, старина, — повторяет он. — Они отнимают у человечества молодежь, они доберутся и до вас. Им наплевать на наши политические разногласия: им нужны наши ребята. Запомни это — наши общие дети...

— Не так все просто, — возражаю я. — Тут все дело в воспитании, понимаешь?

— Ты в этих делах дока, я знаю, — грозит пальцем собеседник, — вечно норовишь улизнуть.

Он поворачивается и уходит. А я смотрю ему вслед, он все уменьшается и уменьшается, маленький человечек, бредущий по бесконечной тропе. Сколько по ней прошло до нас, и будет после — бог его знает...

Это из прошлой жизни. Отрывки как обрывки.
Я просыпаюсь, и некоторое время лежу, уткнувшись
лицом в подушку. Ощущение такое, что кто-то пытался
проломить мне череп, но сделал это очень неумело.

Боль постепенно стихает, и я начинаю восприни-
мать наступивший день во всей его полноте.

За окном пасмурно и все окутано влажной пеленой.
В средней полосе мы живем полной жизнью только в
солнечные дни, а когда начинается непогода, прячемся,
как улитки, в свой домик.

Вылезать из-под одеяла не хочется.

Звонит телефон.

Чертыхаясь, я спускаю на холодный пол ноги и беру
трубку. Звонит Эдгар.

— Ты с ума сошел будить в такую рань,— говорю
я вместо приветствия, пытаюсь определить, который
сейчас час.

— Ты... хорошо провел вечер? — голос у него был
глуховатый.

— Неплохо. А почему спрашиваешь?

— Так, из вежливости. Ты просил поискать исто-
рию болезни Веры Громовой. Помнишь?

— Да, конечно. И что, удалось?

— Видишь ли, эту девушку сегодня привезли...

— Куда? — я еще не совсем пришел в себя и по-
тому соображал довольно туго.

— К нам, к нам привезли,— я слышал, как Эд-
гар на другом конце провода закурил,— час назад.
Тело уже в морге.

— Ты с ума сошел. Какое тело?

Прошла целая вечность, прежде чем Эдгар ответил:

— Она мертва... старик.

— Ты с ума сошел,— повторил я тихо.

Эдгар еще что-то говорил, а я опустил трубку на
столик и некоторое время сидел, уткнув лицо в ладони.
Мне стало неважно.

У нее были светлые волосы, тонкие запястья и мешковатое платье. И удивительный разрез глаз — улыбчивый.

И искореженная судьба.

Я достал сигарету и попытался прикурить, но только изломал несколько спичек.

Потом снова взял трубку:

— Эд, как это произошло?

— Несчастный случай. Она выпала из окна.

— Как это произошло? — я чувствовал, что повторяю одну и ту же фразу.

— Я не знаю подробностей.

— Ты на работе?

— Да.

— Дождись меня.

Я повесил трубку. Раздавил в пепельнице незажженную сигарету. Потом выпил из графина воды. Привкус был противный, металлический.

Мне часто не хватает выдержки — я начинаю суесться там, где любой здравомыслящий человек глазом не поведет. Но тут есть и свои преимущества. В ситуации, когда другие впадают в панику, я уже перегораю настолько, что начинаю действовать автоматически.

Поэтому, наверное, мне всегда везло на экзаменах — в их широком и узком понимании. И не везло ни в одной игре, включая азартные, и не только настольные.

После звонка Эдгара все стало на свои места. Я знал, что мне теперь предстоит. Кому-нибудь, быть может, наплевать, когда молоденькие девушки выпрыгивают из окон ни с того ни с сего. Мне — нет.

И от этой мысли уже не отделаешься...

Я привожу себя в порядок, насколько это возмож-

но после того, как на двое последних суток пришлось не больше семи часов сна. Спускаюсь в гостиничный буфет, который находится на втором этаже.

Кусок холодного обветренного мяса, горьковатые маринованные кабачки и разведенный теплой водой концентрат, почему-то именуемый в общепите кофе, — не слишком изысканный завтрак. Но в моей ситуации выбирать не приходится. Я зажимаю мясо между двух ломтей хлеба и решительно принимаюсь за дело, без которого трудно осуществить намеченную программу.

Мое положение теперь тоже чем-то напоминает сандвич. С одной стороны, дом Бессоновых со всеми его обитателями. С другой... Об этом я только что сказал.

А мне предстоит играть роль начинки, причем такой же неудобоваримой, как это мясо.

И все дела.

Я заканчиваю трапезу и спешу на улицу, чтобы поскорее отбить воспоминания о ней табачным дымом. Вот и попробуй бросить курить.

В проходной медицинского института меня остановили.

— Так, — сказал дежурный очень серьезно, — ваш пропуск.

— Нет у меня пропуска, — признался я честно.

— А нет, так и нечего тут, — он сердито помассировал лысый затылок.

— Мне к товарищу...

— Пропуск есть? Пропуска нет. Тут все воскресенье дежуришь, а они ходят.

— Я ж по делу. Давайте позвоню по внутреннему...

— По делу... — вахтер вдруг обозлился. — По делу через дорогу. Похмелись сначала.

Глаза у меня действительно красные без сна, но это не повод.

— Не надо оскорблять.

— Оскорбишь вас... Хамничают тут.

Мимо прошел пожилой мужчина и, кивнув вахтеру, спросил:

— Кто хамит, Егорыч?

— Да вот,— вахтер ткнул в меня пальцем.

Челюсть свело от обиды. Может, он был не в духе, дома поругался, не то вчера съел, но я-то при чем? Зачем это?

— Нехорошо, товарищ,— пожилой покачал головой.— Человек на работе, а вы грубите.

— Послушайте,— я пытался говорить спокойно,— вы ведь только что вошли? Откуда вам знать, как было дело?

— Егорыч,— пожилой махнул рукой,— вызывай милицию. С ними иначе нельзя. Распустились.

И пошел дальше.

Я почувствовал, что непроизвольно сжимаю и разжимаю кулаки.

Вахтер хитро посмотрел на меня и снял трубку.

— Щас с тобой разберутся,— сказал он.— Щас про твои нетрудовые спросят.

— Какие нетрудовые? — мне вдруг стало смешно.

— Забыл поди, как вчера этой баронессе сушеной огород копал? Водка память отшибла?

...Веселая старушка, у которой я разорил грядки с огурцами... Положительно, в провинции даже высморкаться тайком не сумеешь.

— Откуда вы про это знаете? — глупо спросил я.

— Оттуда,— он засунул ноготь между передними зубами и вытащил кусочек пищи.— От народа не скроешься. И где эта баронесса сушеная деньги на шабашников берет? Ворует поди. Из карманов, навер-

ное. Я за ней давно наблюдаю. От соседей греха не утаишь.

— Почему вы так плохо говорите... — у меня опять свело челюсть. Старушка мне нравилась.

— Не твое дело. Проспись сперва.

— Перестаньте тыкать.

— Ты мне покомандуй! Я тебе щас устрою...

И он начал крутить диск телефона.

Сзади послышался шорох. Я обернулся и чуть не толкнул свою новую знакомую, которую я вчера так и не проводил. Не до этого было, сами знаете.

— Вы к Эдгару Яновичу? — Марина улыбнулась и поправила влажные от мороси волосы.

— Да.

— Егорыч, пропусти! — она обернулась к вахтеру.

— Оно... это... конечно, — вахтер кашлянул в кулак. — Чего ж не пропустить? А то спрашиваю: вы куда, товарищ? А он нервничает.

Я опять дернулся, но девушка подхватила меня под руку и потащила к лифту.

— Не обращайтесь внимания, — тихо сказала она, — такой характер.

— Тяжелое детство? — я усмехнулся. — Окна на помойку выходили?

— Не злитесь, — девушка продолжала держать меня под руку, — вам не идет. Как Нина Бессонова? Нашли общий язык?

— Простите, я вас не понимаю...

— Мы с ней давно дружим. Еще когда я в клиническом работала. Бессонов постоянно весь персонал к себе приглашал, если праздник какой, день рождения... Да, и мои дни рождения тоже у них отмечали, пока мне комнату не дали, в общежитии ведь не разгуляешься. Вы не думайте плохо о Нине — у нее работа такая, оттого нервная.

— Где же она работает?

— В наркологическом диспансере. Пишет диссертацию.

— Вот как? Я, признаюсь, по-другому это представлял. А вы что здесь делаете в воскресенье?

— Я на репетицию пришла. У нас тут самодеятельный театр.

— Серьезно?

— А вы думали! — она нахмурилась. — Шекспира ставим. — «Двенадцатую ночь». Раньше я Виолу играла, а теперь маркизу... Я жутко обаятельная маркиза.

...В кабинете Эдгар был не один. Говорят, профессия накладывает отпечаток на внешность. Не берусь судить, что первично. В комнате Эдгара сидел дородный мужчина, с уже седеющими висками, одетый довольно непритязательно, но аккуратно. Очки в тонкой металлической оправе, чуть оттопыренная нижняя губа и голубые глаза за толстыми линзами, казавшиеся от этого неестественными и цепкими.

— Познакомься, — Эдгар вскочил, словно пытаюсь заслонить меня. — Сухоручко из милиции...

Встреча для меня была достаточно неожиданной и, что хуже всего, преждевременной. Нет, я вовсе не собирался играть в прятки с законом, однако существовала вероятность, что некоторые мои действия могут быть неправильно истолкованы. И еще — нужно было кое-что узнать, чтобы принять окончательное решение.

Но посетитель, по-видимому, привык немного опережать события. И потому улыбнулся мне как старому знакомому.

— Эдгар Янович, — он тоже встал, — зря вы волнуетесь. Я вполне могу представиться сам. Но, раз уж вы мне так помогли, остается только добавить, что зовут меня Теодор Алексеевич.

— Очень приятно, — пробормотал я машинально.

— Надеюсь, так оно и есть,— Сухоручко кивнул и сел на место.

Он улыбался благожелательно и дружески, однако глаза за стеклами очков вели самостоятельную жизнь. Теодор Алексеевич указал жестом на свободный стул. Видимо, он быстро осваивался в чужих кабинетах.

Повисла неловкая пауза. Эдгар сидел совершенно растерянный, не зная, о чем говорить. Я тоже решил, что лучше пока помолчать.

Сухоручко рассматривал меня с таким видом, словно собирался писать портрет.

— Может, кофе? — предложил наконец Эдгар.

— Не откажусь,— Сухоручко кивнул, не отрываясь от моей физиономии.— Только я вас прошу, дайте немного времени побеседовать с вашим товарищем тет-а-тет.— Он засмеялся.— Я пока не вижу необходимости в официальных процедурах, но поговорить необходимо. Вы меня понимаете?

Было не очень ясно, кого из нас двоих он спрашивает.

— Хорошо,— Эдгар совсем растерялся.— Я схожу на шестой этаж. У них большая кофеварка.

Он мучительно затоптался на месте, чувствуя себя предателем.

— Заранее благодарен,— Сухоручко был сама любезность.— Минут через пятнадцать с удовольствием попьем кофе. Не раньше.

У меня возникло опрометчивое желание дать ему пинка. Это придало бодрости.

— Ну-с,— Сухоручко наклонился к стоявшему у его ног портфелю, открыл его и достал зеленую папку,— я хотел бы кое-что выяснить.

— Это вопрос?

— С какой стати? Что-то натворили?

— Мне утром позвонил Эдгар.

— Ну, конечно. Вы догадались. Вчера днем разы-

скивали Веру Семеновну Громову, если не ошибаюсь?

— Ошибаетесь. Я разыскивал девушку по имени Вера. О том, что существует на свете Громова, мне сообщил Николай Петрович, к сожалению, не знаю его фамилии...

— Вы были раньше знакомы с Громовой?

— Повторяю, даже не знал, как выглядит...

— Тогда чем вызван ваш интерес? К Вере?

— Один общий знакомый.

— К этому мы еще вернемся. А теперь позвольте узнать, что вы делали в субботу вечером?

— Это вчера-то? Ходил в кафе «Юбилейное». Потом проводил до подъезда девушку, с которой там познакомился.

— Этой девушкой была Громова?

— Я не интересовался ее фамилией.

— А когда вы вернулись в гостиницу?

— Около четырех ночи. Мне открыла ночная дежурная.

— Поздновато.

— Я в отпуске. Могу себе позволить.

— Логично, — Сухоручко улыбнулся ничего не выражающей улыбкой, — так кто ваш общий знакомый?

— Некто Бессонов.

Сухоручко поморщился.

— Вам не кажется, слишком много совпадений?

— Каких совпадений? — я изобразил недоумение.

— Как вы познакомились с Бессоновым?

— Заочно.

— То есть? — он встрепнулся.

Я рассказал про плащ.

— Любопытно, очень любопытно, — Сухоручко по-барабанил пальцами по столу. — Я смогу увидеть замену?

— Куртка осталась на вешалке.

— Хорошо, очень хорошо.

Вернулся Эдгар с кофейником и пачкой печенья.

— Вот, кстати,— Сухоручко отодвинул какие-то бумаги на столе, освобождая место для кофейника.

— Побудете еще в нашем городе? — он обернулся ко мне.

— Не вижу причины.

— Однако она есть. Я бы настоятельно просил вас задержаться. В противном случае... у нас есть средства заставить вас... Только не хочется к ним прибегать.

— Вы меня в чем-то подозреваете? Разве это не несчастный случай?

— Простите, — он пожал плечами, — но пока ничего не могу вам сообщить.

— Тогда — всего доброго. Меня ждут в Москве.

— Заставляете прибегать к крайним мерам...

Когда я начинал работать на радио после института, меня посадили в одну комнату к корреспонденту, опытному и хитрому, как старый лис. Я от него многому научился. Прав у нас мало, говорил он, и любой администратор может послать тебя ко всем чертям. Поэтому делай вид, что ты знаешь и можешь в десять раз больше, чем на самом деле. Короче говоря, он советовал брать всех на пушку. Любой практик, раньше или позже, постигает эту науку.

Я вспоминал об этом, глядя на моего собеседника. Я ему нужен, это ясно. И неподвластен. Пока...

— Подписка о невыезде — это мера пресечения. А она, насколько я знаю, применяется только к лицам, в отношении которых имеются доказательства виновности, — я вежливо улыбнулся.

— Я просто просил задержаться на два-три дня. И дать показания. Как свидетеля.

— У вас должны быть веские основания для этого. Иначе вызывайте меня из Москвы.

— Основания есть. Будьте уверены.

Я молчал. Мне было интересно, как он выкру-

тится. Инициатива сейчас у меня, и каждое его слово станет ошибкой.

— Мы должны выяснить, — наконец сказал он, — несчастный случай ли это, самоубийство, или...

— Есть какие-то сомнения?

— Есть... — он прикусил язык, но было уже поздно. Я кивнул. Теперь и я не прочь остаться. Если несчастный случай — против него не попрешь. Но за остальные варианты кто-то должен отвечать. И тут забота не только следствия. Но почему и моя тоже?

Как это там у Экзюпери? «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил», — кажется, так. То-то и оно.

Сухоручко встает и торопливо прощается. Он кипит из-за своей оплошности.

— А как же кофе? — Эдгар растерянно провожает его взглядом.

Но мы уже остались в комнате вдвоем.

— Да, — сказал Эдгар задумчиво, — и этого типа я считал своим знакомым...

— Ты кого имеешь в виду?

— Ну не тебя же, — он махнул рукой. — Пей кофе. А то остыл совсем.

Я придвинул к себе стул. Достал сигарету, стал ее разминать. Это не привычка, просто советская табачная промышленность добилась замечательных успехов. И кто ее в этом обвинит, если Минздрав предупреждает? За красивыми лозунгами очень удобно гнать халтуру. Что касается других наших пагубных пристрастий...

— Это и есть твой знакомый?

— Да, — ответил Эдгар мрачно.

— А мне он понравился. Другой на его месте мог побить меня, как щенка.

— Все ему рассказал?

— Не совсем.

Эдгар внимательно посмотрел мне в глаза:

— Были причины?
— Были... Эта девушка употребляла морфий.
— Как ты узнал? — Эдгар быстро взглянул на меня.
— Случайно... Слышишь, совершенно случайно я перехватил несколько ампул морфия, которые предназначались для нее.

— Но почему ты об этом не сказал?..

— Видишь ли, во время этой случайности я немного нарушил закон. Паренек, у которого я их отобрал, попался на редкость нелюбезный. И я, честно говоря, не представляю, как все это объяснить твоему знакомому...

— На кой черт ты с ними связался?! Эти ублюдки ни перед чем не остановятся.

— Что же теперь поделаешь, старик?

— Что поделаешь, что поделаешь... Ты знаешь, у меня такое впечатление — тебе наплевать на себя.

— Это не так, успокойся.

Я замолчал и уставился на стену. Стена была зеленая, вся в бугорках от плохо размешанной краски. Я смотрел на эти бугорки и старался не думать о том, что где-то совсем рядом лежит труп девушки, с которой я только вчера танцевал.

— Что мне удалось узнать, — Эдгар положил руки на стол, — она выбросилась из окна в шесть утра. Кто-то из соседей вызвал «скорую». Тяжелая травма черепа, позвоночника... Она очень искалечилась.

— А травма черепа... в каком месте?

— Что? — Эдгар удивленно посмотрел на меня. — Ах да, ты об этом... Лицо тоже изуродовано... Хотя, какая теперь разница? Вскрытие будет завтра. Конечно, кровь для анализа уже взяли... Ты меня не слушаешь?

— Засасывает, как в болото. И самое смешное — нет выбора... Мне его не оставили.

— Послушай моего совета, — Эдгар почесал переносицу. — Уезжай...

— Отвяжись ты... Лучше скажи, можно сейчас установить — не была ли она под действием наркотиков?

— Довольно приблизительно можно.

— Попробуй, а?

— Хорошо, подожди меня здесь.

Я допил остывший кофе. Ощущение было такое, что я еще не проснулся. Вещи вокруг меняли свои очертания, и время буксовало на месте. Я закрыл глаза и откинулся на стуле, весь уйдя в назойливый гул, который преследует меня с утра. Гул рождается где-то в затылке и, вибрируя, растекается по всему телу. Казалось, я слышу ток крови в жилах.

Когда вернулся Эдгар, мне немного полегчало.

— Пойдем,— сказал он,— в мой зверинец.

Я нехотя поднялся и пошел следом в соседнее помещение.

— Мне нужна мышь,— Эдгар зачем-то подмигнул.

— Мышь?

— Вот именно,— наконец он выбрал одну и, протянув ее мне за хвост попросил.— Подержи, пожалуйста.

Я без особого энтузиазма выполнил.

Он достал из кармана шприц и впрыснул ей несколько капель темной жидкости.

— Бросай сюда,— Эдгар показал шприцем на пустой маленький аквариум.

Мышь забегала вдоль стенок.

— Что ты ей ввел?

— Кровь. Кровь погибшей. Утром законсервировали. Для экспертизы.

Меня это покорило.

Мышь продолжала носиться по аквариуму.

— Зачем?

— Это проба на морфий. Кури, если хочешь.

Мы помолчали. Мышь не успокаивалась.

— А что будет? — спросил я.

— Если в крови морфий, мышь сейчас околет.

— Вроде не собирается?

— В том-то и дело, — Эдгар задумчиво склонился над аквариумом.

Скрипнула дверь. Мы обернулись, и я невольно улыбнулся. После истории с вахтером я стал относиться к лаборантке Марине значительно лучше.

— Не помешаю? — она посмотрела на меня.

— Отнюдь, — Эдгар слегка расправил плечи. — Только в выходной могли бы отдыхать. Мне вовсе не хочется, чтобы меня считали эксплуататором.

— Просто забыла записную книжку. А она мне срочно нужна, — легкий поворот головы.

— А может... Нет, конечно... — мой товарищ замялся.

— Раз я вам не нужна, — лаборантка подошла поближе к аквариуму с мышью и заглянула в него, — то пойду?

— Ну конечно, — Эдгар кивнул.

Она скользнула к двери и вышла.

Дальше случилось невероятное. Мы оба вдруг оказались возле двери, словно она протащила нас следом за собой на поводке.

— Вот видишь, — сказал Эдгар, грустно улыбаясь. — И как это получается, до сих пор не пойму.

— Ведьма, наверное? — предположил я.

— Что? А пожалуй, — согласился друг.

Мышь как ни в чем не бывало продолжала бегать. Может, только чуть медленнее.

— Значит, перед гибелью Громова не принимала морфий? — я посмотрел на Эдгара.

— Не в том дело, — он подошел к окну. — В организме наркомана морфий присутствует всегда. Иначе начнутся явления абстиненции...

— А по-русски?

— Ну, наркотического голода, понимаешь? У наркомана быстро возникает привыкание к препаратам, и он должен постоянно увеличивать дозу. Без морфина организм просто не может функционировать. А пока мы наблюдаем полное отсутствие морфия. Или почти полное... Ты уверен, что она употребляла именно морфий?

— Я видел ампулы.

— Ну, в ампулах может быть, что угодно. Когда я работал в Боткинской, у нас поймали медсестру... Она огламывала кончик ампулы, выкачивала из нее шприцем морфий, вместо него — димедрол. И потом на спичке снова запаивала ампулу, так что следа не оставалось. Сам не видел, но рассказывали.

Мышь присела в углу и внимательно слушала Эдгара, не отрывая от него бусинок глаз.

— Все равно не та картина, — Эд мотнул головой. — Где ампулы, которые ты перехватил?

— В номере гостиницы.

— Тогда быстро — туда и обратно. Проверим, что в них.

Когда я выходил из лаборатории, Эдгар склонился над аквариумом с мышью и о чем-то говорил с ней.

Вахтер кивнул мне, как старому знакомому. Но до самых дверей я чувствовал на себе его взгляд...

Я взял у администратора ключи и поднялся в свой номер. В голове была путаница.

Выпрыгнула ли девушка из окна сама, или же ее сбросили оттуда? И если сбросили, то что с ней сделали перед этим? Установить это может только экспертиза, но вряд ли Сухоручко поделится со мной ее результатами. Если не будет на то веских причин. Если не будет...

И почему анализ, который только что сделал Эдгар, оказался отрицательным?

Я открыл дверь и сначала прошел в ванную, выпил воды из-под крана. Саднило горло, и я боялся, что простудился. Аптечка осталась в машине.

В комнате во время моего отсутствия подмели пол и поменяли воду в графине. Я это сразу заметил.

Открыл шкаф и достал сумку. В боковой карман я вчера положил ампулы. Растегиваю молнию и делаю немаловажное открытие.

Карман пуст.

Машинально открываю другие отделения сумки — там я храню всякие мелочи: импортные солнечные очки, запасную зажигалку, диктофон размером с пачку сигарет. Вещи достаточно привлекательные, но они в полной сохранности. Я снова и снова проверяю содержимое сумки. И убеждаюсь — исчезли только ампулы. Но каким образом?

Во всяком случае, дело принимает скверный оборот.

Я снова спускаюсь к администратору. Она встречает меня, улыбаясь.

— Какие-нибудь проблемы?

— Да... — я замялся, — мне хотелось бы знать, кто только что убирался в моем номере?

— У вас претензии?

— Ничего страшного, — я начал врать. — Просто, боюсь, уборщица выбросила один клочок бумаги, а у меня там нужный адрес...

— Ах, вот оно что. Тогда, конечно, спросите у нее. Мусор еще не выносили, это я наверняка знаю — ей пришлось бы взять ключи от черного хода.

— Отлично, где она сейчас?

— Поищите, убирает на этажах...

— Спасибо, — я отошел, но потом вернулся. — Простите, а как ее имя-отчество?

— Да зовите ее просто Вера. Она молоденькая. Вера Громова, — администратор сняла трубку зазвонившей.

нившего телефона, и прикрыв ее ладонью, добавила, —
ее комната на втором этаже, в конце коридора.

Я подождал, пока женщина поговорит по телефону. Наконец она повесила трубку и вопросительно посмотрела на меня:

— Что еще?

— А вы видели сегодня Громову? — спросил я с нехорошим предчувствием.

Администраторша пожала плечами.

— Ясно... — я кивнул.

В шесть утра Громова была мертва. В этом городе творится что-то не то.

Я поднялся на второй этаж. Комната уборщицы, как и предполагал, закрыта.

Вернулся в номер и позвонил Эдгару.

— Старик, — сказал я, — ампулы пропали.

— Понял, — ответил он. — У меня тоже кое-какие новости. Точнее, предположения. В два часа жду тебя... Помнишь кафе, где мы сидели в день приезда?

— Помню.

— А пока... постарайся поменьше высовываться.

— Почему?

— Ты слишком любопытен. У меня такое предчувствие. Кому-нибудь это, может, уже не нравится.

— Ладно, посмотрим. Мне здесь кое-что тоже не по вкусу.

По дороге к Бессоновой я заехал в гараж, где в пятницу оставил свою машину. Но там на двери висел огромный замок, и из будки вылезла, звеня цепью, черная овчарка.

Она беззвучно скалила зубы и следила за мной. Цепь на вид была достаточно длинной, и я не стал испытывать судьбу. Только окликнул несколько раз кого-

нибудь из сторожей, но мой голос завяз среди ржавящих остовов битых машин.

Овчарка угрожающе зарычала. Я на прощанье помахал ей рукой.

Будем надеяться, что она охраняет и мое имущество.

Дом Бессоновых безмолвен. Я подождал некоторое время у двери, надавив на звонок, потом обошел вокруг. За окнами было пусто и темно.

Чертова непоседа.

Насморк усилился, и оставаться под моросящим дождем было рискованно. Я вспомнил про старушку. Ту самую, в доме с резными наличниками.

Сейчас самое время воспользоваться ее приглашением. Тем более, как мне кажется, оно было искренним. Выпить горячего чая. И подождать.

Только горячего чая мне сейчас не хватает, подумал я со злостью...

— Эге,— сказала старушка, пропуская меня в комнату,— да вы совсем простужены. Садитесь возле печки, я натопила. День больно сырой.

— Спасибо, я где-то подхватил насморк.

— Я всегда считала,— старушка поджала губы,— что эти рыбалки до добра не доводят. Разве так можно — целый день у воды просидеть. Я бы вас чаем с малиной напоила, но тогда на улицу выходить нельзя. Лучше дам с собой баночку, а вы обещайте, что вечером обязательно ее употребите. Договорились?

— Спасибо.

— Хорошо, что зашли,— продолжала старушка, хлопоча,— а я как раз оладушки напекла. С ними-то лучше, чем с хлебом. Только мука все равно не та, серая. Пшеницу ведь на удобрениях выращивают. А когда не по природе растет, ничего путного не выйдет. Вот акселераты нынешние...

— А они-то почему не по природе? По-моему, самым что ни на есть естественным путем.

— Так ведь растут на искусственном. И пьют искусственное, и едят искусственное, и в искусственное одеваются. Что им остается?

— Проблематично, — я высморкался.

Старушка вышла на кухню, а я прижался спиной к печке, впитывая внутренностями тепло нагретых изразцов.

Дом был хороший, простой и уютный. Без всяких там современных штучек, вроде декоративных каминов и закопченных паяльной лампой стен. В общем дом, где нет ничего лишнего. Мой дед всегда мечтал о таком. И даже ездил к друзьям — поработать в саду. Просто так, ради собственного удовольствия. Насколько я помню, у него это здорово получалось, как и все, за что он брался.

После него осталось несколько тетрадок записей и две курительные трубки. Почерневшие от времени и пахнувшие ароматными заморскими табаками... А дома он так и не нажил. Да и мне, наверное, не удастся. Может, гены?

И тут я заметил нечто такое, что никак не вязалось с моими представлениями о бабушке.

Капкан. Большой черный капкан, новенький, лоснящийся от смазки. Из тех, что в специальных магазинах продаются только охотникам-заготовителям. Можно, конечно, достать и так, но для этого надо иметь большое желание и некоторые связи в мире охотников. Но зачем бабушке медвежий капкан?

Она вернулась с горкой оладьев, и мы сели пить чай. Чай был с мятой.

— На днях мне приснилось, — рассказывала бабушка, — будто попала я в ад. И нет там ни котлов, ни костров. Только серая мгла, ни дерева, ни камня. Лишь туман стелется. И встречает меня слуга ада.

Тоже серый какой-то, но прилично одетый, при галстуке. И как-то между прочим говорит: «Ох, трудно нынче работать стало. Вон сколько грешников поступает». Я смотрю — и правда. Огромная очередь стоит. Маленьких таких человечков. «А что вы с ними делаете?» — спрашиваю. «Как очередь доходит, — отвечает служитель, — рубим их на куски — и в ящик. Только вот беда — емкости у нас все переполнены». — «Как это?» Он молча открывает ящик, вроде как от письменного стола. А там вперемешку — разные части тела. И все это на моих глазах копошиться начинает, между собой срастаться... «Не волнуйтесь, — успокаивает служитель, — из-за тесноты мы их на день обратно отпускаем. Но души все равно здесь остаются». А человечки между тем уже на края ящика вылезают, прыгают вниз и разбегаются...

— Мне тоже иногда кошмары снятся, — вставил я.

— Не в этом дело, — встрепелась старушка, — просто я в холодном поту проснулась: сколько же между нами людей без души ходит?

— Ну да, — я усмехнулся, — грешник с душой — просто славный малый. А вот без души...

— Это-то и страшно, — покачала головой старушка. — Пока мы вместе — кто нас разберет? А настанет час — и судим будет каждый по делам своим.

По-моему, она процитировала.

Я допил чай и посмотрел на часы. Или Бессонова уже пришла, или у Сухоручко появятся новые проблемы. У меня, кстати, тоже. И немаленькие.

— Вам пора? — спросила старушка.

— К сожалению.

У двери я обернулся.

— Откуда это у вас? — и показал на капкан.

— На пустыре нашла, — старушка неодобрительно покосилась на железки. — Недели три назад. Кто-то

поставил
шьют, а
Я еш
Какая-то

Подх
машину.
открытун

— Н
ручко и з
на эту к

— Хо
тревогу.

— О
женщина

— То
В такую

— Ва
рился.

— О
— А

под дож

— Н
— К

ворот к
Из «Юб

— П
сты — э

соверши

— Н
милу ул

ной лест
Я по

— Н
бормота

поставил. Знаете, сейчас из кошек и собак шапки шьют, а там много бегают бездомных.

Я еще раз взглянул на капкан. Что-то здесь не так. Какая-то бессмыслица...

Подходя к дому Бессоновых, я увидел у ворот машину. Мой знакомый сыщик стоял, облокотившись на открытую дверцу, и наблюдал, как я обхожу лужи.

— Никак нам с вами не расстаться, — сказал Сухоручко и захлопнул дверцу. — Мне невтерпеж посмотреть на эту куртку.

— Хозяйки нет? — я старался не выдать голосом тревогу. Из-за насморка у меня это неплохо получилось.

— Отчего же? Только что пришла. Роскошная женщина. Сердце радуется.

— Тогда почему ждете у ворот? — спросил я. — В такую-то погоду?

— Вас хотел встретить, — Сухоручко хитро прищурился.

— Откуда знали, что я появлюсь?

— А куда ж вам деваться? Так и будем мокнуть под дождем?

— Не будем.

— Кстати, — сказал Сухоручко, пока мы шли от ворот к крыльцу, — вам передавала привет барменша. Из «Юбилейного».

— Польщен. Когда узнают официанты и таксисты — это ли не слава? Только я ничего великого не совершил.

— Ну, ни скромничайте, — Сухоручко продолжал мило улыбаться, — а ловкость, проявленная на пожарной лестнице? Это ж ночью, да со спутницей...

Я понял, что этот человек любит мягко стелить.

— Надеюсь, я не нарушил ничего такого? — пробормотал я.

— Ну что вы, нормальная осторожность ввиду риска встретиться с не в меру ретивым ухажером... Вы ведь именно так хотели мне все объяснить?

— Представьте себе! — сказал я и почувствовал себя глупее, чем был минуту назад.

Он позвонил в дверь.

...Мы сидим в гостиной Бессоновского дома. Прошло меньше суток, но я почему-то радуюсь встрече. И все время куда-то плыву. Или возношусь. Состояние ненормальное.

Нина выглядит усталой, но такой же красивой. За окном дождь.

— Я тут побеседовал с вашими соседями, — говорит Сухоручко. — У вас очень любознательные соседи, честное слово. Рассказывают, что живете вы дружно, а вот недавно...

Нина: А, вы о той нашей ссоре? Неприятно, что об этом все знают. Я не смогла сдержаться в начале, потом, сами понимаете, слово за слово. Раньше мы молча ссорились.

Сухоручко: Насколько я знаю, в тот же вечер ваш муж ушел из дома.

Нина: Не пойму, какое вам до этого дело. Может, с ним что-нибудь случилось? Или на нас соседи пожаловались?

Сухоручко: Нет, тут все в порядке. Ваш муж мне нужен, видите ли, для того, чтобы помочь в одном деле, которым я сейчас занимаюсь. А из-за чего вы разругались?

Нина: Как вам объяснить?.. Он зачем-то взял у меня кольцо. Тайком. Небольшое колечко, с бриллианчиком...

Сухоручко: Как и когда вы узнали о пропаже кольца?

Нина: Его увидели у Бессонова... На работе... И предупредили меня...

Сухоручко: А больше ни о чем не предупреждали?

Нина: Я вас не понимаю...

Сухоручко: Ну, например, сказали, что он собирается продать...

Нина: Да...

Сухоручко: А деньги, предположим, ему потребовались в связи с сердечным увлечением?

Нина: Да... Так мне сказали...

Голоса уходят все дальше, становятся тише, исчезают совсем. На какие-то минуты я погружаюсь в забытие, полусон.

Кто-то трясет меня за плечо. Я просыпаюсь и вижу очень близко от себя серые глаза Нины.

— Кажется, я задумался,— говорю я независимо.

— Этот тип все время бросал на вас пронзительные взгляды,— говорит Нина, еле сдерживая смех.— По-моему, он считает, что мы с вами давно заодно. Но вы все время сидели с отсутствующим видом. А потом вдруг захрапели. Я думаю, он был бы меньше ошарашен, если бы под креслом взорвалась бомба.

— Неужели я так опростоволосился?

— Вы были просто потрясающи...

Кресла стоят так близко, что наши колени соприкасаются. Она смотрит на меня настороженно: а я не хочу ее разочаровывать. В любви у меня никогда не было счастья и вряд ли будет, я уже говорил об этом. Причиной всему слишком крутые повороты и большие скорости, когда женщина не в состоянии удержать руль. Короче, я склонен винить во всем одну автомобильную аварию.

...Это произошло три года назад, очень далеко отсюда и будто в другой жизни, но не отпускает меня по сей день. Наверное, потому, как говорил один мой знакомый, что там присутствовало нечто большее, чем взаимоотношения. Я не был свидетелем, хотя заранее

знал: что-то произойдет. И прочитал об аварии в газете, в колонке происшествий. Все выглядело очень прозаически, во всяком случае, для посторонних.

Мне часто снится то время. И я скулю во сне, будто побитая собака.

Когда внутри все выгорело, осталась пустота — словно вырезали желудок. Вот эту пустоту я и пытаюсь заполнить. Так заполняют чучело соломой.

Я не подлец. Просто, наверное, неудачник. Хотя это слабое оправдание. И все же я наклоняюсь к Бессоновой и беру ее за руку. Тонкие пальцы холодны и на миг неподвижны. Потом она пытается выдернуть ладонь.

— Кажется, чайник закипел, — говорит она.

— Ну и черт с ним, — говорю я.

Она делает еще одну попытку вырваться и вдруг отвечает на мое пожатие.

Рука Нины расслабляется, и она просит сигарету. Немного удивленный, протягиваю пачку.

Нина закуривает, и я вижу, что пальцы у нее дрожат. Затягивается она очень неумело, держа сигарету, словно живое существо.

— У вас отвратительный табак, — Нина стряхнула пепел.

— Просто слишком крепкий. Зато пахнет приятно.

— Да, пахнет приятно, — соглашается она.

Правая рука ее снова на коленях. Я дотрагиваюсь, но теперь она сразу отстраняется.

— Никогда не знаешь, что будет дальше, — произносит она.

— Верно, — я кивнул. — Только поначалу об этом не думаешь.

— Мне-то уже пора думать. Бабий век короток.

— Перестаньте, — бросаю я. — Очень пессимистично. На днях я видел, как на улице упал старик. Он не мог встать и полз на четвереньках до стены дома. Когда

я помог ему, он вдруг заплакал. «Жизнь прошла,— повторял он,— жизнь прошла...»

— Не рассказывайте мне такое никогда,— просит она.

— Хорошо.

— И так тошно, понимаете?

— Кажется, понимаю.

— Что мне делать, а?

— Вы свободны сегодня вечером?

— Это похоже — приглашение на свидание?

— Считайте, что да.

— Вы занятый. Меня никогда не приглашали столь витиевато.— Она улыбнулась.— Что же потом?

— Там посмотрим.

— Чертовски любопытно. Мне не устоять.

Она закидывает ногу на ногу... Довольно эффектно, особенно когда это делает женщина, которая вам нравится.

С Эдгаром я встретился под полосатым тентом кафе. Увидев меня, он поднялся из-за столика. Кафе не работало, Эд был там один среди пустынных белых стульев и увядших ромашек в вазочках на столах.

— Прогуляемся,— предложил он.

— Хорошо.

Мы дошли до реки, спустились к набережной и остановились на площадке под мостом. От дождя мы спрятались, но сырость была такая, что уютнее нам не стало. Воздух казался жидким.

— Как-то я чуть не прыгнул с этого моста,— Эдгар задрал голову.

— Была причина? — я столкнул в воду камешек.

— Причина всегда найдется. От этого могут удерживать четыре вещи. Жалость к близким, предчувствие перемен, религия и стыд. Все остальные мотивы так или иначе связаны с этими. Меня в тот раз удержало

последнее. Как представил — вытаскивают грязного и мокрого.

— А теперь?

— А теперь я замахнулся на интересную проблему — создание искусственной крови. А раз кое-что выгорит — и в этом я уверен, — жалко бросать на полпути.

— Тут вокруг одни пессимисты. Честно говоря, мне это надоело. Если еще кто-нибудь начнет плакаться на жизнь — вдарю по челюсти.

— И загремишь на 15 суток.

— Пусть. Там хотя бы все без комплексов.

— Отсутствие комплексов — тоже комплекс. Но не будем отвлекаться. Когда ты ушел, я кое-что проверил, — Эдгар поднял воротник плаща. — В крови присутствует наркотик, но в очень незначительном количестве. Какой именно — установить невозможно — у нас такой аппаратуры нет. Может быть, это и морфин... Но уж слишком его мало для наркомана.

— Почему?

— Как у хронического алкоголика возникают приступы абстиненции, называемой в народе похмельем, так и у морфиниста. Организм уже настолько привыкает, чтобы его травили, что не может без этого. Я примитивно объясняю, для тебя.

— Спасибо.

— Не за что. Если эта девушка была наркоманка, и в ее крови присутствовало столько наркотика, сколько мы обнаружили, вряд ли тебе за несколько часов до этого удалось бы с ней поговорить, тем более танцевать. Ее бы мучили судороги, она бы металась, кричала, ее бы рвало. Удушье, сильнейшее сердцебиение... Настоящая агония.

— У нее было больное сердце.

— ...Значит, возможно два варианта. Или Громова не была морфинисткой, или погибла не она.

— Не
— Гла
рии болез
— Опя
— Ты
— Ист
ра это узн
— Да?
— Что
— Тебе
поискал то
Я посмо
— С че
— У ме

шее след
иногда, есл
лать это, ко
несподручн
— Ясно
— Что
— Этот
И забрал
больше не
призрак. Не

В гостин
неизбежно,
ражений ут
как я подоз
есть одно пр
люди могут
закона немн
использоват
спокойнее. И
Но тут, и

— Не она? Как же так?
— Главное слово скажет патологоанатом. По истории болезни установить, она ли это, легко.

— Опять глухая стена.

— Ты о чем?

— История болезни Громовой пропала. Я еще вчера это узнал.

— Да? А мне не сказал.

— Что ж теперь делать?

— Тебе? Не знаю. А вот на месте следователя я бы искал того, второго, в комнате.

Я посмотрел на него подозрительно:

— С чего ты решил, что в комнате был второй?

— У меня была возможность осмотреть труп. Наше след недавнего укола. Наркоманы сюда колют иногда, если на руках вены ни к черту. Можно проделать это, конечно, глядя в зеркало, но там, где у нее — несподручно.

— Ясно.

— Что тебе ясно?

— Этот второй побывал утром у меня в номере. И забрал ампулы. Он знал, что Громова на работу больше не выйдет... Если, конечно, тут не замешан призрак. Но мы ведь материалисты?

В гостиницу я попал только через два часа. Это было неизбежно, и действовал я не из дилетантских соображений утереть нос Сухоручко. Он профессионал, и, как я подозреваю, профессионал опытный. Но у меня есть одно преимущество. Я — частное лицо, и со мной люди могут позволить себе такое, что с представителем закона немыслимо. Это мой козырь, и я должен его использовать, чтобы в дальнейшем моя жизнь была спокойнее. И не столько жизнь, сколько совесть.

Но тут, кажется, я повторяюсь.

...Я поднялся на пятый этаж дома, у подъезда которого я вчера расстался с Верой. На лестничной площадке было три двери. Я позвонил в ту квартиру, где, судя по моим подсчетам, ночью светилося окно.

Дверь открыла высокая девушка, в джинсах и мужской рубашке, завязанной узлом на животе.

— Я по поводу Веры Громовой, — начал я.

— Но Вера... — начала она.

— Знаю, — прервал я, — Громова погибла. И поэтому мне необходимо поговорить с вами. Есть несколько вопросов, на которые можете ответить только вы. Это очень важно.

Девушка продолжала смотреть на меня недоверчиво, но по глазам я понял, что в ней проснулось любопытство.

— Я затеяла уборку, — нерешительно сказала она. — У меня беспорядок...

— Пусть вас это не волнует. Я буквально на несколько минут.

— Хорошо, — кивнула она, — проходите.

Посреди комнаты стоял пылесос, на стенах — яркие плакаты и две-три черные иконы. Возле дивана — бронзовая пепельница, полная окурков, и большая лысая кукла.

Хозяйка плюхнула свой обтянутый джинсами задик на диван и указала мне на стул.

— Вы хорошо знали Громову? — спросил я.

— Только как соседку. Она ведь здесь живет с полгода. А потом, понимаете, она из другого круга... Я учусь в институте.

— Понимаю. Громова ведь снимала комнату?

— Да, у старухи. Прописана в той квартире одна старуха, но я ее очень редко вижу. Раз в месяц, не чаще. За деньгами, может, приходит. Неопрятная такая старуха и, по-моему, чокнутая. А где она живет — факто, не знаю.

«Де ф
— А
— Не
компаний
такой. Д
это не мое
я ведь н
щадке.

Заним
— Да
лбу. — Ка
Веры вых

— Не
— Это

он как со
Вроде по
как деву
словно по
к зеркалу

— Ну
— Не
ли — он и
Хорошень
стала — ч
видела.

— А

поздно ле
— Да

Семинар

— Со
— Род

— Мо
— Ко

Любез
— Не
— Ну

«Де факто» я отнес за счет неоконченного высшего.

— А кто еще приходил к Громовой?

— Нет, у нее почти не бывало гостей. Я имею в виду компаний. Она тихо жила. Ходил тут один, приличный такой. Довольно часто. Что их связывало? Но уж это не мое дело, правда? Может, еще кто бывал, только я ведь не сижу круглые сутки на лестничной площадке.

Занимательная была бы картинка, подумал я.

— Да, вспомнила! — девушка хлопнула себя по лбу. — Как-то встретила паренька на лестнице, он от Веры выходил. Вертлявый такой паренек.

— Не могли бы его описать?

— Это ж давно было. Ах да, меня что удивило: он как со мной столкнулся — как-то голову в сторону... Вроде потупился. А одет попсово. Такие наоборот — как девушку встретят, так рассматривать начинают, словно под юбку лезут. Я даже пришла к себе — сразу к зеркалу — неужели крокодилком стала?

— Ну а лицо, фигура?

— Нет, этого не опишу. Очки темные в руках были — он их потом надел. Сам стройненький, худенький. Хорошенький, но, будь мне шестнадцать, я бы с ним не стала — что-то в нем порочное было. Больше его не видала.

— А теперь давайте о недавних событиях. Вчера поздно легли спать, верно?

— Да. К занятиям готовилась. В понедельник. Семинар мужик один ведет — ну прямо садист...

— Сочувствую. Вы одна живете?

— Родители в Эфиопии на три года. Они врачи...

— Можно закурить? — спросил я.

— Конечно.

Любезно протягиваю ей пачку.

— Нет, не курю, — она машет рукой.

— Ну и правильно, — я киваю. — А теперь расска-

жите, что вы слышали? Вы что-нибудь слышали? Ну как дверь хлопнула?

— Нет, ничего.

— Совсем?

— Совсем...

— А твой парень? Он тоже ничего не слышал?

— Какой парень? Вы что?

— Брось, — я грожу ей пальцем, — не морочь мне голову. Ты что, будешь меня уверять, что насобирала окурки в эту пепельницу на улице? Для интерьера?

— Ой...

— Вот тебе и «ой». Ты извини, что я с тобой попростому. И давай начистоту. А то еще попадешь в переплет. Дело серьезное.

— Хорошо, я вам скажу, — девушка сосредоточенно рассматривала ногти. — Мы около шести собирались с моим приятелем выходить — решили на толкучку сгонять, только туда пораньше надо. У него мотоцикл. Когда в передней уже стояли — сапоги надевала, — слышу, у Верки дверь хлопнула. Она вообще-то рано на работу уходит, так что это в порядке вещей. И шаги женские по лестнице.

— Почему решила, что женские?

— Каблуки цокали. Да и походка женская, что я, совсем, не отличу? Может, конечно, и гомик какой...

— Не будем вдаваться в подробности. Дальше.

— А у меня, как назло, молния на сапоге заела. Приятель говорит — внизу подожду. Когда вышла — он бледный возле подъезда меня встречает — твоя соседка, говорит, из окна выбросилась. Я спрашиваю — ты что, какая? А он — молодая которая, светлая. Вон, на газоне лежит. Мне чуть плохо не стало. Но потом отошла — надо «скорую», говорю. Родители — то у меня врачи, кое-что соображаю. А телефон у нас в доме только у гримзы напротив. Это потому что она

с начальником п
идейная была, м

— Это к дел

— Просто го
прошли до бли
«скорая» в наш
раньше нас вы

ждать теперь?

Ну, мы и двину

— Слушай,

— Зачем, с

— Может б

ности спрошу.

— Думаетс

— Зачем ж

— Ладно,

расскажет. К

работает. Уч

— А как

— Вадим

Я взгляну

— Ну чт

— Ничег

— То ес

— Как п

няла?

— В че

— Лад

сыщик. То

Вот те

Таким

часа. Мн

а пока я

высохла.

с начальником пищеторга путается. А лет пять назад идейная была, меня в комсомол принимала...

— Это к делу относится?

— Просто говорю — не к ней же идти? Мы квартал прошли до ближайшего автомата, и вдруг видим — «скорая» в наш двор поворачивает. Наверное, кто-то раньше нас вызвал. Приятель говорит, чего, мол, нам ждать теперь? А то затаскают потом с объяснениями. Ну, мы и двинули...

— Слушай, а где бы мне твоего приятеля найти?

— Зачем, он ведь ни при чем?

— Может быть. Я у него только кое-какие подробности спрошу. В частном порядке.

— Думаете, я вам наврала?

— Зачем же...

— Ладно, спрашивайте его, он вам то же самое расскажет. Колхозная, три. Там в мастерской дэза он работает. Учится на заочном. В Москве.

— А как зовут?

— Вадимом. Лопаткин фамилия.

Я взглянул на часы. Было начало пятого.

— Ну что ж, не стану больше задерживать.

— Ничего, даже интересно.

— То есть?

— Как вы меня подловили, а? Я что, ничего не поняла?

— В чем дело? Что ты поняла?

— Ладно не темните. И так сразу видно, что вы сыщик. Только не как в кино, а всамделишный, верно?

Вот тебе и частное лицо, подумал я с грустью.

Таким образом, я добрался до гостиницы через два часа. Мне еще повезло — к вечеру перестало дождить, а пока я строил из себя сыщика, одежда в тепле почти высохла. Правда, прямо на мне. Переодеться было не

во что. В запасе остались только хорошие носки толстые и пушистые, ручной вязки. На прием в таких, конечно, не пойдешь. Зато для осеннего межсезонья они чудесны. Это было мне единственным утешением.

Дом на улице Колхозной, номер три, был сер и сир, а лепные львы над его подъездом плакали ржавыми слезами. Я спустился по стертým ступеням в подвал и познакомился с приятелем девушки в мужской рубашке.

Потом просидел полтора часа в кафетерии на углу, поджидая, пока неутомимый Лопаткин наиграется с водопроводными кранами. Спешить некуда, я пил чай с хлебом, а официантка каждые десять минут подходила и протирала тряпкой мой столик. К чему бы это?

Наконец вышел и мой подопечный, приглаживая колючие волосы. Он сказал, что спешит, и разговаривать пришлось на ходу.

— Мне сегодня уже пришлось обо всем рассказывать. Ваш сотрудник, из милиции, спрашивал. Что, согласовать действия не смогли? — Лопаткин старательно следил за правильностью ударений.

— Я не из милиции.

— Вот оно как? Значит, дело серьезное? Мне-то в общем плевать. Могу и вам рассказать. Веру, ну, которая погибла — давно знаю. Она в параллельном классе училась. Фирменная была деваха — полшколы за ней бегало.

— А вы?

— Я?.. Да как вам сказать? Не мой стиль, хотя, может, и просто случая не представилось. Она все больше с теми гуляла, кто там стишки пописывал, языком молоть умел. А мне батя еще тогда сказал — не языком, а руками работать учись. Я ему в гараже стал помогать. На мотоцикл копить начал. И к десятому классу купил.

— А как она после школы жила, не знаете?

— Откуда
когда я к Лиде
за это время
— Теперь
Когда выход
встретили?
— Вперед
скался. А н
дился. Крас
— Могли
— Парни
шина — фар
— Он б
— Да.
— Что
— Я, з
стал — спя
Глаза нав
Долго коп
Мне казал
и за раму
вет... А он
Я решил
была. Ко
словно ме
ка вышл
рассказа
Я рас
ной. Во
блеском
Я об
А сам
подхож
мокрая
кетку...
Сза

— Откуда? Если только на лестнице сталкивались, когда я к Лидке ходить стал. Верка здорово изменилась за это время.

— Теперь вернемся к событиям сегодняшнего утра. Когда выходили от своей приятельницы, никого не встретили?

— Впереди шаги слышал, когда по лестнице спускался. А на улице увидел — парень в машину садился. Красные «Жигули», за руль.

— Могли бы его узнать?

— Парня? Со спины если, то конечно. А вот машина — фара у нее побитая, это заметил.

— Он был один?

— Да.

— Что было потом?

— Я, значит, Лидку жду... Мотоцикл заводить не стал — спят все. Думаю, до реки пешком пройдем. Глаза наверх поднял: горит, думаю, у Лидки свет? Долго копаться будет? Вдруг окно рядом открылось. Мне казалось, Вера на работу уже ушла... А она стоит и за раму рукой держится. Хотел помахать, мол, привет... А она как-то назад оглянулась, вроде вскрикнула. Я решил — застеснялась — она в одном бюстгальтере была. Конечно, глаза сразу отвел, и тут слышу — словно мешок с машины бросили. Гляжу... Потом Лидка вышла из подъезда. Что дальше было, она вам рассказала.

Я расстался с Лопаткиным и спустился к набережной. Волны на реке были серые, с металлическим блеском. В воде не отражалось ничего.

Я облокотился на парапет и стал смотреть на воду. А сам все время проигрывал про себя ситуацию: вот подхожу к вешалке, дотрагиваюсь до куртки. Она мокрая... отворачиваю полу, чтобы рассмотреть этикетку...

Сзади кто-то осторожно откашлялся.

Я резко обернулся и увидел джентльмена с седыми патлами до плеч, такого же цвета бородой, в папаше, красной куртке и кирзовых сапогах.

Да к тому же он смотрел на мир единственным глазом.

— Прощу прощения, — джентльмен притронулся к папаше, — закурить не найдется?

Я достал пачку и вытолкнул из нее сигарету. Мне вовсе не хотелось, чтобы джентльмен залез туда всей пятерней.

— Благодарствую, — он взял сигарету, оттопырив мизинец, и прикурил. — Любуетесь на реку?

Я кивнул.

— Хорошее занятие, приобщает к природе, — он пожевал губами. — Дело, собственно, вот в чем. Я, сами видите, человек не обласканный судьбой, можно сказать, алкоголик. Но, — он поднял указательный палец, — живы еще благородные порывы!

— Охотно вам верю.

— Я человек слова, — джентльмен кивнул, — если обещал оказать услугу, я ее окажу. Да, вот именно.

— Должен вас огорчить — я в услугах не нуждаюсь.

— Нет, нет, вы меня не поняли. Некий гражданин, которого — слово честного человека — я впервые видел, просил передать вам следующее...

— Откуда вы взяли, что мне?

— Тот гражданин показал на вас пальцем и сказал — вон, видишь того типа? Передай ему... Вы как раз с молодым человеком шли, разговаривали...

— Так что же просили передать? — я невольно огляделся по сторонам. В этом городе слишком много глаз, а я, по всей видимости, становлюсь популярной личностью.

— Вот,— старик достал откуда-то из-за спины сверток.

Я разорвал шпагат, развернул бумагу. Это был мой плащ. Документы и ключи — как полагается. В кармане.

— Это все?

— Вы только не подумайте, что я имею ко всему этому малейшее отношение. Курьер, извините за выражение.

— Как тот тип выглядел?

— Как выглядел... Видите ли, у меня на почве алкоголизма очень плохая память... Я больной человек...

— А это? — я достал пять рублей.— Это поможет вам поправить здоровье?

— Здоровье? — старик зачем-то вытер руку о штанину.— Здоровье, может, и поправит. А вот память...

— Ладно,— я сложил бумажку вдвое,— тогда обращайтесь к врачу.

— Нет-нет,— старик выхватил бумажку, взмахнул ею в воздухе, и она исчезла,— кое-что припоминаю... Невысокий, узкоплечий...

— Возраст? — спросил я.

— Юноша, с лицом, не оскверненным бритвой. Этого еще не хватало. Образ юноши становится назойливым.

— Без вранья? — спросил я.

— Я человек чести,— он вскинул подбородок.

— Ладно. Пусть будет по-вашему.

— Вижу, не помог вам? — спросил старик.

— Да уж.

— А как же деньги? Могу я их себе оставить? Я кивнул.

Джентльмен вновь притронулся к папахе и, поначалу пятась задом, стал удаляться.

Я посмотрел ему вслед и подумал, что самым иде-

альным для меня выходом было бы сесть в машину и уже вечером принимать душ в московской квартире.

Если бы у меня была возможность выбирать, я бы поступил именно так... Потому что теперь я уверен — в первую ночь по дому бродил не Бессонов. Но кто?

К двери номера была приколата записка: «Ваша машина отремонтирована. Деньги оставьте сторожу. Счастливого пути».

Я немного удивился такому сервису, но машина была теперь как нельзя кстати. Только интересно — когда они успели? Днем в гараже не было ни души.

...Приятно снова оказаться в салоне автомобиля. У меня возникло такое чувство, словно я вернулся домой. Может, это и есть мой дом, а дорога — отечество? Смотря какая дорога, конечно.

Я остановился и некоторое время рассматривал грязные подтеки на стекле. Потом включил дворники.

Стекло все равно оставалось грязным. Решил протереть его изнутри и достал тряпку. Она лежит у меня на полочке под «бардачком».

Из тряпки что-то выскользнуло и упало на пол. Я наклонился и долго шарил под сидением, пока пальцы не наткнулись на круглое и плоское.

Это была женская пудреница. Откуда она взялась — не пойму. Машинально открыл крышку, увидел, что зеркало внутри пудреницы расколосось от удара. И расстроился.

Не то чтобы я верил в приметы. Это как прогноз погоды. Верить не веришь, а зонтик все равно берешь с собой.

Положил пудреницу в перчаточницу, завел машину. Впереди большая лужа и пришлось притормозить, чтобы не обрызгать молодого человека в светлом плаще

и шляпе с мягкими полями. Он проводил меня внимательным взглядом.

Торопиться было некуда, и я петлял по разбитым улочкам города. Кончилось тем, что проколол шину. И именно в тот момент, когда я, тихо матерясь, менял колесо, меня осенило.

Наверное, по ассоциации.

Я вспомнил, что уколол палец, рассматривая чужую куртку на вешалке в доме Бессоновой. О металлическую скрепку. Такими в химчистках прикрепляют номерок.

И теперь я знал, что мне делать дальше.

Через четверть часа не без помощи администратора гостиницы у меня в кармане лежали адреса химчисток. Их оказалось всего три. Надеюсь, количество зависело от общей численности горожан, а не от их гигиенических воззрений.

В первых двух мне не повезло. Одна была закрыта на ремонт, и, видно, давно, в другой куртки просто не принимали, раствор не подходил. Бывает и такое. У нас.

А вот в третьей меня ждали сюрпризы. Один лучше другого. К примеру, за окошком приемщицы восседала чересчур статная особа с ядовито-рыжими волосами и огромными круглыми, словно блюдца, глазами. Между прочим, кристально голубого цвета. Редчайший экземпляр.

Я закрыл дверь и стал внимательно изучать преysкурant на стене. Пожалуй, даже слишком внимательно.

Экземпляр искоса наблюдал за мной, явно забавляясь.

Наконец я не выдержал и обернулся, стараясь сохранить подобающую твердость.

— Пришел по делу, — начал я, — да совершенно не могу вспомнить, какому. А почему я не вижу толпы мужчин, осаждающих вашу химчистку?

— Это еще зачем?

— Думаю, не из корыстных соображений привести в порядок свой гардероб, а лишь обогатить свою серую жизнь встречей с вами. Такое не часто увидишь.

— Ну да,— она надула губки,— эти мужики самые противные. Так и норовят в каждое пятнышко носом ткнуть, словно я его наделала.

— Не может быть! Вам явно попадались изгой. Да, кстати, моя куртка тоже здесь побывала, и я не имею ни малейших претензий.

— Что-то вас не припомню.

— Просто не я получал...

В уме быстренько подсчитал: вечером в четверг, когда Бессонов поругался с женой и ушел из дома, куртка была на нем. А в субботу утром я обнаружил ее на вешалке.

— В пятницу приносили,— уточнил я,— такую спортивную куртку, синюю, с красными полосами. Просили побыстрее почистить.

— Сынок, что ли, приносил?

— Почему вы так решили?

— Нет, для такого сына вы слишком молоды.

— Спасибо. Но как вы запомнили?

— Сейчас мало клиентов. В пятницу всего трое...

— И вас ничего не смутило в этой куртке? Пятна крови, например?

— Да вы что? — голубые глаза заполнили все помещение. — Куртка в глине была. Никакой крови, такие мы не принимаем...

Я позвонил Бессоновой из первого автомата, а когда подъехал к дому, она уже ждала меня у калитки. В этом было что-то патриархальное.

— Поедем к реке,— сказала она, развязывая шарф на шее.— Мне хочется видеть реку.

Нина была чудо как хороша.

Возле домика знакомой старушки пришлось съехать на обочину, чтобы обогнуть дорожные машины. Дальше была грунтовка, раскисшая от дождя, и колеса стали пробуксовывать. Я боялся, что мы застрянем, и потому ехал очень осторожно.

Всю дорогу мы молчали. Нина смотрела в окно, и только один раз, когда нас здорово потрянуло на ухабе, обернулась в мою сторону. Но ничего не сказала.

По машине застучали капли, и я включил дворники.

У обрыва остановились. Моя спутница задумчиво провела пальцем по запотевшему стеклу.

Я достал сигарету.

— Подождите, — сказала она, — откройте лучше окно. Подышите здешним воздухом. Я дышу им каждый день, не мешало бы и вам попользоваться. Как врач говорю.

Слышно было, как в траве шумит дождь.

Я повернулся к ней и осторожно провел ладонью по обтянутым капроном коленям. Она замерла, и я только чувствовал в темноте ее взгляд.

— Довольно банально, — прошептала она.

Потом уткнула кулачки мне в грудь, запрокинула голову. Женщина была вся теплая, и, едва я наклонился к ней, она приоткрыла рот. Губы были мягкими и отдавали помадой. Кулаки перестали меня отталкивать, и я почувствовал ее пальцы на затылке.

Она прижималась ко мне всем телом, и я, казалось, был весь в этих губах и в этой помаде...

— Как тут душно, — сказала она.

— Не выходить же под дождь.

Я поднял с пола сломанную сигарету и выбросил в окно. Достал новую. Взглянул на Бессонову.

Глаза ее словно светились в темноте.

Включил зажигание, и некоторое время двигатель

работал на холостом ходу. Потом выжал сцепление, и мы тронулись с места.

Мы молча проехали по грунтовке до моста и снова попали в тусклый дым фонарей. Дождь не утихал.

— Кто у тебя? — моя рука лежала на рычаге скоростей, и Нина накрыла ее ладонью.

— Сейчас никого.

— А была? — она усмехнулась, — Та, единственная?

— Ее уже нет. Она погибла. В автомобильной аварии.

— Ты ее очень любил?

Я кивнул.

— Она была красивая?

— Да, наверное, очень. Мне трудно быть объективным.

— Как ее звали?

Я ничего не ответил.

— Бедненький, — Бессонова погладила мою руку. — А знаешь, муж мне изменяет. С какой-то молоденькой девочкой. Может, к ней и ушел? Все хочу на нее посмотреть.

— Тогда поторопись.

— Почему?

— В городском морге лежит ее труп.

— Я тебя не понимаю.

— Утром она выбросилась из окна.

— А Бессо... — Нина вздрогнула и прижала пальцы к губам.

— Сложно сказать. Но мне кажется, он здесь ни при чем.

— Вот почему его искал следователь... Везет мне на мужиков. Точнее, везет моим мужикам... Она сама... Или ее?..

— Все может быть.

— Но кто?

— Если подходящей найти мотив — Ты?!

— Да, м... дели.

— Ах, во... Потом от... Иными слова... Что ж, поде...

Возле сам... — О чем... помнишь? Чт...

— Про к... человек. Он... да-то. Вот и...

С кем-то под... — Но ты...

— Кто у... — Кто?...

— Марин... — Скажи...

Я затормо... — Ты пое...

— Ясное... улице.

— Пойм... — Все...

Она отк... захлопнула...

— Что с... — Там к...

ла, — там кт... — Где?...

— В сад... — Не в...

— Если верить логике, то я оказываюсь наиболее подходящей кандидатурой. Они только не могут никак найти мотивы.

— Ты?!

— Да, моя прелесть. Я был последним, с кем ее видели.

— Ах, вот как? — она неестественно рассмеялась. Потом отвернулась к окну. Как в начале поездки. Иными словами, мы вернулись на исходные позиции. Что ж, поделом.

Возле самого дома я вспомнил и спросил:

— О чем вы говорили с Сухоручко. Я прослушал, помнишь? Что-то про какое-то кольцо...

— Про кольцо?.. Да, его увидел у Бессонова один человек. Он хорошо знал... и меня, и это кольцо. Когда-то. Вот и стало известно. Не через него, от других... С кем-то поделился. Из лучших побуждений, надеюсь.

— Но ты от кого конкретно услышала?

— Кто у нас первая сплетница?

— Кто?

— Маринка, которая у твоего приятеля работает.

— Скажи пожалуйста. Такая симпатичная.

Я затормозил у дома. Нина обернулась.

— Ты поедешь в гостиницу? Хорошо?

— Ясное дело, — сказал я, — не ночевать же на улице.

— Пойми. Это непросто...

— Все понял, не объясняй.

Она открыла дверцу, чтобы выйти, но вдруг снова захлопнула ее.

— Что случилось?

— Там кто-то... — она дотронулась пальцем до стекла, — там кто-то есть.

— Где?

— В саду, у дома...

— Не вижу.

— Я открыла дверцу и почувствовала... Мне страшно.

— Сейчас...

Я вышел из машины. И вдруг ощутил взгляд. Взгляд из темноты. Человек так смотреть не может.

Я ничего не понимал, только чувствовал волны злобы и тоски, яростные и беспощадные.

Сделал еще шаг, и волосы зашевелились на затылке. Как и в прошлый раз, словно ниоткуда, возник леденящий заунывный вой. Даже не вой, а какой-то стон или крик, нечленораздельный и безумный. Баскервиль-холл, да и только...

И вдруг все так же неожиданно стихло, как и началось. И я уже знал, что в темноте, среди голых веток яблонь, больше никого нет. Словно и не было...

...На углу пришлось притормозить. Посреди проезжей части стояла легковушка «скорой помощи», и под открытым капотом суетился водитель.

Я опустил стекло и окликнул его:

— Эй, приятель, помочь?

Он извлек себя из двигателя и вытер лоб:

— Подцепи, а? До медцентра дотянешь?

— Трос есть?

Он кивнул.

Почему бы не сделать доброе дело?

Самое верное средство для поднятия настроения. Наверное, это в нас заложено природой, как условие выживания популяции. Любой скверный тип нет-нет, да и сорвется. Беда только, что чем дальше мы углубляемся в научно-технический прогресс, тем мы меньше зависим от природы. А она за это мстит, да так, что доброта, помощь и сочувствие начинают восприниматься наравне с хвостовым придатком. Вот мы и поджимаем свои атавизмы. Не дай бог увидят. Потом обхотятся.

Возл
Водител
мне, до
— З
— С
— А

чей при
прикреп
ничего,
дыхну.
родных

По-русс
с них вз
известн
части. Б
у них т
Сели-то
рит — в

— Н
— Г
сто, а е
вылезал
ешь, че

— С
— К
сухогру
на наш
копеек
и то спа
тебе од

— С
— С
И о
Я п
Попыта
Эдгара

Возле института я остановился, вылез из машины. Водитель «скорой помощи» отцепил трос, подошел ко мне, достал пачку сигарет:

— Закуривай. Штатовские.

— Откуда такая роскошь? — я улыбнулся.

— А, хмыря одного возил. Тут в медцентр фирмачей прислали, оборудование устанавливать. Меня и прикрепили. Черная «Волга» только у директора, а эти ничего, и с крестом поездят. Мне-то что? В основном дрыхну. Так, на работу, с работы вожу — их в загородных хоромах поселили, где гости первый сорт живут. По-русски они еле вяжут, немцы бундесовские, чего с них взять. А вчера, слышь, один из них шлюху снял — известно где. Медсестрички есть мастерицы по енттой части. В коттедж он ее везти побоялся — не знаю, как у них там принято. Может, семья дома у человека. Сели-то в машину они вместе, а по дороге он мне говорит — выйди, покури — и «Мальборо» дает.

— Ну, и ты что?

— Полчасика покантовался. Потом его отвез на место, а ее обратно — в город. Она из машины-то и не вылезала — где села, там и вышла. Во работка. И знаешь, чем он с ней расплатился?

— Чем?

— Колготками. Такие, с рисунком. У меня братан на сухогрузе плавает, так он говорит — у них там, если на наши деревянные переводить по курсу, то колготки копеек двадцать стоят. А здесь если по четвертному — и то спасибо скажешь. Я две пары у нее взял. Хочешь, тебе одну уступлю? Без переплаты?

— Обойдусь, — я затоптал окурок. — Будь здоров.

— Обязательно буду, — он подмигнул.

И отошел.

Я поднял голову и посмотрел на окна института. Попытался вычислить, где находится лаборатория Эдгара. Кажется, в ней горел свет.

Интересно, чем они там занимаются по ночам?

Вахтер покосился на меня и кивнул. Видимо, я стал здесь своим, спасибо Марине-заступнице. И почему она так нравится вахтерам? И не только им?

На шестом этаже было совсем темно, только из-под двери кабинета Эдгара пробивалась узкая полоска света. Я взялся за ручку двери и вдруг подумал: что же привело меня сюда в самом деле? Только ли жажда общения? И чем больше я думал об этом, тем скорее понимал, что лучше проделать весь путь по гулким коридорам в обратном направлении. Почему — не хочется объяснять. Может, чуть позже.

Я отступил от двери, и тут до меня донесся звук, от которого я вздрогнул. Так и стоял, не зная, что предпринять.

За дверью кто-то плакал. Тихо, не всхлипывая, и оттого безысходно. И тогда я решился.

В маленькой комнате, уронив голову на скрещенные руки, сидела лаборантка. Когда я вошел, она не шевельнулась.

— Марина, что с вами? — я придвинул стул и сел рядом.

Она приподняла голову и размазала черную слезу по щеке.

Посмотрела удивленно, потом улыбнулась:

— Так, ерунда. Сегодня мне исполнилось двадцать два года.

— Поздравляю, — пробормотал я. — Неужели в такой день Эдгар заставил вас...

— Ничуть. Я сама попросила. Что нам двоим здесь делать? Резать мышек я могу и в одиночестве.

Глаза у нее все еще были на мокром месте, я полез за платком и случайно вытащил чужой, найденный в кладовке.

Марин
меня в ру
размытую
дрожат. I

— Ну
вам весь

— Не
кружевно

Не зна
В своих с

сразу не

— Ск
— Вь
— Чт

полагает
муары вл

— Ес
ного.

— Вм
те спирт.

Она у
Я раз

Жидкост
теплым.

— М
перед соб

Я хочу
взамен п

ться, на
честное

Говор
мала.

— С
свет. — I
Мы

Марина изумленно посмотрела на женский платок у меня в руке, потом молча взяла его и стала вытирать размытую тушь. Я заметил, что руки у нее сильно дрожат. Постепенно она успокоилась.

— Ну вот, — посмотрела на меня, — разукрасила вам весь платочек. Я постираю, потом верну.

— Не стоит, — я смутился и почти силой отобрал кружевной комочек.

Не знаю, как я должен был выглядеть в ее глазах. В своих собственных — препаршиво. Какого черта я его сразу не выбросил?

— Скверная история.

— Вы о чем?

— Что вас все покинули. В такой день как-никак полагается, как там сказал поэт... шуршат истомно муары влаги, вино сверкает, как стих поэм...

— Есть спирт, — сказала она робко, — совсем немного.

— Вместо муаров влаги? — я улыбнулся. — Давайте спирт.

Она уже выглядела совсем молодцом.

Я разлил спирт по мензуркам и разбавил водой. Жидкость помутнела на мгновение, и стекло стало теплым.

— Марина, — начал я, встав и держа мензурку перед собой, — двадцать два — это еще возраст надежд. Я хочу пожелать, чтобы ваши надежды сбылись, а взамен пришли новые — надо всегда на что-то надеяться, на лучшее. Короче, счастья вам от всей души, честное слово.

Говорил я неуклюже, но искренне, и она это понимала.

— Спасибо вам, — Марина посмотрела мензурку на свет. — Наверное, жуткая гадость...

Мы выпили, и ее передернуло.

— В столе у шефа есть хорошие сигареты. Возь-
мем? — предложила Марина.

Потом мы курили, она стряхивала пепел прямо на
пол.

— Мне Эдгар Янович рассказал, — сказала ла-
борантка, — какие у вас неприятности. Хотя — сами
виноваты. Пошли бы провожать в тот вечер меня, а не
другую, и обошлось...

— Он вам все рассказывает?

— Разве это секрет?

— Нет, что вы. Просто мне жаль, что вы об этом
узнали.

— Почему?

— Не хотелось бы, чтобы думали обо мне плохо.

— А я не думаю. Даже стараюсь, а не могу, — она
тряхнула головой. — Вы меня напоили, и я говорю вся-
кие глупости. Только потому, что напоили, а вовсе не
из-за ваших расчудесных глаз.

— Я так и подумал.

— А зря. Никогда не верьте пьяной женщине.

Я наклонился и погладил ее по руке.

— Ну вот, — она притворно нахмурилась, — начи-
нается...

— Марина, — я погрозил ей пальцем, — говорят, вы
большая сплетница.

— Кто говорит, — она невозмутимо посмотрела на
меня, — тот и сплетничает.

— А вы знаете, из-за чего в четверг поссорились
супруги Бессоновы?

— Догадываюсь. Нинка была вне себя, когда узна-
ла про кольцо.

— Зачем вы ей рассказали?

— Один мой знакомый, — последнее слово она про-
изнесла как-то смущенно, — собирается сделать мне
подарок. Не какую-то шмотку, а что-нибудь серьезное.
Девочки из клинического были в курсе — я ведь там

работала
продает т
Все ведь
Нину стал

— А ч
вал, меня
вас сегод

— Мы
она прост
вайте сва

...Я ра
и думал...
растрепан

Посмо
— Уж
Она то

ложила р
— Стр
зал я.

— Стр
буду. И в

День м
ничего, не
ем щеки,
охота!»

Я поре
повторял
четание с

Психи
И с насл
Дело в ст

накаплива

работала раньше — и сказали, что Бессонов вроде продает то, что нужно. Я догадалась — тут нечисто. Все ведь знали, что у него в последнее время... Мне Нину стало жалко. Он ее ни во что не ставил.

— А что это за щедрый знакомый, — я почувствовал, меня это сообщение задело, — который оставил вас сегодня в одиночестве?

— Мы встречаемся скоро уже три года, — сказала она просто, — а сейчас он в командировке. Теперь давайте сварим кофе. Ведь гулянка продолжается?

...Я разглядывал наши отражения в черном стекле и думал... Мысли были смутные, они словно гладили по растрепанным нервам.

Посмотрел на часы.

— Уже поздно. Наверное, мне пора.

Она тоже поднялась, подошла ко мне и вдруг положила руку на плечо.

— Странный день рождения получился, — сказал я.

— Странный, — кивнула она. — Только я его не забуду. И вы тоже, хорошо?

4. ПОНЕДЕЛЬНИК

День мрачный, даже во время отпуска. Все было бы ничего, но утром, когда я намыливал перед бритьем щеки, словно кто-то проорал над ухом: «Дикая охота!»

Я порезался и, прикладывая тампон с одеколоном, повторял про себя: «Дикая охота... дикая охота». Сочетание слов мне нравилось.

Психически я абсолютно здоров, не волнуйтесь. И с наследственностью все обстоит не хуже других. Дело в структуре мышления. Мой мозг крутил, крутил накапливавшиеся за последние дни факты, крутил где-

то там, в подсознании. И теперь выплеснул наружу промежуточный результат. Лаконично и оригинально.

Дикая охота!

Ведь у каждого голова варит по-своему. У меня, например, со своей полное взаимопонимание.

Дикая охота!

Злые всадники в разрывах быстробегущих туч. Небесные гончие псы, воющие среди бури. Застигнутый врасплох одинокий путник на перекрестке. Дикая охота, идет дикая охота, и мифический Один со своей свитой призраков и валькирий топчет тучи. Кому быть его жертвой?..

Такие сказки рассказывали в старину. Я люблю сказки. И кое-что в них понимаю — в области намеков, надеюсь. Например, что дикая охота уже в двух шагах от меня. Конечно, я немного поэтизирую.

Но интуиция подсказывает, что клыки первой гончей — еще немного — и сомкнутся на моей ляжке.

И вот подтверждение. Десять часов утра, а я сижу у двери в кабинет Сухоручко, вызванный, не в пример вчерашнему, по всей форме.

Вызвали меня на десять пятнадцать. Я пунктуален.

Вхожу в кабинет, закрываю за собой дверь. От бывшего благодущия у Сухоручко не осталось и следа.

Он здоровается, кивает на стул:

— Присаживайтесь.

Потом он молчит, постукивает карандашом по столу и смотрит на меня. Неожиданно поднимается, подходит к окну.

— Это ваша машина возле афиши припаркована? — спрашивает он.

— Если красные «Жигули», то моя.

— А не она ли стояла под окном у Громовой позавчера утром? И отъехала за минуту до случившегося?

— Вряд ли. Я отдавал ее в ремонт — разбил фару.

— Фару? Вот-вот. Тогда она была с разбитой фа-

рой. Тут т
слесарей
де. И оди
утра фар
дельца.

— Но

— Вер

Но слесар

Мы расс

десять ми

не. И есл

дает.

— Что

цу, а полу

да мы еш

— Ох

— И

— Бл

— Ка

— Я с

говора. Н

это подтв

цы, и вря

наша вст

метил.

— Ве

нулся.

Он по

— Кт

в воскрес

соблюдае

— Ме

жу, он бы

— А,

лись в м

только м

рой. Тут такая любопытная подробность. Мы опросили слесарей в ремонтной мастерской — благо, одна в городе. И один признался — халтурил, менял часов в 10 утра фару у красных «Жигуляй». В присутствии владельца.

— Но ведь в 10 утра, в субботу...

— Верно, в это время мы с вами мило беседовали. Но слесарь сказал — приблизительно часов в десять... Мы расстались в пять минут одиннадцатого. Плюс десять минут добраться до мастерской — если на машине. И если машина была под рукой. Тогда все совпадает.

— Что за чертовщина! Я оставил машину в пятницу, а получил только вчера. Кстати, после вашего ухода мы еще сидели, разговаривали с Эдгаром.

— Охотно верю.

— И на том спасибо.

— Благодарите не меня, а собственные ботинки.

— Как это?

— Я обратил внимание на вашу обувь во время разговора. На улице была непогода, и они выразительно это подтверждали. Вы добирались пешком из гостиницы, и вряд ли этот маскарад был рассчитан на меня — наша встреча была для вас неожиданностью, я это заметил.

— Весьма приятной неожиданностью, — я усмехнулся.

Он поклонился в ответ, потом снова посерьезнел:

— Кто может подтвердить, что вы забрали машину в воскресенье? День выходной, только мы, грешные, не соблюдаем.

— Меня известили запиской. Деньги отдал сторожу, он был предупрежден. Такой — лысый как коленка.

— А, этот... знакомая личность. А как вы устроились в мастерскую? Местные автомобилисты об этом только мечтают.

— Мне помог некто Георгий Васнецов. Кажется, он футболист...

— Как же, знаю, крайний правый. Мы за него соседям «рафик» отдали — он раньше у них играл.

Сухоручко снова отворачивается к окну, и я вижу, как блестит материя на локтях его пиджака.

— А у вас что, — спрашиваю, — в «рафиках» изыток?

— Угу, — качает головой, — мы их просто куда девать не знаем. Жена у меня директор пионерлагеря, так все лето на нервах — случись что, не на чем до города добраться. Но зато болельщики довольны. Впрочем, мы отвлеклись.

— Скажите честно, вы меня подозреваете? — спросил я.

Он поправил очки, поморщился:

— Видите ли, преступник труслив. Патологически труслив каждый человек, вынужденный что-то скрывать от остальных. Ситуация обязывает. И чтобы его секрет не раскрыли, он прячется в скорлупу лжи. И все время надстраивает эту скорлупу, надстраивает до тех пор, пока она его не раздавит. Так вот, именно исходя из этой патологической трусости, кто-то использовал вашу машину.

— Слесарь?

— Вряд ли. Слишком очевидно. Но как-то он замешан. Может, давал кому-нибудь ключи? Но дело не в этом. Почему именно вашу машину? Совпадение? Вряд ли. Сделавший это знал, что владельцем машины является тот самый человек, с кем Громову видели в последний раз на людях. И на кого в первую очередь падет подозрение.

«Дикая охота, — подумал я. — Значит, меня травят довольно давно».

— Кто бы это мог быть, а? Как вы думаете? — спросил Сухоручко.

— Понятия
Несколько я за
в мою машин
цати...

— Откуда
— Побесед
фамилия.

— Вот как
сказывайте да

— Так во
шел я вчера
реницу. Мож

— Куда
и он об этом
планы вход

своего пребы
мовой долж

все и строи

Я достал

— Хоро

— Не б

— При

могли свои

— А п

— Вы

стану из

С ули

— Сл

ный, — н

пансер.

— Д

це. Удел

— ч

— Д

— Понятия не имею. Тут такая странная вещь... Насколько я знаю, возле дома Громовой в машину... в мою машину сел молодой человек лет девятнадцати...

— Откуда вы про это...

— Побеседовал с одним свидетелем, Лопаткин его фамилия.

— Вот как? Не сидели, значит, сложа руки? Рассказывайте дальше.

— Так вот, сел в машину молодой человек, а нашел я вчера на полочке для перчаток женскую пудреницу. Может, для отвода глаз?

— Куда же их отводить, если парня этого видели, и он об этом, я думаю, догадался. Да и вряд ли в его планы входило оставлять материальные свидетельства своего пребывания в вашей машине. Возле дома Громовой должны были оказаться в то утро вы, на этом-то все и строилось. Где эта пудреница?

Я достал и протянул следователю.

— Хорошо, проверим. Небось залапали ее?

— Не без того.

— Придется вам пальчики свои оставить. Чтобы мы могли своих от чужих отличить,— он улыбнулся.

— А потом я смогу идти?

— Вы что,— он хмыкнул,— думаете, я сейчас достаю из кармана наручники? Конечно, идите.

С улицы я позвонил Бессоновой.

— Слушаю,— голос у нее был сугубо официальный,— ничего не поделаешь — наркологический диспансер.

— Доктор,— прогнусавил я,— у вас доброе сердце. Уделите мне пятнадцать минут.

— Что такое?

— Доктор, когда я нервничаю, мои железы начи-

нают выделять эндорфины. А действие этих эндорфинов, я прочитал в книжке, все равно что опиума. Так вот, нервничаю я последнее время довольно часто и боюсь, как бы не стать вашим клиентом.

— А, это ты,— я почувствовал, как она смутилась.— Ничего страшного. Это вполне естественный процесс — защитная реакция организма на... Однако слушай, у тебя неплохие познания в медицине...

— Чай в городе живу. Так как насчет аудиенции?

— У меня прием, ты же знаешь.

— Тогда я приду на прием. Пропустите без очереди? По знакомству?

— Этого еще не хватало. Ладно, подожди в сквере напротив.

...Я сидел на скамейке и думал о смерти. Нет, настроение у меня было неплохое, сам толком не пойму, почему думал об этом.

Просто когда из жизни уходят друзья или даже просто знакомые, с ними вместе уходит и часть тебя самого. Ведь каждый из нас — это сотни людей, из которых «я» в собственном восприятии — лишь единственный образ из множества. Остальные — то, каким тебя видят и помнят люди, с которыми когда-либо общался. Тем более что жизнь наша и есть это самое общение. Поэтому на самом деле человек умирает лишь когда его забывают. В этом вся и штука.

У меня много друзей. Одних я не видел по многу лет, других, увы, никогда уже не увижу. Но я продолжаю мысленно говорить с ними, выслушивать и спорить. И с былыми, и с нынешними. Их образы с одинаковой силой живут во мне, меняются, стареют вместе со мной. Но, главное, продолжают существовать. Мне кажется, душа человеческая обитает в памяти людей.

И не потому ли мы так боимся смерти, что предчувствуем забвение? Не сейчас же, сразу, а лет через пять, десять...

А Гром
что Бессо

Након

на скамей

кользнул

ее в бело

особенно

домый те

— Ит

Я до

свой — и

— Мн

Сейчас в

— Пр

сунул его

по друго

— Во

— Да

наркотик

попасть

— Ты

вольно и

рессии...

— За

риант?..

наковал

— П

работал

ман. Пр

— Ч

ние?

— М

болезне

абстине

ниц для

ненорма

А Громову так никто и не помнит, подумал я. Разве что Бессонов? Но кто помнит о нем?

Наконец появилась Нина. Она села рядом со мной на скамейку, закинув ногу на ногу, из-под пальто выскользнул край белого халата. Я как-то не представлял ее в белом халате. Трудно поверить, что у женщины, особенно если она тебе нравится, есть иной мир, неведомый тебе.

— Итак, — сказала она, — что случилось?

Я достал носовой платок — теперь наконец-то свой — и высморкался.

— Многообещающее начало, — она улыбнулась. — Сейчас выпишу тебе рецепт.

— Проблема не в насморке, — я сложил платок и сунул его в карман. — Мне нужна твоя консультация по другому вопросу.

— Вот как?

— Да. Скажи, может ли человек, употребляющий наркотики, покончить жизнь самоубийством из боязни попасть в лечебницу?

— Ты имеешь в виду наркомана? Эта публика довольно издерганная, часто находится в состоянии депрессии... Да, такой вариант не исключен.

— Зачем ты так казенно говоришь: публика, вариант?.. По-моему, несчастные ребята между молотом и наковальней...

— Полгода назад одного моего товарища — он работал в психиатрической больнице — убил наркоман. Пронес с собой нож — и...

— Что же их так пугает? Лечение? Или излечение?

— Методы несовершенны, понимаешь? Довольно болезненны, я бы даже сказала — мучительны. Период абстиненции, уколы, обстановка... Специальных больниц для них нет, держат подчас вместе с психически ненормальными, алкоголиками. Кроме того, учти —

еще недавно только за одно употребление наркотиков сажали. Так что не исключена и уголовная среда. Естественно, режим строгий. С ними иначе нельзя.

— Наверное, тебе лучше знать. Хотя я другого мнения.

В ответ она пожала плечами.

— Скажи, а твой муж... ну, консультировался с тобой по наркологическим вопросам?

— Нет. Если только вскользь...

— А он вел какие-нибудь записи или, скажем, дневник?

— И ты об этом?

— А кто еще интересовался дневниками Бессонова?

— Не помню, кажется, кто-то из знакомых.

— Давно?

— На днях.

— И что ты ответила?

— Сказала — не знаю. Я в его бумагах не копаюсь.

— И все?

— И все. По какому праву ты меня допрашиваешь?

— Мне надо знать правду.

— А я что, по-твоему, ее скрываю?

— Выходит, что так.

Несколько секунд она сидела, задумчиво уставясь перед собой. Потом встрепенулась.

— Со мной никогда еще никто не разговаривал таким тоном, — сказала она.

— Кто-то же должен быть первым.

Женщина холодно взглянула на меня, встала и ушла, ступая словно по камешкам через ручей.

Я остался один. Один против чужого города. Правда, у меня еще был Эдгар.

Обед прошел в дружественной обстановке. Точнее, вместе с Эдгаром в столовой его института.

Размешивая сметану в борще, Эд сказал:

— Мне звонила Нина Бессонова. Говорила, что ты ее в чем-то обвиняешь. По-моему, она чуть не плакала.

— Да, — я кивнул, — наверное, я был слишком мягок. В идеале она должна была заливаться слезами.

Эдгар внимательно посмотрел на меня.

Когда я вгрызался в бифштекс, он посоветовал:

— Перестань суетиться. Дело о Громовой закроют. Так что можешь спокойно догуливать отпуск. Поехали после работы на рыбалку?

— С какой стати его закроют? — спросил я уныло.

— Разве ты не знаешь? Ведь уже сделали вскрытие... Хотя да, откуда тебе...

— И что же?

— Острая сердечная недостаточность. У нее было больное сердце.

— Я тебя не понимаю. Она же выбросилась из окна?

— Упала, старина, упала. Она умерла еще наверху. Видимо, ей стало плохо с сердцем... Тебе бывало когда-нибудь плохо с сердцем?

— Три года назад.

— Здоровье у тебя богатырское. Так вот, ты знаешь — возникает ощущение, словно не хватает воздуха. Она могла подойти к окну, распахнуть его... И в этот момент умереть. Улавливаешь?

Эдгар принялся за компот.

— А если она умерла уже во время падения? Шоковое состояние... — робко предположил я.

— Не знаю, — он выплюнул в стакан косточки, — надо посоветоваться... А у тебя какие планы на сегодня?

— Глобальные.

— Как знаешь. А я все-таки немного порыбачу. Выходя из здания института, я понял, что нас рано или поздно погубит: равнодушные.

На улице я заметил молодого человека в светлом плаще и шляпе с мягкими полями. По-моему, мы уже виделись. Он внимательно изучал содержимое газетного киоска.

Я поморщился. Становлюсь мнительным.

Не знаю, тянет ли убийцу на место преступления, но я почему-то решил снова зайти в дом, где жила Громова.

Поднялся на пятый этаж. Несколько мгновений нерешительно потоптался у двери. Потом, собравшись с духом, позвонил. Я звонил в квартиру, из окна которой вчера выбросилась девушка. На что я надеялся? Так, — была одна мысль...

Мне повезло. Послышались шаркающие шаги, и, когда дверь отворилась, я понял, почему хозяйку квартиры называли неопрятной старухой.

Лет ей, как мне тогда показалось, за шестьдесят... Сморщенное лицо, слезящиеся глаза... Сгорбленная и бесформенная.

Глядя на нее, хотелось пойти и вымыться с хозяйственным мылом.

— Вам кого? — спросила она.

— Надо поговорить.

Она равнодушно повернулась спиной и прошла в глубь квартиры. Я двинулся следом.

Старуха подошла к застеленному газетами столу, оперлась о него руками, так и застыла, словно приклеенная.

Я быстро оглядел комнату. Старый диван с малиновой обивкой, заляпанный какими-то желтыми пятнами. Стул. Ящик из-под апельсинов, который использо-

вали как туман
в стену с б
версия Эдгар
кто-то второй

— У вас

— Знаю.

лиции. Они

оставил ее м

— Он уме

— Умер?

жение, слов

умер.

— Почему

— Так по

снова застыл

Потом он

потянулась к

— Она с

мил? — спра

— Да...

Я не зам

Большие та

рела на них

Щелк-ще

— А кто

Она под

— Какое

— Если

Щелк-ще

рическими

винулся под

— Муж

муж. Он с

— Вот

— Он с

ко мне вся

вали как тумбочку. Грязный халат на гвозде, вбитом в стену с блеклыми обоями. Зеркала не было — версия Эдгара подтверждалась. Укол Громовой делал кто-то второй.

— У вас жила... Вера Громова, — начал я.

— Знаю. Но ее больше нет. Уже приходили из милиции. Они все осмотрели. Это моя квартира. Мне оставил ее муж.

— Он умер? — ляпнул я.

— Умер? — морщины на ее лице пришли в движение, словно она пыталась улыбнуться. — Нет, не умер.

— Почему вы сдавали Громовой квартиру?

— Так получилось... Ей негде было жить, — лицо снова застыло.

Потом она провела ладонью по губам, и за рукой потянулась клейкая нить слюны.

— Она сама вас нашла? Или кто-нибудь познакомил? — спрашиваю.

— Да...

Я не заметил, как в ее руках оказались ножницы. Большие такие, портняжные. Она бессмысленно смотрела на них, открывала и закрывала.

Щелк-щелк. Щелк-щелк.

— А кто познакомил?

Она подняла ножницы на уровень моих глаз.

— Какое вам дело?

— Если спрашиваю, значит, есть.

Щелк-щелк. Пальцы у нее изможденные, с подагрическими суставами, ногти совсем заросли. Я отодвинулся подальше.

— Муж, — сказала она, — ее привел мой бывший муж. Он с ней путался.

— Вот как?

— Он со всеми путался. Это все она, она. Приходит ко мне вся в белом. Вся в белом платье, а под платьем

кости. Кости. Они стучат. Они стучат и не дают мне спать по ночам. Вот и сейчас она придет.. Она будет ходить вокруг и руками шарить, шарить. Пока на нее не смотришь, она тебя не видит...

Я стал догадываться, что эта женщина неизлечимо больна.

— Все время ходит вокруг. Все время,— продолжала старуха.— Противная. Насыляет на меня порчу. Другим все хорошее. Вот Нинке Бессоновой — и красоту, и здоровье, и мужиков. А мне все плохое, плохое. Цветы с кладбища присылает. Я их в унитазе топлю.

— Вы знаете Бессонову?

— Знаю ли я? — старуха вдруг подпрыгнула.— Знаю ли я Нинку? — и она вдруг захохотала.

Щелк-щелк,— ножницы сверкнули возле самого лица, я поспешно отскочил.

— Она тебя подослала? — старуха продолжала наступать.

— Нет...

— Она тебя специально подослала. Она тебя специально подослала... — Старуха шла на меня, растопырив руки, и в бесцветных глазах ее зрачки собрались открытыми злыми точками.

За спиной послышалось, как кто-то открывает ключом дверь.

Я метнулся спиной к стене и, сжимая кулаки, решил дорого продать свою жизнь. Во всяком случае, хотелось в это верить.

Дверь распахнулась, и на пороге изумленно замер Николай Петрович. Тот самый, что работал с Бессоновым в одном кабинете.

Его я меньше всего рассчитывал здесь увидеть.

— Что вы здесь делаете? — выпалил я.

— Я? — ошей жене. Не

— Жене?

— Да. Ва

— По пра

Я оглянул

глядя перед

тусклая, пох

— Вам т

шел к женщ

Лет пять на

зять,— он гр

роде. Это тр

росить вас

всюду суют

правду до

отнюдь не л

в какой пер

— Нина

— Мы

вается — с

курсе. Пос

помощи».

за собой.

— Оле

— Кан

Страни

Наверное

— Сн

женой. У

фиолетов

земная б

Стару

— О

Стар

меня.

— Я? — он вскинул брови. — Пришел к своей бывшей жене. Но что делаете тут вы?

— Жене? — я опешил.

— Да. Вас удивляет?

— По правде говоря...

Я оглянулся на старуху. Она стояла, бессмысленно глядя перед собой, расслабленная, сгорбившаяся, тусклая, похожая на улитку.

— Вам трудно понять, — он захлопнул дверь, подошел к женщине и стал поправлять на ней одежду. — Лет пять назад она была очень красива... Можно сказать, — он грустно улыбнулся, — первая красавица в городе. Это трудная история. Самое разумное будет попросить вас удалиться. Но вы из тех типов, которые всюду суют свой нос и не успокоятся, пока не узнают правду до конца. Кроме того, я думаю, вами движет отнюдь не любопытство. Мне рассказывала Бессонова, в какой переплет вы попали...

— Нина?

— Мы знакомы... Мы дружили... как это называется — семьями. Я ведь учился с Олегом на одном курсе. После окончания вместе работали на «Скорой помощи». Потом он переехал сюда и перетащил меня за собой.

— Олег — это кто?

— Как кто? Бессонов, конечно.

Странно, впервые Бессонова называли по имени. Наверное, они и в самом деле дружили.

— Сначала мы вместе ухаживали за моей будущей женой. У нее, знаете, был потрясающий цвет глаз — фиолетовый. И черные-черные волосы. Она словно неземная была...

Старуха бессмысленно смотрела в окно.

— Она вышла за меня.

Старуха зевнула, затем апатично посмотрела на меня.

— Через год, как мы поженились, сыграли вторую свадьбу. Олега и ее подружки. Этой подружкой была Нина. Не знаю, счастливо ли мы жили. Думаю, не очень. Работы для нее по специальности не нашлось. Правда, шила местным дамам наряды. Ведь на мою зарплату не очень разгуляешься. Детей не было. Забот тоже особенно никаких. Обедая на работе, белье в прачечную сам относил. Жить бы и жить... Дайте сигарету. Вообще-то я не курю.

Он затаился и закашлялся. Лицо побагровело и на лбу вздулись вены. Достал платок, вытер рот, раздавил сигарету в блюдце, которое стояло на столе.

— Пять лет назад я случайно увидел у нее в сумочке шприц. Поначалу не придавал этому значения. А потом понял — она колет морфин... Я врач, и имел дело с наркотиками. Еще в институте один раз, ради любопытства, сам попробовал. Знаете, своего рода драматическая медицина. Опыты на себе. Дурость, конечно, но со студентами-медиками такое случается. Сколько из-за этого хороших ребят погибло, стало наркоманами... Меня пронесло — тут ведь тоже предраспо-

ложенность. А вот ее...

Он замолчал, провел ладонью по лицу. Потом снова поднял голову.

— Я устроил ее в лечебницу — удалось без уголовной ответственности. За это ведь судят. Судили то есть. Теперь — если распространяешь. Думал, главное сделано. А потом выяснилось — наркоманок там содержат всех вместе — и проституток, и уголовниц. И мою жену. Так что «жизненного опыта», — он грустно улыбнулся, — там она приобрела предостаточно. По всей видимости, этот «опыт» и помогал ей добывать наркотики — денег, во всяком случае, она у меня не просила. Когда у Бессонова появилась Вера, мы решили не повторять ошибку с лечебницей.

— Каким образом? — спросил я.

— Ре-
дать.

— А и
ниваться

— Я п
не было. И

моя жена
с ней рас

когда есть
на счет обм

их в ту н
— Да,

лось, а?

— По

ется в гор

шем инсти

по списку

ленное ко

ампулами,

лы уничто

ли те же с

меня пони

можете их

не способе

расходован

только по

решили пр

ковки, амг

— А к

— Алм

этого у же

Веру скуп

ков. И в г

Сузили кр

очереди. Н

он задумал

— Решили поселить их вместе — так легче наблюдать.

— А им так было легче доставать наркотики и обмениваться «опытом»?

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Другого выхода не было. Между прочим, в ту ночь, когда погибла Вера, моя жена была у Аннушки... Это медсестра, я долго с ней работал, она все знает. Сейчас на пенсии, и когда есть время и силы, берет мою жену к себе. Так что насчет обмена «опытом» — вы не правы. И кстати, будь их в ту ночь двое, может, не случилась бы трагедия.

— Да, — я покачал головой, — но что бы изменилось, а?

— Понимаю. Мы искали источник — откуда появляется в городе морфин. Олег заподозрил кое-кого в нашем институте. Может, вы знаете — морфин хранится по списку «А». Иными словами, выдается строго определенное количество, потом мы отчитываемся пустыми ампулами, подписывается акт, и использованные ампулы уничтожаются. Но ведь никто не знает — сдаются ли те же самые ампулы, которые выдали, или нет? Вы меня понимаете? Если у вас есть пустые ампулы, вы можете их сдать, а себе оставить с морфином... Никто же не способен проконтролировать, сколько препарата израсходовано на самом деле, весь отчет, так сказать, только по стеклотаре. Есть масса других лазеек. Но мы решили проверить этот путь. Олег пометил все — упаковки, ампулы.

— А как же он ампулы умудрился пометить?

— Алмазом. Нанес царапину на стекло. Взял для этого у жены колечко с бриллиантом. А потом через Веру скупил большую партию морфина у местных жучков. И в первый же раз попалась меченая упаковка. Сузили круг поисков. Решили проверять медсестер по очереди. Но... Потом Олег куда-то исчез. Не знаю, что он задумал...

— Кажется, я видел меченую упаковку. Из первой партии.

— Где? — мужчина вскочил.

Я внимательно посмотрел на него:

— Не имеет значения. Я могу ошибиться.

— Нет, вы должны, вы обязаны мне сказать!

— Почему вы меня торопите?

— Да потому, что с вами могут поступить так же, как с Олегом!

— А что произошло с Олегом?

— Я не знаю... Но чувствую...

— Мертвый! — старуха вдруг рванулась ко мне, и я увидел, как позеленело ее лицо и встали дыбом волосы. — Ты уже мертвый! Она придет, она пришл-а-а-а!

Мужчина поймал ее сзади за локти, но старуха корчилась и кричала, пока я выходил из квартиры и закрывал за собой дверь.

Я и в самом деле мертвый. Уже три года. Только никому об этом не рассказываю.

Во дворе я огляделся. Мой старый знакомый в светлом плаще и шляпе с мягкими полями оказался неподалеку, на скамейке рядом с детской песочницей. Я приметил его час назад у газетного киоска. Чужие отпрыски резвились у его ног.

С трудом удержался, чтобы не помахать ему рукой. Не то, чтобы он был растяпа. Просто у меня на это глаз наметан.

Сажусь в машину и в зеркальце вижу, как малый делает кому-то знаки. Трогаюсь с места, и почти одновременно со мной от бровки отваливают серые «Жигули». Не знаю, связано ли это с жестикуляцией юноши. Но лучше подстраховаться. Спокойно продвигаюсь к центру, а серая легковушка плотно сидит на хвосте. Случай подвернулся на перекрестке — проскакиваю его на

красный свет
собой визг т

Кто бы н

боялся потер

А на перекр

Буду рад, ес

разговором с

сказать.

Машину

цы, а дальш

главное — по

Идея соз

будет уточни

срочность ре

ство.

Автобус б

часах было

В автобу

наш злейши

Я порадо

но. Особенн

— У нас

наклонился

Приезжий,

— И пр

взяли — что

— Конеч

злом, котор

почетнее...

Люди ст

Мой — прод

Я огибаю

ности остан

трапезу тре

красный свет перед самым носом грузовика и слышу за собой визг тормозов. Финита...

Кто бы ни был в серых «Жигулях», но он слишком боялся потерять меня из виду, и потому рванул следом. А на перекрестке надо быть особенно внимательным. Буду рад, если он отделается только легким испугом и разговором с водителем грузовика. Тому найдется, что сказать.

Машину приходится оставить недалеко от гостиницы, а дальше пробираться проходными дворами. Тут главное — помнить ориентиры.

Идея созрела еще в кабинете Сухоручко. Неплохо будет уточнить в гараже, не содрали ли они с меня за срочность ремонта. Если так, то это чистое надувательство.

Автобус был полупустой, я выбрал место у окна. На часах было без четверти пять.

В автобусе висел красочный плакат: «Курение — наш злейший враг».

Я порадовался за художника. Красочно и убедительно. Особенно беременная женщина с сигаретой.

— У нас кампания по борьбе с курением, — сосед наклонился ко мне. — Я вижу, вы плакатик изучаете? Приезжий, наверное?

— И правильно борются, — я кивнул. — А то моду взяли — что хотят, то и делают со своим здоровьем.

— Конечно, — сосед вздохнул. — Только ведь со злом, которое у всех на виду, бороться значительно почетнее...

Люди стали выходить. Автобус завершил свой круг. Мой — продолжается...

Я огибаю выпотрошенные таратайки и в нерешительности останавливаюсь. Не очень-то вежливо прерывать трапезу трех мужчин, даже если эта трапеза состоит из

покромсанной вареной колбасы и батареей бутылочного пива. Но так как один из них, блистающий отсутствием волос, мой давний знакомый — если за точку отсчета принимать день приезда, — я все же решаюсь.

Он замечает меня сразу, как только я появляюсь из-за ржавого автомобильного кузова. Поговорка гласит: «Всегда садись лицом к воображаемому входу и поближе к воображаемому выходу». Он свою часть поговорки учел.

Прожевывая колбасу, сделал знак сотрапезникам, чтобы они освободили один из перевернутых ящиков. Открыл бутылку пива и протянул мне.

— Освежитесь с нами.

Я поблагодарил. Сунул руку в карман, вроде за сигаретами. (Но дело было вовсе не в сигаретах. В чем именно — скоро станет ясно.)

— Как работа? — осведомился лысоголовый. — Лошадка ваша как новая стала. Мы еще тормоза проверили и шины подкача... — Он осекся и озадаченно посмотрел на того сотрапезника, что сидел с краю. Потом добавил: — Чего я вам рассказываю-то? Ремонт ведь в присутствии заказчика делали, верно, Валера? Твоя работа...

Крайний сосредоточенно кивнул. По всему выходило, это и есть слесарь Панфилов. Только не нравилось мне, что врут они хоть и без блеска, но очень дружно. Я-то ожидал, что дело придется иметь с одиноким корыстным слесарем Панфиловым.

И теперь решил идти напролом.

— Ребята, — сказал я, — что же вы милицию в заблуждение вводите? Машина ведь с пятницы у вас стояла.

Лысоголовый озадаченно посмотрел на меня:

— Какая машина?

— На валяйте ваньку, мужики. Моя машина. Ну, использовали вы ее, покатали бабенку по городу, я ж не

в обиде. Кстат
шине забыла.

Я заметил.

— Давай

— Значит

— Нет, т

средний.

— Тогда,

цию, — этот,

Наверня

— И про

а, дружок?

не обойдетс

— Посм

угощение.

Ухожу,

не сигарет

уже о нем

использую

мысли вслу

щему приг

жет служи

она понра

в кабинете

— Сто

Они у

Форы

бище дос

успею. Те

мой вид с

ди, и пот

ку?

во

в

че.

в обиде. Кстати, я тут хотел пудреницу отдать, она в машине забыла.

Я заметил, что все трое как-то напряглись.

— Давай сюда, я передам.

— Значит, катали?

— Нет, ты ошибаешься, парень, — наконец сказал средний.

— Тогда, — к этому моменту я проиграл в уме ситуацию, — этот, как его — Барин? Или парнишка его?

Наверняка это им не понравилось.

— И про это пронюхал? Не длинный ли у тебя нос, а, дружок? Боюсь, без хирургического вмешательства не обойдется, — сказал, вставая, крайний.

— Посмотрим, — я тоже поднимаюсь. — Спасибо за угощение.

Ухожу, не оглядываясь. Снова лезу в карман. Нет, не сигареты меня заботят, а портативный диктофон, я уже о нем как-то вскользь упоминал. Как правило, я использую его по-пижонски, вроде дневника событий, мысли вслух. Но сегодня, пожалуй, он мне по-настоящему пригодился. И хотя магнитофонная запись не может служить доказательством, Сухоручко, я надеюсь, она понравится. В смысле понимания ситуации. У него в кабинете, наверное, они были бы поосторожнее.

— Стой, парень, — слышится за спиной.

Они уже успели прийти в себя.

Форы у меня метров десять. Но автомобильное кладбище достаточно обширное, до ворот раньше их я не успею. Тем более в беге никогда не бил рекордов — не мой вид спорта. Больше всего я опасаясь подсечки сзади, и потому резко сворачиваю в щель между ржавыми кузовами и мчусь к строительному фургончику, который возвышается над озером мертвого железа. Если дверь в него открыта — им придется здорово попотеть, прежде чем меня оттуда выколупнут. Если нет — хоть плачь.

По дороге успеваю сбросить диктофон внутрь поко-

реженного запорожца у самого вагончика. Прямо за приборную панель, ошестинившуюся рваными проводами.

Они слишком увлеклись погоней, чтобы заметить некую мою суетливость.

Напрягаю силы, чтобы одним прыжком добраться до двери служебного вагончика. Рву ручку на себя, рву еще раз, до боли в суставах. Не тут-то было.

У меня остается еще мгновение, чтобы прижаться к двери спиной и встретить противников, как говорится, с открытым забралом.

Забрала мне как раз сейчас и не хватает.

Ближе всех оказывается слесарь Панфилов. Вид у него решительный, что он и торопится доказать. Его кулак идет на стыковку с моей челюстью, но ее как раз в этот момент не оказывается на месте. По инерции он разворачивается чуть боком, и этого достаточно. Надеюсь, все ребра у него остались целы.

Пока бедняга пытается встать, я записываю одно очко в свою пользу и тут же получаю страшный удар в плечо. Счет ничейный, к тому же слесарь Панфилов встает на ноги. И снова трое против одного Их-то трое. А я один...

Крайний справа идет наперехват, но я нарушаю правила, выдавив из него локтем запас воздуха. Это не помогает, так как лысоголовый старательно пинает меня кованым ботинком, а слесарь Панфилов продолжает развивать успех, проводя прямой в голову.

Тут в самый раз вспомнить фигурное катание. Не в смысле изящества, с которым я принимаю горизонтальное положение, а в смысле замедленных повторов. Чья-то подошва висит над моим лицом, и так медленно, что я успеваю рассмотреть полустертую подкову и прилипший комок глины.

Подошва исчезает.

— Придурок, он нужен тепленький.

Меня
я в самом
лепту в
физики, я
вагончика
Дальше

...Тум
этих лип
Путь мой

Но во
Желтый
ственного
Мне неку

Желти
чиваюсь,
проступа
реальнос
вом. Тело
растаяла
напрокат
в кресле
той. В ма
гордая, в
я вижу т
черты ис

За ок
ремешан
ливы и се
бассейны
в тени по
реждений
ловым ор
избранн
место зри

Меня поднимают на ноги, но тут крайний, которого я в самом начале вывел из игры, решает внести свою лепту в виде мощного пинка сзади. Согласно закону физики, я лечу вперед, где меня ждет неумолимая стена вагончика.

Дальше я путешествую в розовом тумане.

...Туман наползает на меня, я тону в нем, тону в этих липких густых хлопьях, так и не достигнув дна. Путь мой долог.

Но вот впереди забрезжил свет. Или призрак света. Желтый кружок с рваными краями. Я не чувствую собственного веса. Поднимаюсь и начинаю путь к свету. Мне некуда спешить.

Желтый кружок нестерпимо режет глаза. Я отворачиваюсь, и снова подступает темнота. А сквозь темноту проступает воспоминание. Я ощущаю воспоминание как реальность, ощущаю каждым мускулом, каждым нервом. Тело мое снова приобретает вес, и вот уже вокруг растаяла неопределенность, а я сижу в салоне взятого напрокат «фордика» с забрызганными номерами. Сажу в кресле рядом с водителем и курю сигарету за сигаретой. В машине я не один, моя спутница, прекрасная и гордая, ведет машину. Она чуть наклонилась вперед, и я вижу только ее профиль, в котором слились воедино черты испанских и африканских предков.

За окнами чужой город, где кастильские балконы перемешаны со слепым железобетоном, где бармены вежливы и сердечны, а проституткам нет и тринадцати, где бассейны с лазоревой водой, и так сладостно отдыхать в тени после обеда. Правда, в подвалах некоторых учреждений ломают кости и подключают электроды к половым органам. Есть и такие развлечения. Но это для избранных... Мне, судя по всему, будет уготовано не место зрителя, а участника представления. Я в этом го-

роде чужой. У меня чужое имя и чужая биография. И только моя спутница знает, кто я на самом деле. Скорее, не знает, догадывается.

Она сбросила туфельки на пол, чтобы удобнее было выжимать сцепление и газ, и теперь они лежат на полу маленькими серебряными скелетиками. Я курю сигарету за сигаретой, а она, ни к кому лично не обращаясь, говорит:

— Скоро можно будет выпрыгнуть. Я приторможу за поворотом.

Я понимаю, почему она это говорит. Достаточно оглянуться на голубой «шевроле», который идет следом. В нем крутые ребята, они не будут церемониться, тем более мы морочим им голову уже довольно долго. Кажется, они вычислили нас еще в гостинице, где мы строили из себя двух молодоженов. Кстати, так ли уж это было далеко от истины?

— Я приторможу, — говорит она, — возле бульвара. Там кусты. Если сразу не встанешь, можно отползти в кусты. Они не заметят.

— Подождем, — наконец говорю я.

— Нельзя, — она оборачивается, и я вижу ее блестящие глаза. — Мы сейчас попадем на скоростную трассу. Там нам от них не уйти. Наш «форд-фолькон», — она прищуривается, — тропический вариант. Нельзя, чтобы нас остановили, когда у тебя этот пакет. Тогда конец. И тебе, и моим товарищам.

Понимаю — она права. Я всего-навсего почтовый ящик. А почтовый ящик должен заботиться о своих адресатах. Тем более когда это нечто большее, чем просто работа.

— Сейчас приторможу, — говорит она, — приготовься...

Я откатился в кусты и потом, хромая, дошел куда следует. А на следующий день прочел в газете, что тот самый «фордик» с забрызганными номерами, тропиче-

ский вари
склона. О
зался в д
Чтобы

пришлось

— Я п

тить ей, ч

поворота.

Но она

— Я п

И я п

быть рядо

щится о с

Это бе

Такие дел

Я вно

последню

искрилас

лоса. Где

Голос

вот уже

равнина.

фия в про

толок. О

Я поч

ускольза

Я леж

нутых сз

Где-то

тени.

— На

тень. До

— На

Во всяко

5 А. Кос

ский вариант, сбил ограждение на повороте и упал со склона. Он переворачивался и падал вниз, пока не врезался в дерево.

Чтобы извлечь из обломков тело водителя, машину пришлось разрезать автогеном...

— Я приторможу, — говорит она, а я пытаюсь ответить ей, что хочу остаться, остаться до того, последнего поворота...

Но она настойчиво повторяет:

— Я приторможу. Приготовься.

И я прыгаю в придорожные кусты. И продолжаю быть рядом с ней, до тех пор, пока машина не расплющится о ствол дерева...

Это бесконечно остается со мной. Вот уже три года. Такие дела...

Я вновь поворачиваюсь к свету, чтобы преодолеть последнюю черту. Уже протянул вперед руку, и она заискрилась в нестерпимом желтом свете. И услышал голоса. Где-то позади.

Голоса назойливые. Я невольно останавливаюсь, и вот уже подо мной не пустая бездна. А безликая серая равнина. Очертания равнины проступают, как фотография в проявителе. И очень скоро я понимаю, что это потолок. Обыкновенный облупившийся потолок.

Я почему-то улыбаюсь. Последний поворот опять ускользает вдали.

Я лежу на спине, точнее на собственных руках, стянутых сзади веревками.

Где-то рядом, вне моего поля зрения, проплывают тени.

— Надо поднять его на ноги, — произносит одна тень. Довольно хрипло произносит.

— На ноги не удастся, Гвоздь, — отвечает вторая. — Во всяком случае, до утра.

— Тогда хотя бы на четвереньки. Хочу с ним поболтать о разных пустяках.

— Попробуй вот это. Со шприцем, я думаю, справишься?

— Откуда торпеды? Что в них?

— Барин передал, верное средство, сказал. Минздрав рекомендует.

— Вот оно что. Ладно, попробуем.

Я чувствую, распутывают веревки, перевернув меня лицом к стене, закатывают рукав, потом боль укола.

Через некоторое время мир теней приобретает реальность. Надо мной склонились двое. Один из них определенно знаком по кафе «Юбилейное». Тот самый, которого называют Гвоздь. Второй, неведомый, круглолицый, с пергидрольными волосами. Мы находимся, по всей видимости, в пустующем доме, из которого давно выехали жильцы. Пол кое-где провалился, а темные прямоугольники на выгоревших обоях напоминали о бывшей мебели. Присутствующие мало похожи на врачей. Более того, с моего лежащего ракурса смотреть на них было довольно уныло, особенно на их ботинки в метре от моей головы.

— Ну вот, вынырнул, — сказал пергидрольный, потом обратился ко мне. — Хватит валяться, а то разжиришься.

Я попытался подняться сначала на локте, потом, опираясь на стену, встал на ноги. На удивление, мне это удалось с первого раза.

— Ну что, поболтаем? — спросил Гвоздь.

Я равнодушно кивнул. Стал растирать затекшие запястья. Гвоздь настороженно следил за моими руками. Потом я полез в карман за сигаретами. В самый последний момент вспомнил, что вместо сигарет в кармане раньше был диктофон, а сигареты, увы, остались в гостинице, на подоконнике.

— Какие проблемы? — спросил Гвоздь.

— Если
— Конеч
живайся,
Я отриц

курил. Вды
лова, иска
орать исто
дежде, что

В прини
сти жизни.

паники. Ту

не бояться

знает, что

гаю повери

— Нам

на пол. — С

катиться н

я говорю?

Я не от

— В го

Отрица

— В м

Тот же

— У к

— Не

— Что

реница —

Да и с тоб

дем тебя

Тут он

оказался

летел к ст

судороги,

смог норм

— Лад

них протя

— Если не трудно, дай сигарету.

— Конечно, как я сам не догадался. Да ты присаживайся, — он сделал широкий жест, — садись на пол.

Я отрицательно покачал головой, взял сигарету, прикурил. Вдыхая отраву, чувствовал, как проясняется голова, искал выход. Выход, по-моему, был один — заржать истошным голосом, как в кошмарном сне, в надежде, что проснешься.

В принципе с возрастом привыкаешь к быстротечности жизни. И начинаешь воспринимать перспективу без паники. Тут дело привычки. Но одно дело — абстрактно не бояться смерти, другое — стоять на ее пороге. Кто знает, что это такое, — тот поймет. Остальным предлагаю поверить на слово.

— Нам от тебя требуется ерунда, — Гвоздь сплюнул на пол. — Скажи, где пудреницу ту хранишь, и можешь катиться на все четыре стороны. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я не ответил.

— В гостинице?

Отрицательно качаю головой.

— В машине?

Тот же жест.

— У кореша твоего? У бабы? Где, отвечай?

— Не дави на нервы. Вам до нее не добраться.

— Что? А... Да черт с тобой. В принципе что эта пудреница — золотая? Что она доказывает? Без тебя-то? Да и с тобой тоже... Только на упрямых воду возят. Будем тебя перевоспитывать.

Тут он ткнул меня кулаком в живот. Кулак у него оказался на редкость тяжелый, словно чугунный. Я отлетел к стене и закашлялся. Но не упал. Живот свели судороги, и прошло не меньше минуты, прежде чем я смог нормально дышать.

— Ладно, — Гвоздь прикурил две сигареты и одну из них протянул мне, — ты ведь, парень, на зарплату жи-

вешь? Думаю, пара сотен тебе не помешает? Плачу наличными.

— Это что же, — я усмехнулся, — столько стоит пудреница?

— Догадливый ты, парень. Ну что, по рукам?

Я кивнул.

— Ну как? — он внимательно посмотрел на меня. Я неопределенно поморщился и промолчал.

— Хочешь сказать — деньги вперед? — Гвоздь достал из заднего кармана джинсов бумажник и отсчитал восемь двадцатипятирублевых, протянул их мне. — Теперь о'кей?

— Мои документы и все, что было в карманах!

— А, это... Они здесь, со мной. Говори, где — и сразу получишь.

— Поедем покажу.

— Ты посиди здесь, с твоим здоровьем свежий воздух противопоказан. Мы сами все сделаем.

— Нет, только вместе.

— Ты опять за старое?

— Не прикончи его, Гвоздь, — бросает пергидрольный, — Рано еще.

— Ничего. Я ему одну штуку покажу.

Он рывком приближается ко мне и изо всех сил снова бьет в солнечное сплетение. Второй раз, третий. Я не успел сгруппироваться и плашмя упал на пол. Перед глазами взрываются ослепительные круги. Дальше я не чувствую боли. И снова розовый туман.

Он рассеялся после нового укола.

— Мы так его избалуем, Гвоздь, — говорит пергидрольный, — и прогорим на лекарствах. Лекарства-то дефицитные, — он хмыкнул. — Следующий раз полегче.

— Дурак ты, парень, — Гвоздь склоняется надо мной, — впутался в историю. Чем ты Барину насолил — ума не приложу. Впрочем, это его дело. Нам, за наше,

заплатили.
Тут кто све
— Хват
ный, — тем
— Если

в пекло, а
пенсии. А т

— Тогда
судьбу вы,

— Ты п
умереть в
того, что у

так мало з
— Тепе

и посмотре
На город у

дом угады
соседнего

в юности
строчки н

Солнце ух
становило

скими ули
И вот уже

на коленях
предчувст

самые с
жизни.

— Хо
деталь.

— А
— Д
раешься

— Д
Гвоздь.
— Бе

заплатили. Я зла на тебя не держу. И ты — не надо. Тут кто сверху — тому и везет, понял?

— Хватит языком молоть, — перебивает пергидрольный, — темнеет уже.

— Если бы ты, — Гвоздь распрямляется, — не полез в пекло, а смотался утром из города — дожил бы до пенсии. А теперь...

— Тогда к чему вся комедия? — спросил я. — Мою судьбу вы, кажется, определили?

— Ты прав, парень. Только подумай — ты можешь умереть в мучениях. Мы не показали и десятой части того, что умеем. Или легко и быстро. Ведь это тоже не так мало значит.

— Теперь деловой разговор, — кивнул я. Замолчал и посмотрел в окно, ошетилившееся разбитым стеклом. На город уже спускались сумерки, и в их пелене с трудом угадывались очертания полуразобранной крыши соседнего дома. Я почему-то вспомнил, как просиживал в юности часами на балконе с книгой до тех пор, пока строчки не начали теряться в подкравшемся вечере. Солнце уже пряталось за дальними кварталами, небо становилось бесцветным и бездонным, а над московскими улицами кружились и перекликались стрижи. И вот уже в окнах загорался свет, а я все сидел с книгой на коленях, и на душе было щемяще-восторженно от предчувствия неведомых удач. Наверное, это были самые счастливые и безмятежные мгновения в жизни.

— Хорошо, — сказал я, — остается уточнить одну деталь.

— А именно?

— Дневник Бессонова. Как ты за него со мной собираешься расплатиться?

— Дневник? Какой? Откуда? — насторожился Гвоздь.

— Бессонов в последнее время вел кое-какие запи-

си. Кстати, и Барин там упоминается. И поверь — в случае чего он попадет в надежные руки.

— Блейфует? — Гвоздь обернулся к пергидрольному.

Тот пожал плечами.

— А если нет? — спросил я. — Вам ведь несладко тогда придется. Но за дневник цена особая. За дневник вы проводите меня до шоссе, протрете тряпочкой ветровое стекло и потом долго будете махать вслед платочком.

— Может, еще букет фиалок презентовать? — поинтересовался пергидрольный.

— Увы, фиалки отцвели.

— Пожалуй, тебе стоит снова врезать, — подумав, сказал Гвоздь. — Но уж больно ты уверен. Насчет дневника надо посоветоваться.

— С кем? — спросил я.

— Заткнись, — отрезал Гвоздь. Потом обратился к пергидрольному: — Надо связаться с Бариним. Если дров наломаем — у него разговор короткий.

И Гвоздь почесал за ухом.

— Тогда я схожу позвоню, — предложил пергидрольный.

— Хорошо, — кивнул Гвоздь. — Только давай снова спутаем его веревкой. Жизни в нем еще лет на сорок.

Веревка была бельевая и стягивала руки невыносимо. А мне в ближайшее время это было вовсе ни к чему.

Я снова посмотрел на ошестинившееся окно. Оно меня словно заклинало. Я понял, что мне просто необходимо добраться до этого окна.

Никогда не подумал бы, что буду так неистово цепляться за жизнь.

Я встал, скользя спиной по выцветшим обоям. То ли уколы, то ли небольшая передышка, но сил во мне было предостаточно. Лет на сорок, как подметил собеседник. Славный малый!

Я отор
весие, сде
Гвоздь

пер, что в
титься с п
скать не с

Гвоздь

— Ну

он. — В пе
гда его бы

Я сдел

сто собира
во разма

И тут все

Я откл

знул по р
было тако

И эфф

Он сна

закрыв ла
окну и об

зал и вер

Гвоздь

него была
решитель

вался с це

провел пр

в глазах

герои, ког

ном они

Гвоздь

удары и в

просто св

Сам о

на лице,

Я оторвался от стены и, стараясь, сохранить равновесие, сделал шаг вперед.

Гвоздь с интересом наблюдал за мной. Он еще не допер, что впервые за сегодняшний день мне выпало встретиться с противником один на один. И я свой шанс упустить не собирался.

Гвоздь просто искрился от сдерживаемого смеха.

— Ну и нравишься же ты мне, — наконец сказал он. — В первый раз вижу парня, который так любит, когда его бьют. А я не могу не сделать человеку приятное.

Я сделал еще шаг, и он поднялся. На этот раз он просто собирался отшвырнуть меня ударом на место. Лениво размахнулся, снова выбирая солнечное сплетение. И тут все решила доля секунды.

Я отклонился в сторону, так, что кулак только скользнул по ребрам, и резко боднул его в лицо. Ощущение было такое, словно я раздавил лбом помидор.

И эффект похожий.

Он сначала дернулся назад, потом упал на колени, закрыв ладонями залитую кровью рожу. Я подбежал к окну и об острые осколки вместе с кожей на руках порезал и веревки. Потом обернулся.

Гвоздь уже встал на ноги и наступал. Вся рубашка у него была залита кровью, но кулаки сжимал достаточно решительно. Только позже он понял, что я теперь сорвался с цепи. Позже, когда, уклонившись от его правой, провел прямой в челюсть. Он ушел в глухую защиту. В глазах его отразился страх, потом ужас. Эти ребята герои, когда нападают стаяй или неожиданно. В остальном они начинают метаться, словно крысы.

Гвоздь метался по комнате минуты три, пропуская удары и в голову, и по корпусу. А потом, зажатый в угол, просто свалился. Ясное дело, надолго.

Сам отделался лишь несколькими новыми ссадинами на лице, но на общем фоне они просто затерялись.

Я вышел в коридор поискать воды. Как раз у двери образовалась большая лужа — потолок протекал, а последние дни погода была мочливая.

Ополоснул в луже лицо — от холодной воды боль ушибов немного утихла. Из-за темноты двигаться приходилось на ощупь. В комнате намного светлее — в разбитое окно заглядывала луна.

Разорвав рубашку, перевязал порезы на руках. Гвоздь понемногу стал приходить в себя.

Что-то бормотал, вздрагивая всем телом. Я похлопал его по щекам, и он открыл глаза. Попытался встать, но, уткнувшись скулой в мой кулак, остался на месте.

— Что вы мне кололи? — спросил я.

Он попытался промолчать, потом посмотрел мне в глаза, отвел взгляд и замотал головой.

— Не знаю. Барин передал.

— Кому твой приятель звонить побежал?

— Профессору. Ты его знаешь — лысый, что голова, что...

— Зачем? Что он вам поручал?

— Сказал — взять пудреницу и женский носовой платочек какой-то. Потом насчет платочка отменил — только пудреницу.

— Кто такой — этот Профессор?

— Из бывалых.

— Что его с Бариним связывает?

— А ничего. Мы поначалу частников потрошили — багажники ломали почем зря. Потом эти частники к нам же в мастерскую — за ремонтом. Прибыльно, да рискованно. Не скажу, через кого Барин на нас вышел, — не знаю. Он с Профессором связь держит. В крайних случаях к нам обращается. Зато капусту не жалеет.

— Ты сам Барина видел?

— Нет, он всегда шестерку присылает. К Профессору, кстати, тоже. Не доверяет. Хитрый, сволочь. Если

мы засыпл
— Отк
— Не
— Не
— Гов
— Отк
— От

устроить.
ма. Мол, а
ре, я ему
— А
— Кто
— Ее
— Не

Он по
затумани
тельный.

Я дост
подумав,
страсти,
грабеж.

То-то
Надо
шиться.
перебоям

Внизу
Потом
Я еще ст
только в
отступит

Луна
нате бы
Одна
лысогол
тался не
ткнулся

мы засыплемсмя, он пацана уберет — и как отрежет.

— Откуда ты знаешь Бессонова?

— Не знаю я его.

— Не вилай. Прибью.

— Говорю, не знаю. Только фамилию.

— Откуда?

— От Барина приказали — из Питера телеграмму устроить. Адрес дали и текст. Вроде бабе его телеграмма. Мол, а ты не плачь и не горюй. У меня кореш в Питере, я ему по телефону продиктовал.

— А Громову? Веру Громову знаешь?

— Кто ж ее не знает? Давно по рукам ходит.

— Ее убили. В курсе?

— Нет... Лишнего не возьму.

Он попытался еще что-то сказать, но глаза у него затуманились, и он обмяк. Все-таки нокаут был основательный.

Я достал у него из кармана свои документы. Потом, подумав, забрал сигареты и спички. Так, ради пагубной страсти, пошел на воровство. Даже не на воровство — грабеж.

То-то и оно.

Надо было уходить, только я все никак не мог решиться. Наверное, от побоев и уколов голова варила с перебоями. Ноги словно приросли к полу.

Внизу слышались голоса.

Потом два человека стали подниматься по лестнице. Я еще стоял неподвижно, пока они шли по коридору, и только в последний момент вышел из оцепенения и успел отступить в темный угол.

Луна уже вырвалась из оконного проема, и в комнате было совсем темно.

Однако я нутром понял, что первым в комнату вошел лысоголовый. Вторым был пергидрольный. Он затоптался нерешительно в дверном проеме. Лысоголовый наткнулся на лежащего, выругался, достал из кармана

фонарик. И только когда желтый лучик прорезал темноту, он вдруг почувствовал опасность и обернулся.

Он находился в метре от меня, и я с трудом смог его достать. Хотя, как мне показалось, кулак только скользнул по лысому черепу, он грузно осел на пол, и фонарик покатился по полу, погас. Пергидрольный метнулся вон, а я подбежал к окну и прыгнул вниз, в кусты сирени, умудрившись при этом только порвать одежду. Благо был второй этаж.

Через некоторое время сзади послышался звук, словно сломали сухую палку, и на плечо упала срезанная пулей ветка.

Я оглянулся и увидел, как лысоголовый, высунувшись из окна, из пистолета целится куда-то в ночь. Но больше он не стрелял...

5. ВТОРНИК

— Не дергайтесь, — говорит мне Сухоручко, обрабатывая ссадины на лице. — Это совсем не больно.

— Откуда вам знать? — я морщусь. — Вы такого не испытали.

— Верно, я ведь не ввязываюсь в дурные истории.

— Просто у вас для этого недостает решительности. Сухоручко улыбается в ответ и бросает тампон в пельницу.

— Все-таки лучше было бы показаться врачу, — говорит он. — Как у вас голова, не кружится?

— Пустяки. Отделался легким испугом. А здесь что, — я подмигиваю, — конспиративная квартира?

— Нет, просто товарищ в отпуске и оставил мне ключи. Цветы, значит, чтобы поливал. После того как вы мне позвонили, я решил — лучше пока не показывать вас в городе. Сначала надо решить, что мы можем выжать из этой ситуации.

— А в
мать?

Он кач

— Ест

— Хоч

— Тог

Он отк

достает от

кетчупа. С

трясешь, т

релка.

Оперу

ми шкафо

— Я н

Именно о

вертый ча

— Со

ка — в эт

И Эдгара

не дозвон

побеспоко

сторге, ко

— Он

сыщика.

Он ста

говорит:

— На

— По

арестова

— За

ко учтит

своего п

Думаю,

казывай

— А вы уверены, что я захочу что-нибудь выжимать?

Он качает головой, потом спрашивает:

— Есть хотите?

— Хочу.

— Тогда пойдем на кухню. Разносолов не обещаю.

Он открывает холодильник и, брезгливо морщась, достает оттуда кусок заплесневелого сыра и бутылку кетчупа. Сухоручко и сам мне напоминает этот кетчуп — трясешь, трясешь — ничего, а потом бац — и полная тарелка.

Оперуполномоченный тем временем хлопает дверцами шкафов. Наконец трагически изрекает:

— Я нашел только макароны. Вы любите макароны? Именно они будут у нас на ужин. Или на завтрак? Четвертый час, как-никак.

— Сожалею, что побеспокоил. Но странная штука — в этом городе я знаю только ваш номер телефона. И Эдгара. На работе его уже не было, а в общежитие не дозвонишься — постоянно занято. Так что пришлось побеспокоить вас. Наверное, ваша жена была не в восторге, когда я позвонил?

— Она привыкла. Привыкла к мысли, что она жена сыщика. Я это имею в виду.

Он ставит воду на плиту и садится напротив. Потом говорит:

— Наломали вы дров.

— По-моему, этих типов вы можете элементарно арестовать...

— За хулиганство? Больше ведь не за что. Но только учтите — до суда ваши ушибы заживут. А отделали своего противника вы, судя по рассказу, основательно. Думаю, сломанные ребра — это минимальное. Вот и доказывайте — самооборона это была или превышение...

— Если честно, я на них заявлять не собирался. Но неужели во всем остальном они чисты и невинны?

— Вы не представляете, как трудно подобные элементы взять с поличным. Ведь наркомания имеет две стороны. Одна — это ядро. Наркоманы и их снабженцы. Причем пока мы считали, что у нас наркомании не существует, они успели неплохо организовать. Парадоксальная ситуация: преступники — производители и распространители наркотиков и их жертвы-потребители — все смертельно заинтересованы в том, чтобы наркобизнес функционировал. И если даже нам удастся выключить из этой системы одно звено, оно все равно сразу же восстановится. Почему? Это и есть другая сторона. Что заставляет одних добровольно губить себя, а других, за определенную мзду, уничтожать своих соплеменников? И учтите, система наркомании функционирует и расширяется прежде всего за счет молодежи...

«Им нужны наши дети. Наши общие дети», — вспомнил я слова из недавнего сна.

— Вы ждете от меня ответов на эти вопросы?

— Просто все сложнее, — он пожал плечами. — Молодым везде у нас дорога. А этот молодой видит, что продавец, который ворует, живет намного лучше честного. Подхалим — лучше правдоискателя. Проститутка — лучше честной труженицы. Значит, общество благосклонно только к тем, кто живет по волчьим законам. Если не можешь — бейся лбом о стену. Не у всех лбы прочные. Несколько лет назад я вел одно дело. Женщине-врачу было предъявлено обвинение по признакам статей 224¹ часть 3 и 224 часть 2. Она занималась хищением и продажей наркотиков. И когда описывали ее имущество, вот что оказалось: за двадцать лет честной работы она нажила добра на тысячу четыреста рублей. Столько же составил ее гонорар за одно хищение. Я ее не оправдываю, приговор был справедливый. Но неужели, кроме нее, никто не виноват? Однако я отвлекся. Давайте работать над нашей ситуацией.

— Давайте.

— Значит, все по порядку. Как я понимаю, все началось с того, что вы поселились в доме Бессонова?

— Немного раньше. С самого Бессонова. Как я понял с их слов, его убили.

— Если убийство, тут дело серьезное, — Сухоручко задумался. — Но это только версия. А пока что у нас несчастный случай с гражданкой Громовой и полный туман во всем остальном. Как бы окончательно не потеряться в этом тумане.

— Что же вы предлагаете?

— Кроме лиц, фигурирующих в вашем рассказе, по сути, исполнителей, есть еще некто Барин. Он, ориентировочно, организатор и руководитель преступной группы. Что известно о нем? Имеет доступ к наркотикам — сам или через третьих лиц. Знает вас в лицо, осведомлен как о вас самом, так и о предпринятых вами действиях.

— Я не играл в прятки, в принципе за мной несложно было проследить. Кстати, молодой человек в светлом плаще и...

— От которого вы убежали у дома Громовой? Это наш сотрудник. Стажер.

— Ну а Георгий Васнецов? Тот самый футболист, через которого я попал в эту мастерскую? Помните, рассказывал?

— Мы проверили. Прекрасное алиби. Все время на людях — тренировки, сборы. Правда, в субботу он был вечером в кафе «Юбилейное»...

— Вот-вот, видите.

— Вместе с товарищами по команде. Отмечали победу. Из кафе он не отлучался ни на минуту, ни с кем посторонним не общался — разве только танцевал с девушками. Все вместе в 22.30 вернулись на спортивную базу в тридцати километрах от города, где и находятся безвыездно по сегодняшний день. Так что знать, в каком номере вы остановились, с кем встречаетесь, чем занимаетесь, а тем более руководить своими «компаньона-

ми» он не может. Единственный телефон в кабинете директора базы, разговор надо предварительно заказывать, да и поговорить без свидетелей практически невозможно. Нет, наверняка тот, по кличке Барин, находится здесь, в городе. И судя по его осведомленности относительно вас — человек ближайшего вашего окружения. Даже очень ближайшего. Я бы сказал — самого что ни на есть.

Сухоручко, засыпая в кипящую воду макароны, повернулся ко мне.

— Эдгар? Перестаньте, — сказал я.

— Вот видите, и вам пришла в голову эта мысль...

— Вы ошибаетесь, ничего подобного мне в голову...

— Если беспристрастно...

— Я ему полностью доверяю.

— Вот это я и предлагаю вам сделать.

— То есть?

— Прийти и рассказать ему все, как было. В том числе и про диктофон в разбитом «Запорожце». Об этом, видимо, пока никто, кроме нас двоих, не знает. Ведь даже вы мне не описали в точности место.

— И что дальше?

— Мы поставим наших людей понаблюдать за гаражом. Не того молокососа. Я сам. Увидим, что произойдет дальше.

— Да что я вам, в конце концов, Павлик Морозов?...

— Но и он не жена Цезаря. А потом, раз вы ему доверяете, бояться нечего. В случае чего, как товарищ, он поймет, что я не оставил вам другого выхода и вы действовали для его же пользы. Вы согласны? Вот и чудесно.

Он слил воду из макарон, промыл их под краном.

— Вы пока подкрепляйтесь, а я позвоню по телефону.

Я кивнул.

Сухоручко
К еде т
ку сигаре

Я позв
спустился
даже вол
ченными.

После
себе.

— Ск

— Ру

— И

— Та

В ком

площади

трудно по

Даже ко

работать

раз в той

ружил, ч

могает о

отсутстви

же бана

общезит

стали в

вильно.

Я вст

ге, куда

тиру. Я

бельным

столик,

ему, бы

имеет в

Сухоручко вышел и плотно закрыл за собой дверь. К еде так и не притронулся. Только распечатал пачку сигарет, принадлежавшую хозяину дома.

Я позвонил Эдгару из автомата у общежития. Он спустился сразу же, взбудораженный и растрепанный, даже волосы, стриженные ежиком, казались взлохмаченными.

После недолгих переговоров с дежурной, повел к себе.

— Сколько ты ей заплатил? — спросил я.

— Рубль.

— Ишь ты. С меня в гостинице берут дороже.

— Там у вас сервис, а здесь все по-домашнему.

В комнате у Эдгара был идеальный порядок. На площади в восемь квадратных метров его не так уж трудно поддерживать, но он всегда был аккуратистом. Даже когда жил с семьей. Я удивлялся — как можно работать, отдыхать, жить, совершенно не мусоря? Один раз в той его жизни случилась накладка, когда он обнаружил, что поддерживать порядок в доме его жене помогает один общий знакомый. И, что самое главное, в отсутствие хозяина дома. Банальная ситуация и столь же банальное ее завершение. Теперь у него комната в общежитии и ее поздравления к праздникам. Они не стали выяснять, кто во всем виноват. Наверное, правильно.

Я встретил его бывшую жену недели три назад в Риге, куда она вернулась после развода, поменяв квартиру. Я увидел ее в ресторане, где она была с респектабельным кавалером. Меня она пригласила сесть за их столик, а потом блистала весь вечер. Ее спутник, помо- ему, был от нее без ума. Как когда-то многие. Жизнь имеет удивительное свойство продолжаться. Это я определенно понял в тот вечер.

Потому теперь я абсолютно спокоен за Эдгара. Он всегда оказывается прав.

— Что случилось? — Эд взял меня за плечи и повернул к свету. — Что с твоим лицом?

— Догадайся сам. Даю две попытки.

— Когда перестанешь валять дурака?

— Ты не ласков. Разве врачей не учат быть ласковыми?

— Тебя хоть продезинфицировали?

Я махнул рукой.

— Подожди, — засуетился он, — где-то у меня йод...

— Протестую. Я не против экстравагантной внешности, но это слишком. Да ты успокойся, не мельтеши — сядь и послушай. Мне надо кое-что рассказать...

И я рассказал все, умолчав только о встрече с Сухоручко, как и было намечено. Чувствовал себя подлецом.

Когда я закончил, мы некоторое время молчали, лишь Эдгар постукивал спичечным коробком по столу. Потом сказал:

— Значит, твой диктофон сможет помочь дознанию?

Мне не понравилось, что Эдгар так быстро ухватил главное.

— Вряд ли диктофонная запись может служить вещдоком на суде, — попытался увильнуть я.

— Кто говорит про суд? А вот дознанию, я думаю, поможет, — он стоял на своем.

— Да, наверное...

— Надо забрать диктофон оттуда.

Я нехотя кивнул.

— Знаешь что, скоро начнет светать. Тебе вряд ли стоит пока выходить на улицу. Я сам съезжу, заберу.

Смотрю на Эдгара, в его честные, светлые, как у волка, глаза. Мне вовсе не хочется, чтобы подозрения Сухоручко подтвердились. Я бы себе руку дал отрубить, так не хочется.

— Не стоит,— говорю я,— эти типы могут там караулить.

— Брось,— он улыбается,— после твоих тумачков и твоего побега они наверняка забились в норы. Стоит тебе заявить в милицию, их искать прежде всего начнут в гараже. Кстати, а как ты туда попал? Ах да, авария. Следующий раз будь осторожнее не дороге.

И все-таки я решил не удерживать его. Дал ключи от машины. Не пешком же ему. В такой ситуации подлее всего — не доверять. Но даже если следователь окажется прав — от меня он об этом не узнает. Скажу просто, впопыхах забыл включить запись.

— Там есть красная кнопка,— сказал я.— Нажмешь — на стирание. А рычажок — перемотка.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — он пожал плечами.— Я принесу, сам и разбирайся.

Он ушел, а я все никак не мог найти себе места. Ко всему, от резких движений начинала кружиться голова, и рот словно набит наждачной бумагой. Ломило суставы.

Поминутно смотрел на часы и проклинал все на свете, оттого что время тянулось так медленно. Потом смутные образы закопошились в углах комнаты, мохнатые и красноглазые, они мельтешили под ногами, по спине взбирались на плечи, чтобы впиться остренькими зубами в мозг. Образы были многоликие, они шептали разные скабрёзности, и от них некуда было деться.

Я спал и во сне чувствовал, как зарождается рассвет.

Я услышал шаги Эдгара, еще когда он шел по коридору. Он ступал жестко, словно впечатывал каблуки в линолеум.

Я открыл глаза и, не мигая, смотрел на дверь.

Он вошел, пахнувший дождем и улицей. Подмигнул, достал из кармана диктофон.

— Весь плащ извозил, насилиу нашел. Там, возле фургончика, несколько разбитых «Запорожцев».

Включил запись:

«Этот, как его, Барин? — мой голос. — Или парнишка его?

«И про это пронюхал? Не длинный ли у тебя нос...» — отвечают...

Эдгар кладет диктофон на стол.

— Все в порядке?

Я кивнул.

— Кстати, за мной следили, — он ухмыльнулся. — Хотя, может, показалось. Серые «Жигули».

— Нет, не показалось. Это Сухоручко.

— Зачем? — спросил Эд недоуменно.

— Видишь ли, по его версии — ты единственный в этом городе, кто с самого начала знал о каждом моем шаге. И потому мог меня использовать в этой истории. Плащ Бессонова должны были подбросить при свидетеле — ради одной жены не стоило устраивать спектакль. Только ты знал, что я буду там всю ночь... А я был зритель беспристрастный, свидетель идеальный, если бы вместо бессоновского не взяли мой плащ. В общем, тебя решили проверить на диктофоне. Если бы был замешан, то постарался не «найти» его, верно?

— Не слишком же ты высокого мнения обо мне! — сказал Эдгар раздраженно.

— Понимаешь, старик, в этой истории слишком часто всплывает неизвестный, который очень много обо мне знает. Первая ночь — ладно. За домом могли следить и знать, что появится свидетель. Но дальше... Он мне пытался помешать — я видел его со спины — познакомиться в кафе с Громовой. Кто кроме тебя знал, что я туда пойду? Из номера в гостинице выкрали ампулы — кто знал, в каком я номере остановился? Ты же

меня туда
подтвержд
роде с са
да и зачем
торую я
играю.

— И т
нели. — Ну

— Пол
спускаю.

— Нич
свои обид

Я вста

— Эй,
следовате

Я беру
плечо.

— Ла

— Пу

Он не
кулак ем

От не
загорают
и в комн
меня, но
зал, что
человеко
ленно.

Посто
ухмыляе

— В
ляешь?

кулакам
запутан

меня туда устраивал. Есть еще масса других фактов, подтверждающих общую идею — меня пасли в этом городе с самого начала, прекрасно знали, кто я, откуда и зачем приехал, и заранее подготовили роль, которую я с некоторыми отступлениями от текста и играю.

— И ты подумал на меня? — глаза Эдгара потемнели. — Ну и дрянь же ты.

— Полегче, — говорю, — я таких эпитетов никому не спускаю.

— Ничего, стерпишь, — говорит он. — У меня тоже свои обиды...

Я встаю и направляюсь к двери.

— Эй, ты куда? — окликает он. — Докладываться следователю?

Я берусь за ручку двери, он догоняет и хватает за плечо.

— Ладно, — говорит он, — погорячились...

— Пусти.

Он не отпускает, и тогда я оборачиваюсь и всаживаю кулак ему в грудь.

От неожиданности он отступает на шаг, в глазах его загораются нехорошие огоньки. Мы стоим неподвижно, и в комнате кажется совсем темно. Эд немного ниже меня, но более тренирован. Если бы раньше мне кто сказал, что мы будем вот так стоять, я бы перестал с этим человеком здороваться. Минута тянется очень медленно.

Постепенно глаза Эдгара светлеют, и он вдруг ухмыляется:

— Вот была бы удача для следователя. Представляешь? Преступник обнаруживает себя и кидается с кулаками на главного свидетеля. Трагическая развязка запутанного дела... Только поверь, я тут ни при чем.

— Я верю. С самого начала верил. Потому и пошел на все это.

— Ну и хитрый же ты парень.

— Завари-ка лучше кофе...

Пока Эдгар возился с кофеваркой, я сидел на краешке кровати и старался держаться молодцом. Но мир потерял стабильность. Мои глаза стали словно отдельно от меня. Они плавали в бредовой мути, где-то по другую сторону реальности. Там было все ровное-ровное, вроде как тундра. И ржавый мох, покуда хватит глаз. Десять солнц на закате. А воздух синий, густой и терпкий. Черные бочаги среди мхов, словно небо в облаках, и из них торчит покосившаяся карусель. Она крутится и скрипит, крутится и скрипит, скрипит, скрипит...

— Ты скверно выглядишь, — Эдгар протянул мне чашку, но я знаком попросил поставить ее на стол. Не мог положитьсь на свои руки, а нам не хватало только битой посуды.

Он настороженно смотрит на меня, я говорю:

— Все в порядке, старик. Просто ночь была бурная.

— Это точно. Ну, давай разберемся с твоим неизвестным.

Я киваю.

— Первое столкновение, — Эдгар морщит лоб, — в кафе. Он тебя видел и узнал, ты его — нет.

— Там было много народу.

— Но он же тебя заметил?

Я кивнул.

— Значит, следили.

— Наверняка.

— Бессонов — Громова — ты. Одна цепочка. Только ты сам виноват — по доброй воле в это дело впутался. А они? Чем они мешали этому, как его, Барину?

— Наркотики. Бессонов, как мне удалось выяснить,

установил, что в его отделении похищаются наркотики, которые потом продаются местным наркоманам, в том числе и Громовой. Может, даже знал, кто именно ворует.

— Тогда с ним все ясно. А вот чем провинилась Громова? Почему после ухода Барина или его посланца...

— Скорее, посланца.

— Почему после этого она кончает с собой? Тут должны быть серьезные причины. Ну а если ей помогли, — Эдгар пожал плечами, — то та упаковка морфина, которая побывала в твоих руках, значит для Барина очень много. Два человека держали ее в руках — Бессонов, Громова. И оба... Нет, не два, три. Я про тебя забыл, — сказал Эдгар.

— Почему все-таки она погибла?

— Очень просто — знала Барина. И могла его выдать. Кто еще мог его знать? Только Бессонов?

— Вовик-вышибала не знал, — возразил я. — Мелкая сошка. Гвоздь, видимо, тоже. Может, лысоголовый? Вообще-то Барин общался со своими людьми через посредников — ребят семнадцати-восемнадцати лет.

— А может, — одного посредника? Ты же не сравнивал описания.

— Одного? Вряд ли. Тогда бы этот один знал столько же, сколько сам Барин. А это опасно. Вот когда много мелких поручений, а все нити у одного...

— Много исполнителей — тоже риск. Думаю, тут Барин что-то этакое придумал... Если бы за ним не тянулись трупы, я бы его уважать стал... Слушай... Только держись за кровать, чтобы не упасть. Ты ведь тоже знаешь Барина!

— Откуда? Кто он? — я нахмурился.

— Не пойму пока. Но он уверен, что ты его вычислил. Видимо, он чересчур хорошего мнения о твоих умственных способностях, — Эдгар улыбнулся. — Ну-ка, припомни. Случайную встречу, может... Слушай, тот

парень, что вышел от Громовой за несколько минут до ее гибели, сел в твою машину? Кто это сказал?

— Видел приятель соседки. Лопаткин его фамилия. Но там, в машине, должна была быть еще и женщина.

— Откуда ты взял?

— Сама соседка слышала женские шаги на лестнице. Женщина вышла из квартиры Громовой. Ее приятель видел, правда, только парня.

— Приятель стоял близко от машины?

— Судя по рассказу, да.

— Удивительно, верно? В «жигуленке» довольно трудно спрятаться.

— Но ведь еще пудреница. Понимаешь, она, я в этом уверен, именно она, забыла пудреницу в моей машине. На полочке, знаешь, под «бардачком».

— Эта полочка — гиблое место... Меня знакомые иногда на работу подвозят, так я на этой полочке постоянно сигареты забываю. И не я один. Тут у всех есть опыт... Только... — Эдгар присвистнул. — Только чтобы забыть пудреницу на этой полочке, она должна была сидеть на месте водителя...

— За руль сел парень.

— Или рядом с водителем. Но тогда приятель соседки ее наверняка бы заметил. Уж там-то точно спрятаться негде. И вообще, женщины обычно прячут косметичку в сумочку, как только ею попользуются. Но тогда почему пудреница оказалась на полочке в машине?

— Значит, женщина была без сумочки, — я рассмеялся. — А если вы встретите женщину без сумочки, можете быть уверены, что это переодетый мужчина, — повторил я уже однажды пришедшую мне в голову фразу, не понимая еще ее зловещего смысла...

— Надо искать паренька. Чувствую, с паренька все начинается, им и окончится, — говорит Эдгар как бы про себя.

Я откинулся назад, пока не уткнулся затылком в сте-

ну. Глаза
жать их
а голова

— В
Эдгар, —

— Э
взбодри

— Т
— Б

сер — т
Если м
нимать.

— Г
— А

Не з

захотел
го, но я
не вини
нувший
утка в

Неб
ники т

Эд
вышли
душ Ц
земно
ков, и

Дв
потом

—
Ск
шла М
Значи

ну. Глаза слипались, и мне стоило больших усилий держать их открытыми. Ломило суставы, бухало сердце, а голова была дурнее некуда.

— Все-таки ты скверно выглядишь,— снова сказал Эдгар,— надо показаться врачу, специалисту.

— Эти типы мне что-то кололи, чтобы я маленько взбодрился.

— Тем более.

— Больница отпадает. Наркологический диспансер — тоже. Слушай, а ведь Бессонова — нарколог. Если мне кололи наркотики, она должна в этом понимать...

— Поедем к ней?

— Ага...

Не знаю, что тут сыграло роль. Скорее, мне просто захотелось снова увидеть эту женщину. Не скажу отчего, но я испытывал перед ней некое чувство вины. Нет, не вины. Наверное, так ощущает себя спаниэль, вернувшийся к охотнику без утки в зубах. Хотя, в общем, утка в меню не предусматривалась с самого начала...

— Только машину поведу я,— сказал Эдгар.

Небеса разверзлись. Дождь лил как из ведра. Дворники только размазывали водяную муть по стеклу.

Эд припарковался за лимонным «Москвичом», и мы вышли. Дорожка от калитки до крыльца напоминала душ Шарко, потому что струи ливня, вопреки закону земного тяготения, хлестали не только сверху, но и с боков, и даже, кажется, снизу. Непередаваемое ощущение.

Дверь открыла Нина. Она ласково кивнула Эдгару, потом посмотрела на меня, и брови у нее поползли вверх.

— Кто это вас отделал? — спросила она.

Скрипнули половицы, и в коридор из гостиной вышла Марина. Я вспомнил, она часто бывает в этом доме. Значит, нам вновь суждено встретиться.

— Привет,— сказал ей Эдгар.— По-моему, вам пора бы уже быть в лаборатории, а? Рабочий день начался.

— Не стройте из себя деспота, Эдгар,— Нина улыбнулась.— Это я попросила Марину переночевать здесь. Последнее время боюсь оставаться в этом доме одна. Мы просто заболтались за завтраком... Но все же,— она обернулась ко мне,— что с вашим лицом?

— Я ухожу,— Марина взяла со столика под вешалкой сумочку,— не волнуйтесь.

— На улице ливень,— сказал я,— подождите немного, подбросим вас на машине.

— У меня есть зонтик,— она уже открыла дверь.— Зонтик защищает от разных напастей. Даже от ретивого начальника.

Повернулась и вышла, затворив дверь.

— Не очень получилось,— качаю головой.— В том смысле, что не очень здорово получилось.

— Так и будем стоять в коридоре? — раздраженно спросила Нина.

— Значит, вы не знаете, что вам кололи? — сказала Бессонова, когда я кончил рассказывать.— Без необходимых анализов я не могу вам помочь...

Голос у нее становится официальным, она входит в привычную профессиональную струю.

— Наверняка наркотики,— говорит Эдгар. Чем вы там лечите, когда травятся наркотиками?

— Помогает налорфин,— говорит она задумчиво,— когда морфинное отравление. Тут антидот — это налорфин, но если что-то другое...

— Значит, вы морфинистов налорфином лечите? — спросил я.

— Ни в коем случае.

— Почему?

— По-
нист мор-
лась,— ну
ет наркот
жается со

— А,
слышал с

— Та
говорят в
нии нарк

— Мо

— И

комана п
Она нара
правило,

низму пр
препарат

ция дости

ни органи

— Те

почему т
мовой пе
ство.

— Не

«скорая»

Знаешь

укол. Ис

хотели с

— Не

тельно б

— В

головой,

ски... А

фин — в

жевых

бется.

— Потому что налорфин — конкурентный антагонист морфина, — она взглянула на меня и улыбнулась, — ну, чтобы вы поняли: налорфин как бы замещает наркотик в организме. Когда у морфиниста снижается содержание морфина...

— А, абстиненция, похмельный синдром, это я слышал от Эда.

— Так вот, синдром абстиненции, или ломка, как говорят в той среде, — страшная штука. В этом состоянии наркоман способен на что угодно...

— Может даже пойти на самоубийство?

— И это тоже. Лишая, в лечебных целях, наркомана привычной дозы, мы вызываем абстиненцию. Она нарастает постепенно и достигает максимума, как правило, на пятый день. При этом мы помогаем организму привыкнуть к отсутствию наркотика другими препаратами. Если же ввести налорфин — абстиненция достигнет максимума в считанные минуты. С этим ни организм, ни психика не справятся.

— Теперь ты понял, Эд? — спросил я, — ты понял, почему твоя крыса подыхала не по правилам? Громовой перед смертью ввели налорфин. Это было убийство.

— Не думаю. Помнишь, соседка говорила тебе, что «скорая» подъехала к дому раньше, чем они ее вызвали. Знаешь почему? Ее вызвал тот, кто делал Громовой укол. Искусственно вызвав состояние абстиненции, ее хотели спровадить в лечебницу. Подальше от тебя.

— Нет, старик. Это было убийство. Громова смертельно боялась лечебницы. Панически. И они это знали.

— Вы говорите о той женщине... — Нина покачала головой, — с которой мой муж... Что ж, теоретически... А практически — ампулы очень отличаются. Морфин — в прозрачных, длинненьких, а налорфин в оранжевых и пузатых. Нет, опытный наркоман не ошибется.

— Скорее всего она не видела, чем наполняют шприц.

— Но и достать налорфин крайне сложно. Раньше его закупали на валюту, а последнее время, я слышала, прекратили. Правда, у каждого уважающего себя анестезиолога найдется пара ампул...

— И у вас есть? — спросил я.

— По правде говоря, есть, — она улыбнулась. — Дома в аптечке.

— Вы не могли бы мне их показать?

— Пожалуйста. Только не выдавайте меня, нельзя так хранить эти препараты.

Бессонова вышла, а Эдгар подмигнул:

— У врачей это — подсудное дело. А на обычном предприятии просто пожурили бы — несуны...

Я кивнул в ответ и подошел к журнальному столику возле кресел, взял с него потрепанную книжку в сером переплете. Оказалось, комедии Шекспира. Никогда бы не подумал, что в этом доме, набитом одной специальной литературой, читают произведения «нежного лебедя Эвона». Хотя, наверное, я необъективен. Погода влияет.

— Где-то я уже видел эту книжку... — Эд заглянул через плечо.

Вернулась Нина. Вид у нее растерянный.

— Что случилось? — спросил Эдгар.

Я-то уже догадывался.

— Дело в том... — она замялась. — Налорфин пропал. И еще несколько ампул. Вполне возможно, того самого препарата, который вам вводили... Это кошмар... Но кто?.. Зачем?.. Нет, не может быть...

— А я вспомнил, чья это книга, — неожиданно сказал Эдгар.

— Что? А... — я посмотрел на томик Шекспира, который вертел в руках. И тут вдруг все стало на свои места. — Стоп, старик, — говорю. — Я все понял. Надо

читать клас
которых все
одна актрис
ло!

Нина оп

— Ты з

Эдгар к

— Надо

выезд из го

— Успе

— Лад

дождем бе

Мостов

За руль

почему, но

ну в нена

портить об

— При

Я выш

нерешител

ный «Мос

уже стал

В самом

на нем бы

загрунтов

Слома

ником не

Она!

— Ма

Она,

ставит т

Спутника

самому п

— М

читать классиков. «Двенадцатая ночь». Брат и сестра, которых все путают. Обе роли играет, как правило, одна актриса. Как мне все это раньше в голову не пришло!

Нина опустилась в кресло и сжала виски.

— Ты знаешь адрес? — спросил я.

Эдгар кивнул. Потом сказал:

— Надо позвонить в милицию. Пусть перекроют выезд из города.

— Успеем еще.

— Ладно. Едем, — бросает Эдгар, и мы снова под дождем бежим к машине.

Мостовая блестела, словно ее натерли воском.

За руль сажусь я. Люблю ездить в дождь. Не знаю почему, но мне доставляет удовольствие вести машину в ненастье. Даже скользкий асфальт не может испортить общего впечатления.

— Притормози, — говорит Эдгар, — вот этот дом.

Я вышел, прошел под деревьями и остановился в нерешительности. У подъезда был припаркован лимонный «Москвич». Дело в том, что я вспомнил — мы уже сталкивались с ним. В прямом смысле слова. В самом начале этой истории, на шоссе. Вмятины на нем были выправлены, но еще не покрашены, только загрунтованы...

Сломанная ветка липы скрывала меня, и я стоял, никем не видимый. Вот хлопнула дверь подъезда... Она!

— Марина... — тихо говорю я.

Она, конечно, не слышит. Открывает багажник, ставит туда сумку. Потом дверцу, садится за руль. Спутника пока не ожидается, это ясно. Остается мне самому предложить свои услуги.

— Марина! — говорю я достаточно громко.

Она на мгновение замирает, потом медленно поворачивает голову. Сначала я вижу ее глаза, карие, с пушистыми ресницами. Но вот дрогнули уголки глаз, что-то неуловимо изменилось. Словно исчезли белки, и уже не глаза, а глазницы, пылающие ненавистью. — У меня язык прилип к гортани.

Машина рвет с места, обдав грязью из-под колес. Бегом возвращаюсь к «Жигулям».

— Скорее, заводи же! — Эдгар бьет себя кулаком по колену. — Она догадалась, мы ее загнали в угол. Если уйдет, если спрячется в городе, я ни на твою, ни на свою жизнь не поставлю ни гроша. У нее найдется друзей и покровителей...

Наконец, последний узкий проулок, и расстояние стало сокращаться. Начался спуск к реке, и я понял, что после моста, на подъеме, уже смогу прижать «Москвич» к обочине. Но тут-то это и случилось.

«Москвич» неожиданно вильнул вправо, раздался хлопок, и он, продолжая двигаться, навалился боком на ограждение моста, на мгновение замер, словно повиснув в воздухе, и исчез...

— Держись!

Я выжал тормоз и нас, развернув, отбросило на встречную полосу.

Выскочил и побежал к зияющему провалу в ограждении. Внизу была пустота.

И ничего. Только черные волны бились о сваи и закручивались в водоворот.

Я шагнул вниз. Не успев набрать в легкие воздух, ушел под воду. Вынырнул, почувствовал, что свело обе ноги, и я ничего уже не смогу сделать, никому не смогу помочь. Борьба с течением становилось все труднее, наконец мне удалось уцепиться за осоку и выползти на берег. Не помню, что было дальше. Помню только, сидел на земле, а рядом плескалась река. Невозмутимая и целеустремленная, как всегда.

Круг замкнулся. Я не хочу знать, как будут извлекать из машины тело погибшей. Я вижу это почти каждую ночь. Во сне. Только там фигурирует подержанный «фордик», сорвавшийся на крутом повороте.

Потом кто-то накинул мне на плечи пальто. Это был Эдгар.

6. ПЯТНИЦА

Мы сидели под продуваемым всеми ветрами полосатым тентом летнего кафе. Только лето уже кончилось. Прямо на глазах.

Сухоручко обнимал ладонями стакан кофе, словно хотел так согреться. Эдгар по привычке щурился от сигаретного дыма, и мне хотелось посоветовать ему не мучиться и бросить курить.

— В конце концов, это несчастный случай,— Сухоручко еще крепче сжал стакан.— Лопнула камера, машина потеряла управление. Женщина погибла еще наверху, от удара об ограждение.

— Несчастный случай? — Эдгар поднял голову,— А все, что было перед этим?

— Конечно,— Сухоручко прищурился.— Несчастный случай. Например, то, что Громова по протекции Бессонова оказалась в клиническом отделении, хотя для наркоманов существуют специальные лечебницы. И то, что сам Бессонов воровал дефицитные лекарства, отмечая, что сделана инъекция больным, тоже несчастный случай.

— Он не воровал,— запротестовал Эдгар.— Просто к нему со всех сторон с просьбами — достань. Я, кстати, тоже. Он и заменял одни препараты другими...

— Несчастье и то,— злорадно продолжал Сухоручко,— что развращенная обстановкой в отделении, медсестра Марина Афанасьева, поддавшись на уговоры

наркоманки Громовой, достала ей первую партию наркотиков. Потом вторую. Естественно, небесплатно. Вот — первая жертва в этой истории. Афанасьева.

— Но как ей удавалось? — я припомнил, что мне говорил Николай Петрович. — Ведь отчитываться надо пустыми ампулами?

— У Громовой ранее скопилось значительное количество пустых ампул. Это и был изначальный капитал. Сначала они заменили их на полные, потом постепенно увеличивали оборотный фонд. Просто воровали, организовали среди клиентов сбор пустой тары, если можно так выразиться. Втянули в орбиту преступления еще одну медсестру — вторая жертва несчастного случая. Установили контакты с ранее судимым Жуковым по кличке Профессор. Он взял на себя коммивояжерские обязанности: несчастный случай и то, что все это происходило при молчаливом попустительстве окружающих.

Несчастный случай — когда Бессонов, догадавшись, что в его отделении похищают морфин, побоялся выносить сор из избы. Он пометил ампулы и скоро установил, что отчитываются вовсе не теми, которые выдаются для инъекций. Афанасьева поспешила перейти на другую работу...

— Ко мне, — сказал Эдгар грустно.

— Но из-за этого иссяк поток морфина. Препятствием на его пути стал Бессонов. И он исчезает однажды вечером, выйдя на полчаса прогулять собаку. Третья жертва. А за домом Бессонова, его женой начинают следить. Вдруг он поделился наблюдениями?..

— Это еще не все, старик, — Эдгар наконец выплюнул сигарету. — Моя версия с налорфином подтвердилась, провели дополнительную экспертизу. Громова не случайно выбросилась из окна.

— Чем она провинилась? — я посмотрел на Сухоручко.

— Пока снабжали наркотиками, она молчала. Знала, не знала, догадывалась, не догадывалась — но молчала. После исчезновения Бессонова они никак не могли снова запустить конвейер. Боялись, что мы вышли на след. Так, в сущности, и было. А морфин кончался. По моим подсчетам, вы отобрали у них последнюю упаковку из старых запасов.

— Но кто? Кто это сделал?

— Помнишь, — Эд достал новую сигарету, — я ругался, что Марина завалила эксперимент, проспала на ночном дежурстве. Так вот, я поговорил с вахтером и еще кое с кем. Она не проспала. Просто отсутствовала в это время в институте. Первый раз с одиннадцати до полпервого — как раз доехать до Бессоновой, проводить ее, заодно прихватив налорфин, — Афанасьева знала, где он там хранится.

— Должен вам заметить, — подал голос Сухоручко, — налорфин должен храниться как препарат группы А. Откуда он взялся в частном доме? Опять несчастный случай?

— Второй раз, — продолжал Эдгар, — с пяти до полседьмого. На сей раз навещала Громову. Наверняка та сама просила. Ведь ты ж оставил ее без морфина. Естественно, если бы Афанасьева себя не выдала, никому бы в голову не пришло узнавать, когда и куда она ходила. И наконец, пока ты завтракал, навестила твой номер. В институт вы приехали почти одновременно.

— Кстати, — Сухоручко размешивал гущу в стакане, — разъезжала она по этим делам в вашем автомобиле. Ключи ей дал автомеханик, у которого вы частным образом ремонтировали свою колымагу.

— Веселенькое дело, — сказал я.

— И все случившееся — несчастный случай! — Сухоручко стукнул кулаком по столу. — Потому что у нас любое преступление — несчастный случай, а кру-

гом лишь милые интеллигентные люди. Вы тоже так думаете?

Я не нашелся, что ответить. А Эдгар спросил:

— Значит, Барин и Марина Афанасьева — одно и то же лицо?

— Пока да.

— Почему — пока?

— Под кличкой Барин скрывается организатор преступной группы. Или один из организаторов. На сегодняшний день можно предположить — путем переодевания и косметики Афанасьева изменяла не только внешность, но и, так сказать, пол... А мы искали подростка-связного и его хозяина, не подозревая, что оба эти субъекта соединяет в одном лице молоденькая лаборантка. Удивительно, правда? Мы опрашивали подростков, состоящих на учете, беседовали в школах, проверяли неформалов... А он вот, на виду — симпатичная порядочная молодая женщина.

— Но почему пока она — Барин? А что дальше? Что-то изменится?

— Сейчас Афанасьева — последнее звено для нас. Вершина пирамиды. Но ведь цепочка не обрывается на ней. Посудите сами, по нашим подсчетам, местным наркоманам перепало намного больше морфина, чем было похищено в отделении Бессонова. Скорее всего мы выявили не пирамиду, а только один из ее блоков. Все намного страшнее. И нам еще предстоит нащупать путь дальше...

Сухоручко сжал кулак и слегка постучал им по ребру столешницы.

— Я сейчас... — Эдгар встал и направился к крытому павильону, чтобы принести еще кофе. Летняя забегаловка доживала последние дни, прежде чем впасть в зимнюю спячку, и мы, пожалуй, были последними ее посетителями. Ветер хлопал тентом, раскачивал металлические стойки, столики, стулья. Все качалось,

рычало, с
рывную к
на дозорн
Вернул
канчиках.

— Ну
ни при че
— Да

Сухоручко
преступно
стоятельн
болиста п
большая

— Что
Потерю м
Сухору

— Стр

сказал я.
желтый «Л
вения я з
И именно

— Лю
вил очки.
в одну ав
вы.

— Ис
словно сп

— Ка
скрыть п
хоручко з
лится нае

Бессонов
в одиночн

щина спр
Наезд. Со
надо прой

Кости

рычало, скрипело и пело, мир был погружен в непрерывную качку, и казалось, мы плывем куда-то вместе на дозорном клипере.

Вернулся Эдгар и принес кофе в картонных стаканчиках.

— Ну а футболист Гоша? — спросил я. — Разве он ни при чем?

— Давать своей сожительнице ключи от машины. — Сухоручко усмехнулся, — еще не значит участвовать в преступной деятельности. Тем более мое начальство настоятельно попросили не беспокоить знаменитого футболиста перед ответственными матчами. У него и так большая потеря...

— Что они имели в виду? — спросил Эдгар. — Потерю машины или любовницы?

Сухоручко пожал плечами.

— Странную подробность сейчас вспомнил, — сказал я. — Помните мою аварию на шоссе? Когда желтый «Москвич» меня обогнал, за минуту до столкновения я заметил — у него уже было помято крыло. И именно этим крылом он врезался в «Запорожец».

— Любопытно, — Сухоручко прищурился и поправил очки. — По документам «Москвич» попадал только в одну аварию — ту самую, в которой участвовали и вы.

— Искусственная была авария. Мне показалось, словно специально подстроенная.

— Какие могут быть причины, чтобы таким образом скрыть первоначальную вмятину на крыле? — Сухоручко задумался. — Скажем, за этой вмятиной числится наезд. Положим. А по всему выходит, что так, — Бессонов убит. Сделал это Барин, то есть Афанасьева, в одиночку, без свидетелей. Как может хрупкая женщина справиться с мужиком? Быстро и без шума? Наезд. Собаку он выгуливал на пустыре, а для этого надо пройти сотню метров по дороге от дома. Вы ведь

не шарахаетесь сразу в сторону, если слышите, что сзади едет машина? Не трамвай, объедет... А для нее — руль чуть в сторону, удар — и все кончено. Если так, то труп спрятан где-то поблизости. Нам бы его найти. Тогда можно установить, как погиб человек. И если замешана машина, то какая. — Сухоручко загибал пальцы. — И если это «Москвич» Васнецова, то хозяина можно будет потревожить независимо от спортивного календаря. Вдруг это и окажется та самая ниточка, которая поведет нас дальше? Подножие новой пирамиды?

— Марина, убийство... — я замотал головой, — кошмар...

— Узнаете? — говорит вдруг Сухоручко, доставая из кармана целлофановый пакет, в котором лежит женский носовой платок.

— Да... Я такой же нашел в кладовке в доме Бессонова...

— Этот — из того же комплекта. Найден в вещах Афанасьевой.

— Значит, ее... Значит, она пряталась в доме?.. Следила?..

— Да. Случайность. Потеряла платок, а вы его нашли. И предложили ей вытереть сопلي этим платочком. Совпадение. Такое бывает чаще, чем нам кажется. А она подумала, что вы ее вычислили и теперь проверяете. Может, виду она и не подала — прекрасная была актриса, но судьбу вашу уже тогда решила. Не сунься вы в гараж — вас бы просто где-нибудь подловили. Не сегодня, так завтра.

— Нет, — сказал я и вспомнил тот вечер, — не может быть. А кто... Если вы уж все знаете — кто был под окнами? Жуткое дело, скажу вам, как вы.

— Открою секрет, — Сухоручко наклонился вперед, а мы, инстинктивно, ему навстречу, — в саду бродил призрак. Можете смеяться сколько угодно, вы оба мне

нравите
рак уби
нематер
пламя
и увиди
узоры и
дает пр
рак. А
чем уби
Мы на
Это он
даже те
вали с
мостью
порожд
нечисть
личных
—
Эдгар.
—
те, что
Я по
—
но... Ко
жал ру
—
донь.—
ввязали
выходя
и штук
кому с
наступ
ности.
любят
непова
Он

нравитесь, потому не обижусь. Это был призрак, призрак убийства. Человеческие отношения только с виду нематериальные. Вроде как свет, если человек — пламя свечи. Но зажгите свечи в темной комнате — и увидите, какие узоры рождает на стене тень. Эти узоры и есть призраки. Каждое наше действие порождает призрак. Чем оно контрастнее, тем сильнее призрак. А что может быть сильнее, отличное от естества, чем убийство себе подобного? Призрак преступления... Мы называем их по-разному — совесть, страх... Нет. Это они, призраки, терзают нас. Они мешают всем, даже тем, которые вроде ни при чем. Древние не забывали себе голову аминокислотами и сверхпроводимостью, потому видели все это. Для них преступление порождало вурдалаков, оборотней, ведьм и прочую нечисть. Нечисть, опасную любому, независимо от личных заслуг...

— Вы случайно не колетесь? — с улыбкой спросил Эдгар.

— Не колюсь, — он подмигнул, — и не псих. Считайте, что просто пошутил.

Я поднялся:

— Пора в дорогу. С вами хорошо, как говорится, но... Когда понадобится, вы знаете мой адрес, — я пожал руку Сухоручко.

— Последнее напутствие, — он задержал мою ладонь. — Простите, если оно не очень радужное. Вы ввязались в скверную историю, из таких сухими редко выходят. Свидетель вы для нас ценный, в этом-то вся штука. Следствие продолжается, и неизвестно еще, кому оно выведет. Неизвестно, кому еще мимоходом наступили на мозоль. У вас редкие к этому способности. Поэтому — будьте осторожны. Эти ребята очень любят обрубить концы. Хотя бы для того, чтобы другим неповадно было...

Он повернулся и стал уходить, седеющий, как-то

ссутулившийся за последнее время. Я смотрел ему вслед и почему-то хотел окликнуть. Словно был уверен — нам уже никогда не увидаться.

— Пойдем, — Эдгар тронул меня за рукав, — слякотно. Подбросишь до института?

Уже в машине он сказал:

— У Сухоручко неприятности. Сегодня утром избили его жену. В подъезде, когда она шла на работу. И это были не призраки. Наверное, кто-то из бывших его клиентов. А может, из будущих. Сейчас она в больнице.

Прощание получилось грустным.

В этом городе у меня осталось еще одно дело. На сей раз последнее.

Я притормозил возле дома с резными наличниками. Вы, наверное, уже забыли про старушку? Я о ней помнил все время...

— Уже уезжаете? — спросила она.

— Да, пора. Как ваши кошки?

— Мрут, бедненькие. Кто-то рассыпает отраву.

— Вот живодеры.

— А еще я нашла новый капкан на пустыре. Все, наверное, из-за пса.

— Какого?

— Бегаёт тут один. Рыжий. Породистый вроде. Хороший с виду пес. Но воет как по ночам — волосы дыбом встают. Страшно воет. Лежит на асфальте и воет. И всегда на одном и том же месте лежит. Словно есть там что-то, под асфальтом. А взгляд — как у человека... Наверное, мешает это кому-то, спать не даёт...

— Рыжий пес, — вздрогнул. — Ирландский сеттер?

В четверг Бессонов вышел прогулять собаку. И больше не вернулся. Всегда найдется свидетель. Нас слишком много на этой планете... Я стиснул зубы.

— А скажите... Давно в том месте асфальт положи-
ли?

— В пятницу. Я ведь редко дальше двора хожу
А тут как раз за электричество платить. Там гравий
насыпали — еле выбралась.

— Вот что, — я достал сложенный вчетверо листок
с телефоном Сухоручко. — Позвоните этому человеку.
И все расскажите. Как мне сейчас. Думаю, ему будет
интересно узнать, что там, под асфальтом.

— Вы уверены?

— И попросите его передать одному нашему обще-
му знакомому, чтобы тот не оставлял без присмотра
яд, которым травит прилудных крыс. Могут постра-
дать кошки, которые ни при чем.

— Странное вы что-то говорите. Но раз просите —
так и передам.

Она вдруг грустно улыбнулась:

— Очень жаль, что вы уезжаете. Я слишком стара,
чтобы надеяться вас снова увидеть. А вы мне кого-то
напоминаете, только не вспомню кого. Это давно было.
Лет шестьдесят назад. Смешно, верно? Старая забыв-
чивая мегера. Не старайтесь дожить до дряхлости. По-
верьте, в этом нет ничего радостного...

Она снова улыбнулась, и мне показалось, что из-под
паутины морщин, вставных зубов и седых волос, из-под
крылышек серой моли выглянула на мгновение молодая
женщина с глазами, как две звезды.

Потом звезды померкли.

— Попробую, — пообещал я и вернулся к машине.

Денек был серый, и серое небо, казалось, вот-вот —
и раздавит землю.

Я еду и думаю о том, что тот, кто ставил капканы на
рыжего пса, наверняка имеет и хорошее охотничье
ружье. Что ему стоит выстрелить в мчащуюся по пусто-

му шоссе машину? Ровным счетом ничего. Даже если водитель не будет убит сразу, он наверняка во что-нибудь врежется.

Но все же меня сейчас заботит не это.

Я достаю диктофон и решаю вспомнить события последних дней. Так, мысли вслух, отрывки как обрывки. Вспомнить все, с самого начала.

Я еду спокойно, даже не обращаю внимания на своих спутников. По-мальчишески курит, стряхивая пепел прямо на пол, хорошенькая медсестра. Светловолосая девушка с тонким и нервным лицом сосредоточенно смотрит в окно. Почему-то тут же сидит Сухоручко и парень по кличке Гвоздь. Моя спутница, прекрасная и гордая, снова рядом, как во снах. Мы соприкасаемся плечами. Я знаю, что с ней уже ничего не случится, ведь главный поворот позади. Было тут и еще несколько человек, но я уже стал забывать их лица...

Я притормозил у обочины, потому что глаза жгли слезы. Мимо проехала машина «Скорой помощи», и врач, сидевший рядом с водителем, посмотрел в мою сторону. Но какое ему было дело до плачущего мужчины, ведь ждали дела поважнее.

Я снова завел мотор, и дальше машина шла все время в гору. Машина была так перегружена, что приходилось переходить на первую скорость. А это неминуемо увеличивало расход горючего, которого должно было хватить на весь рейс.

Облака стали редеть, и надо мной вдруг раскрылись голубые хрустальные своды.

Вот, собственно, и все.

Он толкнул
вая голову
раясь не
своему ст
добном м

Когда
собой по
добное м
И тогда
неполноц
болезнен
цев.

Он ос
на сиден

— Се
Если уж
рищам р

— Да
каясь,—
поменяли

— Л
ник отки
и обвел
присутст
Прозвуча

Двадцать четыре часа

РАССКАЗ

Он толкнул дверь и вошел в кабинет, привычно втягивая голову в плечи. Поздоровался тихим голосом, стараясь не смотреть сослуживцам в глаза. Подошел к своему столу, который стоял на проходе — самом неудобном месте.

Когда его отдел переехал в это здание, как-то само собой получилось, что ему опять досталось самое неудобное место. А до этого он сидел у окна, на сквозняке. И тогда он все время чихал и кашлял, мучаясь своей неполноценностью, стесняясь мятых носовых платков, болезненно переживая брезгливые взгляды сослуживцев.

Он осторожно отодвинул стул, неуклюже опустился на сидение. Стул предательски скрипнул.

— Северский! — встрепенулся начальник отдела. — Если уж опоздали на семь минут, то не мешайте товарищам работать.

— Да я н-не, — попытался оправдаться он, заикаясь, — н-не виноват. С-стул старый. Всем д-давно поменяли, а м-мне н-нет.

— Любишь ты права качать, Северский, — начальник откинулся назад в мягком крутящемся кресле и обвел взглядом комнату, словно приглашая всех присутствующих принять участие в разговоре. — Права качать любишь, а на работу опаздываешь. Стул

ему, видите ли, не тот... Может, мне для тебя свое кресло освободить, а? Хочешь, Северский?

В комнате захихикали.

— Ну как, уступить? — начальник с гримасой зубной боли, которая, по его мнению, вероятно, означала ироническую усмешку, вперил взгляд в Северского, — или тебе твоего стула чересчур много? А? Отвечай!

— Да...

— Что да? Будешь еще из-за стула скандалы устраивать?

— Я не...

— Я не, я не, — передразнил начальник, — ладно, напишешь объяснительную по поводу опоздания, потом с тобой разберемся. Коллектив разберется, понял? Я не самодур какой-нибудь...

Северский еще глубже втянул голову в плечи.

— Так и быть, — начальник зевнул, — дам тебе шанс исправиться. Сделаешь годовой отчет за Петрову. До конца недели, ясно? Мне Петрова для более квалифицированной работы нужна. Так что ты после работы вечерами посиди и осилишь.

— А он и так все время после работы остается, — громко сказал из своего угла Саша.

— У нас рабочий день ненормированный. И хватит базарить.

Начальник с шумом поднялся и вышел, хлопнув дверью.

— Кофе пошел пить, — констатировал Саша. — Теперь только после обеда заявится.

— А что ему — ему все нипочем, — мечтательно сказал Свидригайло, — будь я племянником замминистра, я бы и не такое вытворял.

— Как вы можете! Семен Степанович работает, себя не щадит, — вскочила из-за стола Петрова, — а вы... вы просто завистники! — и она выбежала из комнаты.

— Следом побежала, — снова констатировал Саша, — донесет.

— Как пить даст донесет, — подтвердила Яковлева.

— А мне что, — меланхолично глядя в потолок, сказал Свидригайло, — я не пью, на работу не опаздываю. В месткоме состою. Меня без хрена не съешь. Это Северскому бояться надо. Так что, орлы, шефу скажете, я в ВЦСПС поехал. Часам к пяти появлюсь. А то дел у меня сегодня невпроворот.

— Да и мне пора, — поднялся Саша, — приятель покрывки достал, обещал поделиться. А официально — я на завод поехал. Да, Северский, одолжи полсотни?

— У меня только сорок с собой, — встрепнулся он, — хотел после работы забежать ботинки купить. А то мои промокают, весна ведь скоро, слякоть...

— Э-э, милый, — присвистнул Саша, — где ты нонче за сорок рублей ботинки приличные купишь?

— Да мне бы какие-нибудь... лишь бы новые. На дорогие я и до осени не наскребу.

— Ну, какие-нибудь всегда купить успеешь. Только ходить в плохой обуви — это себя не уважать. Не умеешь ты экономить, Северский. Черт-те знает как одеваешься. Все не хватает тебе. Ладно, не жмись, давай свои сорок. Будут деньги, отдам. Ты меня знаешь.

Расставаться с деньгами было обидно, он уже предчувствовал, как завтра наденет новые теплые ботинки. Но делать нечего — Саша был единственный, кто изредка заступался за него. И потому Северский считал его своим другом...

— Лешенька, — сказала Яковлева Северскому, когда они остались вдвоем, — у внучки завтра день рождения, мне надо бы подарок ей купить. Так что уж вы посидите здесь один, на звонки поотвечайте. А если меня искать начнут, скажите, только что вышла. Раз вы уж сегодня опоздавший, то прикрывайте отдел. Ладненько?...

Часа в три за дверью послышался неестественный смех Петровой и благодушный бас начальника. Северский инстинктивно втянул голову в плечи.

Петрова сразу же достала из ящика стола сапоги и, поддернув узкую юбку выше колен, оперлась ногой о краешек стула, стала застегивать молнию. Делала она это медленно и аккуратно, словно кроме нее никого в комнате не было. Покончив со вторым сапогом, она выпрямилась, поправила юбку и ленивым протяжным голосом сказала:

— Так я пойду, Семен Степанович? Вы меня отпускаете?

Во время всей этой сцены Северский сидел, опустив глаза. Он знал, что Петрова одна растит ребенка, ребенок часто болеет и она вынуждена постоянно отпрашиваться с работы. Потому что по бюллетеню ей платили пятьдесят процентов, а при ее зарплате это негусто. И ему было жалко эту женщину.

— Иди, лапонька, — начальник задумчиво пожевал губами. — До пятницы я тебя отпускаю. Но чтобы к субботе мой доклад на конференции был готов. Приедешь часам к пяти ко мне на дачу — вместе его просмотрим. Поняла?

— Конечно, Семен Степанович. Но, может, я лучше с утра приеду? Чтобы засветло вернуться? А то у меня Колька темноты боится, а оставить не с кем.

— А ты его приучай. Ты из него мужчину воспитывай, — поучительно сказал Семен Степанович. — Тем более что с утра я не могу. Я после завтрака на лыжах бегаю. Форму держу. Так что договорились — жду в субботу к пяти.

Когда Петрова вышла, начальник заметил, что Северский сидит с опущенными глазами.

— Ты чего, — хохотнул он, — как красна девица потупился? Небось какую пошлятину про нас подумал? Грязный ты человек. У нее ребенок болеет, вот я и

пошел на нарушение закона, отправил работать домой. А в субботу, жертвуя личным временем, эту работу проверять буду. Понял?

— Да я ничего и не подумал...

— Не подумал?.. Верю. Знаю, тут про меня всякое трепят. И что дядя меня за собой тащит, и что работы... Ну, в общем, всякое такое. А ты, мне кажется, парень серьезный, ситуацию понимаешь... Если бы ты не был таким тюкнутым, может, и замом бы я тебя сделал.

Начальник посмотрел на апатичное лицо Северского.

— Странный ты все-таки,— наконец сказал он,— что у тебя на уме-то все время? Да-а, чужая душа — потемки... Куда все разбежались?

Северский объяснил, как научили.

— Знаю я их,— начальник покрутил головой, — знаю я их уважительные причины. Придется, evidently, за дисциплину браться. Нет, слушай, о чем ты все время думаешь?

Северский промолчал.

— Может, у тебя денег нет? Тогда возьми у меня. Нет, серьезно, возьми. А я потом тебе премию выпишу, ты и отдашь.

— Нет, спасибо, не надо.

— Ну, ладно, как знаешь. Да, слушай, тут мне жена список написала. А по магазинам мне бегать некогда. Сходи ты, а? А к шести возвращайся — не ровен час проверка. На, возьми деньги. Сдачу можешь себе оставить.

— Мне не надо сдачи...

— Ишь ты какой гордый. А я вот в молодости таким гордым не был. И видишь, не умер... Ладно, иди. Да, сигареты не забудь. У меня кончились...

День был позади. Лежа в постели, Северский поставил будильник на семь часов, погасил свет. Ноги гудели, темнота перед глазами словно пульсировала, и каждый всполох превращался то в лица людей из очереди в магазине, то в неоконченный отчет на столе, то еще во что-то. Но вот он задышал спокойнее и ровнее и начал проваливаться, пока не достиг дна...

— Князь,— услышал Северский голос сокольничего,— темнеет уже. Как бы нам в поле заночевать не пришлось.

— А что,— недовольно сказал Северский,— двора никакого поблизости нет?

— Есть тут деревенька одна. Да мужики сказывают, половцы в ней сейчас стоят.

— Много ли?

— С десяток.

Северский оглядел свою свиту. Все были как на подбор — рослые, на могучих конях, в теплых меховых накидках, из под которых поблескивала стальная чешуя панцирей.

— Вот и проверим,— сказал он,— не разучились ли мы биться. Показывай дорогу.

— И-и-и-я! — взвизгнул сокольничий по-дикому и поднял коня на дыбы.

«Молодой,— подумал о нем с нежностью Северский.— А хорош, хорош... Вот бы мне его на княжение после себя оставить... Да ведь не дадут. Племянника какого-нибудь пришлют».

Он пустил лошадь галопом и оглянулся. Позади в клубах снежной пыли скакали его верные товарищи. Он понимал, что творится сейчас в их сердцах. Каждый из них мечтал вырваться вперед, но обогнать князя никто не решался.

Вот и показалась деревня — несколько вросших в землю домов. Тут сокольничий не выдержал и, первый перемахнув через покосившийся плетень, зарубил выс-

кочившего голым на мороз половца. Через мгновение все вокруг наполнилось взвизгами людей, ржанием лошадей, потом и кровью. Князь увидел, как из крайнего дома выбежал человек и с ловкостью вскочил на стоявшего у дверей коня. Северский, мечом плашмя погоняя жеребца, бросился следом. В степи ему было бы не догнать половца, но сейчас, по глубокому снегу, могучий конь князя был сильнее. У опушки Северский настиг беглеца, тот обернулся, взмахнув тяжелой плеткой... Пригнувшись, князь ушел от удара и ткнул противника мечом в бок.

Он спешил. На снегу, истекая кровью, лежал враг. Ему было лет четырнадцать, не больше. Мгновение князь стоял неподвижно, борясь с охватившей его жалостью. Потом вспомнил спаленный городок... и добил врага, вонзив и вытащив меч, слегка повернув его привычным движением. Это обеспечивало смертельную рану. Потом медленно залез на коня и повернул обратно. К его возвращению в деревне все было кончено. Убитых половцев привязывали к лошадям, чтобы оттащить подальше в поле. Один из ратников возбужденно рассказывал, как порубил нескольких человек прямо в бане.

— Все живы? — тревожно спросил князь.

— Все. Здорово мы их! — радостно улыбнулся сокольничий.

— Не велика доблесть, — мрачно сказал князь, — вот кабы мы их в поле разбили... — но увидев расстроенное лицо сокольничего, добавил: — Но ты все равно молодец!

Потом он подъехал к крайнему дому, из которого пытался убежать его половец. Сокольничий поддержал стремя, Северский сошел на землю. Распрямил плечи, вздохнув полной грудью, и, толкнув дверь, вошел в избу.

— Огня! — крикнул он, пытаясь разглядеть что-нибудь в темноте.

Вошел один из ратников с факелом, и тогда только Северский заметил вжавшуюся в угол девушку.

— Ты чья? — спросил он.

— Княжеская...

— Князь перед тобой, — сказал ратник недоброжелательно.

Девушка упала на колени.

— Что у тебя делал этот... — князь мотнул головой в сторону. — Который выскочил отсюда...

— Муж он мне... был

— У них всех мужиков повырезали, — вступаясь за нее, сказал ратник, — вот они за половцев и пошли..

— Ясно... — Князь задумчиво посмотрел на молодку. — А я смотрю, пригожа... Думал за сокольничего своего выдать, да, видно, не судьба. Много людей в деревне? — спросил он у ратника.

— С пяток баб.

— Тоже — жены половецкие?

— Да поди...

— Оставим им раненых. И предупреди: если хоть волос с головы наших людей упадет — спалим деревню.

На пороге князь остановился. Жалость второй раз за сегодняшний день сжала его сердце. Он захотел бросить монету этой женщине и пообещать одного из раненых ей в мужья. Почему бы не сделать кого-то счастливым? Но он вздрогнул, встретившись с ее глазами, горящими в темноте, как у кошки, ненавистью.

«Да, — подумал князь, — как живем, для чего? Друг друга убиваем, друг друга ненавидим. Может, оставить их надо было здесь. Хоть и половцы, а ведь могло осесть-то. Наши бабы заставили бы. А теперь захиреет деревня...»

На дворе стемнело, и, сделав шаг в сторону, князь только в последний момент увидел, как от стены отделилась какая-то тень и бросилась ему наперерез. Но

наперерез тени бросился сокольничий. Они столкнулись, тень вскрикнула, и оба повалились наземь.

Подбежали люди. Один из ратников наклонился над лежащими. Потом поднял голову, посмотрел на князя.

— Не всех, видать, перебили, — сказал он хмуро. Повезло тебе, князь.

— Жив? — тревожно спросил Северский.

— Оба мертвы. Друг друга на ножи посадили. Хороший сокольничий был...

Князь, стиснув зубы, отвернулся к стене. Прижался лбом к шершавым бревнам. Он давно уже разучился плакать — слишком много потерь было в его жизни. Просто все его тело наполнял дикий, опустошающий вой...

Северский встрепенулся, выключил истошно звенящий будильник. Пора было вставать. Начинался новый день.

...На автобусной остановке сопляк лет четырнадцати со словами: «Подвинься, дядя» — ловко оттеснил его от открывшейся двери.

Северский хотел схватить его за шиворот и отшвырнуть в сторону, но в это мгновение узнал в этом паренке другого, несколько часов назад лежавшего на розовом от крови снегу под копытами его лошади. Северскому стало не по себе, и он, втянув голову в плечи, пропустил молодого нахала.

— Не буду делать работу за Петрову, — твердил он себе всю дорогу. Но сам прекрасно знал, что раз ничем не смог помочь той женщине в темной грязной избе, мужа которой он убил, придется отдавать долги в этой жизни, наяву.

Выйдя из автобуса, Северский угодил прямо в лужу раскисшего мокрого снега. Ботинки моментально промокли.

— Сегодня же скажу Сашке, пусть немедленно отдает деньги. Мне тоже покрышки нужны... на ноги.

Но тут он вспомнил, как Сашка подставил свою грудь под половецкий нож, защищая его. Там, в заброшенной деревеньке. И разве можно теперь сорока рублями оплатить преданность сокольничего?..

...Он толкнул дверь и вошел в кабинет, привычно втягивая голову в плечи. Поздоровался тихим голосом, стараясь не смотреть сослуживцам в глаза. Подошел к своему столу, который стоял на проходе — самом неудобном месте...

Теперь весь день он будет тихим, замкнутым и безотказным. Он в долгу перед этими людьми. Но в течение дня он с каждой минутой все яснее и яснее будет слышать, как ржут кони под седлом, как взрывает белый снег копытами лихая свита удельного князя Северского, оставляя за собой в морозном воздухе кружевной след... Он успеет нагнать их.

Лестница

РАССКАЗ

Падал пушистый теплый снег.

От парадного до квартиры — семьдесят две ступеньки. Одиннадцать часов зимнего вечера. На каждой площадке — окно, которое упирается пыльными стеклами в ночь. Ужасно хочется есть. Прямо живот взбунтовался, как хочется.

Лестница пуста. Вот если бы сейчас... Если бы сейчас хлопнула входная дверь и легкие шаги — ее шаги, их не спутаешь, — тогда сердце замирает, словно вступишь в ледяную воду. И с глазами что-то странное — по краям в фокусе, а в центре размытое, туманное. Потом вниз — стоит приникнуть к перилам — покажется ее макушка. Черноволосая и мокрая от растаявшего снега. Вокруг макушки индевеет белый пушистый воротник, а под ним — красные плечи пальто. И тут надо отпрянуть к окну, потому что смотреть сверху можно лишь мгновение. Надо взобраться на подоконник и с безразличным видом отвернуться. Она должна увидеть все именно так: пустая лестница, черный прямоугольник окна и задумчивый молодой человек на подоконнике. Тогда она улыбнется. Это будет видно по отражению. Она улыбнется устало и радостно. Тут все рассчитано.

— Ты меня ждешь? — спросит она ласково. —
Ведь уже поздно. Не надо меня ждать, когда поздно.

Я ведь могу задержаться. На работе, понимаешь? А теперь иди домой. Иди, иди. Дома знают, где ты пропадешь? У тебя ведь, наверное, уйма дел? Верно? До утра я не сбегу, буду спать как убитая, и ничего со мной не случится. Ты мне веришь?

И тогда будут кружиться ее слова, запах духов и мокрых волос, и ее уже нет, щелкнул замок, и уже можно мучительно переживать свою неловкость. Переживать, стискивать зубы и нырять вниз головой в стыд, бездонный и обжигающе горячий, как вечерняя чашка чая.

Хлопнула парадная дверь. Нет, шаги мужские. Так оно и есть. Лоснящийся околышек ондатровой шапки. Теперь — к окну. Мужчина поднимается неторопливо, на ходу стягивая перчатки. Лицо усталое, с сивыми висками и безучастными глазами. Руки белые, с обручальным кольцом. Его взгляд нерешительно скользит, наталкивается на встречный, и мужчина отводит глаза. Что было в его взгляде? Нерешительность, удивление, сочувствие? Только не сочувствие. Не надо этого. Ой как не надо. Теперь видна только спина. Широкая, сутулая, обтянутая коричневой дубленкой.

Самое страшное, спина закрывает дверь в квартиру. Ту самую квартиру. Неужели к ней? Нет, не может быть. Она же еще не пришла. Скорее, к соседу. Там же еще есть сосед, как про это можно забыть!

Вот он и в самом деле открыл. Старенький, словно облупленный.

Проходит полчаса. Сверху, будто скатываясь, проносится парень с собакой. Парень уже знаком. На секунду останавливается:

— Все ждешь?

— Жду.

Парень неопределенно подмигивает и скатывается дальше.

Двенадцать. Кулаки сжаты и в голове пустота. Ну где же ты, ну появись, появись сейчас. Дома, наверное, кошмар творится. Но появись сейчас, что тебе стоит? Появись, я без билета ездить не буду, холодной водой обтираться начну. Сто тысяч раз имя твое повторю. Что мать сейчас делает, страшно подумать. Ведь до ужина вышел. Если не можешь ради меня, ради мамы появись. Она у меня старенькая. Относительно, конечно. Где же ты, а? Я же не смогу, не смогу уйти. Я ведь дождусь, я убью тебя, я убью всех подряд, черт, где же ты, а? Мне больше ничего не надо.

Вдруг здесь возник бы пожар? Ночью? Все в доме забегали бы, тот, сутулый, в дубленке, начал бы истошно кричать, расталкивая всех, рваться к выходу. И вот среди крика, дыма и ужаса появляюсь я. Ловко кидаюсь вверх по лестнице. Падают раскаленная балка, вопят женщины. Кажется, меня уже не спасти. Но вот я возвращаюсь, словно сотканный из всполохов, одежда горит. Делаю несколько шагов по черной от расплавленного снега земле. Осторожно передаю женщину в руки пожарных. А сам падаю. Женщина открывает глаза. Надо мной склоняются люди. Потом седой, мужественный пожарный, с перемазанным сажей лицом молча снимает каску. В полной тишине люди обнажают головы. В ее глазах стоят слезы. Глаза — крупным планом.

Снова хлопнула дверь. Приглушенные голоса. Все равно слышно. «Если бы ты так учился, как слышишь,— говорит мама,— давно бы был отличником».

- Дальше не провожай,— ее голос.
- Почему? Тебя кто-то ждет?
- Глупый, не смей меня ревновать.
- А я не ревную.
- Ах, не ревнуешь,— короткий хохоток.— Значит, не ревнуешь?

— Перестань, больно же.

— До свидания, милый. Не стой под окнами, ладно?

— Ладно.

— Дай слово. Побожись.

— Ей-богу.

Тишина. Потом ее смех. Снова тишина. Быстрый легкий цокот каблучков по ступенькам.

Она останавливается напротив. Глаза удивленные и усталые.

— Милый мальчик, ты ждал меня все время?

Неужели она не понимает?

— Да. Вы... ты пришла поздно.

— Это что, — она хихикает, — семейная сцена? Я ведь совершеннолетняя, ты не догадался? А тебя, наверное, дома ждут, с ума сходят.

Нет ответа.

— Просто я встретила товарища. Старинного товарища, он знал меня еще с бантиками и косичками. Понимаешь?

Нет ответа.

— Не смотри на меня такими глазами. Когда вырастешь, никогда не смотри на женщин такими глазами. Они с ума посходят. Какой же ты будешь, когда вырастешь, — обалдеть. Жаль, я старенькая буду. Буду сидеть на скамейке и шамкать своим товаркам — вон тот красавчик за мной ухаживал, и как ухаживал, как ухаживал, — она засмеялась. — Ты даже не представляешь, каким вырастешь.

— Я... это... тебя любить буду.

— Ой ли? — она улыбнулась. — А теперь — марш домой. Мать, наверное, все милиции и морги обзвонила. Она у тебя хорошая? Не жди меня больше так долго. Завтра я сразу после работы приду, веришь?

Нет ответа.

— Я торт по дороге куплю. Приглашаю тебя на чай.

Придешь? Вот и отлично. Приходи, милый мальчик. А маме скажи, чтобы не волновалась. Ничему плохому я тебя не научу. Передай ей, даю слово.

Вот это она уже лишнее. Вот это она уже зря.

Шаги тонули в глубоком снегу, который, кружась, падал весь вечер. Возле фонарей снежинки — словно летняя мошара.

Прозвенев, скрылся вдали полуночный трамвай. Его не надо догонять. Город окутывал снежный туман, и как хорошо было в нем идти. Город спал, и где-то за домами прятался его сон. Шаги тонули в тишине, и как предчувствие лета в темноте кружило счастье.

Оно тут, за спиной. Или за поворотом.

— Я люблю ее...

Потом, чуть громче:

— Я люблю ее.

И наконец, на всю улицу, чтобы залаяли бездомные собаки:

— Я люблю ее!

Теперь — наверняка. Теперь — на всю жизнь.

Зимний вечер. Время остановилось.

Зимний вечер. Время остановилось. Прохожих мало, только скрипит под ногами снег. В окнах первых этажей звездочки елочных огней. Новый год уже прошел, а они еще на что-то надеются. Накатанные полосы льда под снегом. Только бы не навернуться. Прошлый раз возле самого подъезда — и лежу. Она смеялась, сам смеялся. А таксист, который ждал, потом спросил: как это тебя угораздило? Таксист все понял — тут не до смеха. Мудрые ребята, эти таксисты.

Тра-та-та там-та-та...

Два экзамена позади. Уже ничего. До угла дойдем — поцелую. Губы у нее теплые — в любой мороз. От помады, наверное. А глаза не закрывает, стерва.

Прямо сердце от любви разрывается. Неужели все пройдет?

Пам-пам па-ра-рам...

Белая фата и черный смокинг... А дальше? Дальше — на стипендию. Стипендия приходит и уходит. А потом по факультету доходяги бродят. Пиджачки вытертые, глаза голодные. Руки красные. Ячейка общества.

Но без нее не прожить. Как без нее? На три дня к подруге уезжала, так дни серые, беспросветные, бесцельные. Все из рук валится. К какой подруге ездила? На три дня?

— Ты о чем думаешь?

Теперь не отстанет. Вынь да положь, о чем думаешь. Милая.

— О подруге.

— Какой подруге? — глаза злые.

— Той, ну, к которой ты ездила.

— Это старая подруга, — смеется, — мы с ней давно знакомы.

— Вот и у меня дружок есть. Знаешь, что мы вытворяли?

— Представляю.

— Нет, послушай. Раз поздно возвращаемся, ну, дачные, конечно. Морозище. В Строгино занесло. Поговорка такая есть: хочешь бросить пить вино — поезжай-ка в Строгино. Там один магазин на весь район. Трамваи уже не ходят, а надо через мост переться. Вдруг — такси. Вот удача, думаю. Стопорнули. Дружок спрашивает:

— Шеф, свободен?

Он, значит:

— Свободен.

— Выходи, попляшем.

Представляешь?

— Не смешно.

— Конечно, не смешно. Воспаление легких. У дружка. Врач резал вдоль и поперек.

— Так ему и надо.

— Зачем ты это?

— Нечего тебя по разным там компаниям таскать.

— Дело мужское.

— Я тебе покажу — мужское.

Когда тебя обнимаешь, словно в ладонях держишь. Ну как без такой прожить?

Ту-ти-та-ту — выводит флейта.

И тут ударник врезал. Флейта и ударник. Вот это да!

Весь в дорогом, костюм белый, перекрестье прожекторов. На запястьях — стальные браслеты. Хард классик — новый стиль. Толпа выпадает в осадок. Пиджак с плеч — и в толпу. Вопят. За кулисы. Ты мне лоб платком вытираешь. А у самой глаза — как звезды. Подруги завидуют. А ты им — он любит только кофе без сахара. Товарки рот открыли. Я ему сама завариваю, говоришь. Такой капризный... Что поделаешь — гений. А он автограф на диске может дать? Если я попрошу его, девочки, то конечно.

Любимая, хочешь на руках тебя понесу? Ты за шею обними. Нет, не тяжело. Я мужик здоровый. Не дохляк. У меня хук справа какой — знаешь? Почему хорошо, что не знаешь? Вечно ты высмеешь.

Вчера диамат сдавал. До меня трое — с пролетом. Староста побледнел — и бряк на пол. Переутомился. Ну, я захожу... Что значит — опять вру? Не хочешь, не надо. Нет, не обиделся.

Ночь, зима. И мороза не чувствуется. Вообще не чувствуется воздуха. Только снежинки щекочут нос. Неужели тебе холодно? Куда ты все время торопишься? Еще только двенадцать. Мальчик? Какой мальчик? Что значит — влюблен? Я в его годы уроки учил. Смотри — поймаю — выпорю. Как это — не смей?

Смешная ты. И перестань кусаться. Мы целоваться будем или кусаться? Больно же. Как я тебя люблю.

— Повтори.

— Люблю.

— Как?

— Ужасно.

Неужели это все кончится?

Почему — маменькин сынок? Почему она тебя на порог не пустит? Ну и глаза. Чего ты такая злая? Не матерись, тебе не идет. Интересно, ты со всеми такая? Ну такая... недотрога?

Опять ударник врезал:

Бам-та-там!..

За что по морде-то? Чего я сказал? Ну ты и стерва. Прекрати драться, люди смотрят. Что значит, улица пустая? А из окон?

Как тебя можно не любить, милая?

В твоем окне свет? Как не в твоем? Третье от угла, только что зажегся. Какие родственники? Из деревни? Чего им надо? Ну, не мое, не мое...

Твои губы... Ничего не надо, только ты рядом. Нет, я не далеко, я здесь. Я здесь, слышишь? В твоих глазах отражается ночь. Только ночь. А где я? Где я, милая?

Полуночный трамвай. Надо догнать. Это же пустяки, ему еще поворот делать. Все, брошу курить, в секцию запишусь. Сердце прямо разрывается.

Окна в трамвае запотели, за ними — затаились дома. Кто не спит по ночам? Кошки. И я из их породы. Город — загадка. Город — призрак. Я буду бродить по твоим улицам, когда серебрится снег или шуршат солнечные листья, когда цветет сирень или пахнет мокрым асфальтом и молодой листвой. Я буду бродить мимо уютных арбатских витрин и бассейна, в котором утонул храм, мимо надменных Патриарших и остолбеневших Чистых, желтой Маяковки и суетливой Пушкинской. Все это впереди, все это будет.

Как хрустальный сад в инее
Все замерзло от холода,
И глаза твои синие
В одиночестве города...

Слышится музыка, где-то вдалеке, переливами.

Тусклый дым фонарей,
Рук сплетенье и судеб...

И тут вступают трубы. Сначала одна:

Ту-у ру-ру ру-ру...

А потом сто, нет, тысяча!

Ту-у ру-ру ру-ру...

Неужели это все кончится?

Неужели это все кончится?

Снял дубленку, бросил ее на стул и, не зажигая света, подошел к окну. Отсветы улицы легли на плечи зелеными полосами. Где-то недалеко работал движок, и его мерный стук убаюкивал. Потянулся за сигаретами и вспомнил, что вчера бросил курить. От этого во рту стало приторно-медно.

А снег все шел. Много его навалит за ночь — дворникам работа. Начнут скрести часов в пять, не выпаться.

Вернулся к двери, зажег свет. Поднял дубленку и аккуратно повесил на гвоздь, вбитый в стену. Вбитый неумело — на обоях остались следы от молотка.

По коридору прошаркал сосед. Кажется — на кухню. Чайник ставит. Чем он питается, кроме чая? Может, выйти, вместе попить? Достал из бокового кармана плитку шоколада, разломил пополам. Потом передумал, бросил на стол. Изжога замучает.

Снял с полочки книгу. Неужели она это читает? А на что ты рассчитываешь?

Сел на стул, поддернул брюки, раскрыл книгу

наугад посередине. Пробежал глазами абзац — словно облизал леденец. Стало тошно.

Прошелся из угла в угол, от дивана до двери. Снова подошел к окну. Во дворе под фонарем обнималась парочка. Присмотрелся и поморщился. Мальчишка, подумал. А ты — старый козел. Старый глупый козел. Куда тебя занесло?

Двенадцать. Черт их побери. Пропал вечер. Опять не выспаться. Опять дворники. Опять медный привкус во рту. Опять мыть с утра машину. Или сказать, что машина сломалась? Или заседание парткома? До часу ночи? Время такое, дорогая. Кино смотрела? Можем ведь и до утра. Да, лучше партком, машина завтра нужна. А если проверит? Ведь может. Тьфу ты, надо что-то новое придумать.

Щелкнул замок. Наконец пришла. Старик отчитывается — чужого дядю пустил. Интересно — что, на лестнице должен был ждать? Как тот пацаненок на подоконнике. Симпатичный пацаненок, на сына похож.

Лучше было сразу уйти. Теперь времени в обрез. Времени — добраться до дома. Не рассчитал.

Куда тебя занесло?

Вошла. Щеки смуглые, глаза синие, волосы влажные. На душе словно отпустило. Надо как-нибудь сказать про пальто. Не идет ей красное. Тактично как-то сказать. А лучше поехать и купить новое. Вот именно. Пусть обнимается под окном с мальчишками. В новом пальто.

Все время спешка. А вал несделанного нарастает. Вот и сейчас, в самый неподходящий момент, приходят мысли о работе, о некупленной картошке, пропущенном родительском собрании. Уже не принадлежишь себе, принадлежишь какому-то суетливому делу.

Где тот просвет, когда принадлежишь только себе — и никому больше? Где та обитель чистая? Сейчас, тут? Вряд ли.

А костюм надо бы погладить. Висит на стуле серым мешком. И не забыть, когда вернусь домой, взять из ящика газеты. На выездной комиссии могут по политике спросить.

На неделю уеду, а сколько мороки.

Какая она все-таки юная. И этот мальчик на подоконнике. Неужели правда — ждет каждый день? Вот, похвасталась.

Воспоминание, стертое, как сон. Учительница английского языка. Бесцветная, маленькая, с вечно спущенной петлей на чулке. Сейчас бы только поморщился. А ведь писал стихи, провожал в двадцати метрах позади — от школы до дома. Потом темный физкультурный зал, потом шепот, ее шепот и хохоток физкультурника. Неужели я все это видел тогда, спрятавшись за наваленными в углу матами? Наверное, видел, только не понял до конца. Это меня и спасло.

Теперь смешно вспоминать. Бедный мальчик на подоконнике. Виду ему не покажу, кто я и зачем сюда хожу.

Все, пора. Оставить ей деньги? Нехорошо как-то. Значит, пальто. А если встретим кого-нибудь из знакомых? В этом магазине частенько встречаешь знакомых. Тьфу ты.

Воздух сырой — самая гриппозная погода. Надо сказать жене, чтобы всюду, в котлеты, борщ, кла-ла чеснок. Это вкусно и полезно. Как она не понимает?

Захлопнул дверцу машины, включил зажигание. Работает неплохо, а вот в тормозах воздух, это точно. Придется гнать в автосервис. После командировки.

На перекрестке попал на красный свет. Город спит, город мертв, а улицы живут. Переключаются сигналы светофора, горят фонари, светятся вывески магазинов. Где-то в глубине дворов работают котельные и транс-

форматорные будки, скрипят двери парадных и мучаются от бессонницы редкие окна. Город живет самостоятельной жизнью, и какое ему дело до одинокого путника, застрявшего на перекрестке?

Только бы не уснуть.

Только бы не уснуть.

Чайник рассерженно фыркает, выплевывая облачко пара. А я сижу неподвижно, распластав ладони на клетчатой клеенке. Ладони словно чужие, грубые, со вздувшимися суставами. Я понимаю, что надо встать. Надо сделать хоть какое-нибудь движение, чтобы мир перестал отдаляться.

Я уже знаю, как все будет. Мир уйдет дальше, и эти стены, скрипучий паркет и веточка ели в кувшине не почувствуют перемены. В мире ничего не изменится, он будет таким же, каким я его видел. Потом приедут не приветливые люди, пристегнут к пластмассовой купели...

Меня уже не будет, солнце растопит снег, старый диван выбросят на помойку, а девушка станет снимать комнату в другом месте. Только и всего?

Только и всего.

Но это не страшно. К этому рано или поздно привыкаешь. Самое плохое, это когда уже незачем строить планы. Время остановилось.

Я еще пытаюсь зацепиться за этот мир. И тогда я представляю длинную-длинную лестницу, по которой поднимаются похожие на меня, поднимаются по тем же, до боли знакомым ступеням.

Тогда я вспоминаю прошлое. И вижу почему-то старые трамваи, поминутно трезвонящие весенним утром, парикмахерскую в Художественном проезде, красный костел в литовском городке, где я был всего один раз, проездом. Пожалуй, и все.

Пытаюсь вспомнить руки женщины, но память бунтует, и остаются только мои скорченные ладони на клеенке.

На последних ступенях надо только открыть дверь. Как не хочется.

Выключаю газ, завариваю чай. Ждать некого, она не выйдет. Я, впрочем, и не надеялся.

Подошел к окну и прижался лбом к влажному стеклу.

Падал пушистый теплый снег.

СОДЕРЖАНИЕ

**Предупреждение путешествуящим
в тумане**
ДЕТЕКТИВНАЯ ПОВЕСТЬ

3

Двадцать четыре часа
РАССКАЗ

167

Лестница
РАССКАЗ

177

Андрей Юрьевич Костин

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
ПУТЕШЕСТВУЮЩИМ В ТУМАНЕ**

Заведующая редакцией
С. Митрохина

Редактор
Н. Волкова

Художник
В. Горин

Художественный редактор
Ф. Барбышев

Технический редактор
О. Иванова

Корректоры
З. Кулемина, Л. Царская

ИБ № 4401

Слано в набор 01.03.89. Подписано к печати 01.08.89.
Л 22 607. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ
л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,75. Уч.-изд. л. 8,63. Тираж 15 000 экз.
Заказ 4588. Цена 55 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр,
Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Костин А. Ю.

К72 Предупреждение путешествующим в тумане.—
М.: Моск. рабочий, 1989.— 190 с.

Повесть Андрея Костина «Предупреждение путешествующим в тумане» скорее всего можно отнести к так называемому «крутосваренному» детективу. Главный герой, приехав в отпуск к другу, становится свидетелем и невольным участником загадочных и драматических событий. Динамично развивающийся сюжет, лаконичная форма повествования раскрывают реальные проблемы: рост наркомании и преступности среди молодежи, а также равнодушие и жестокость.

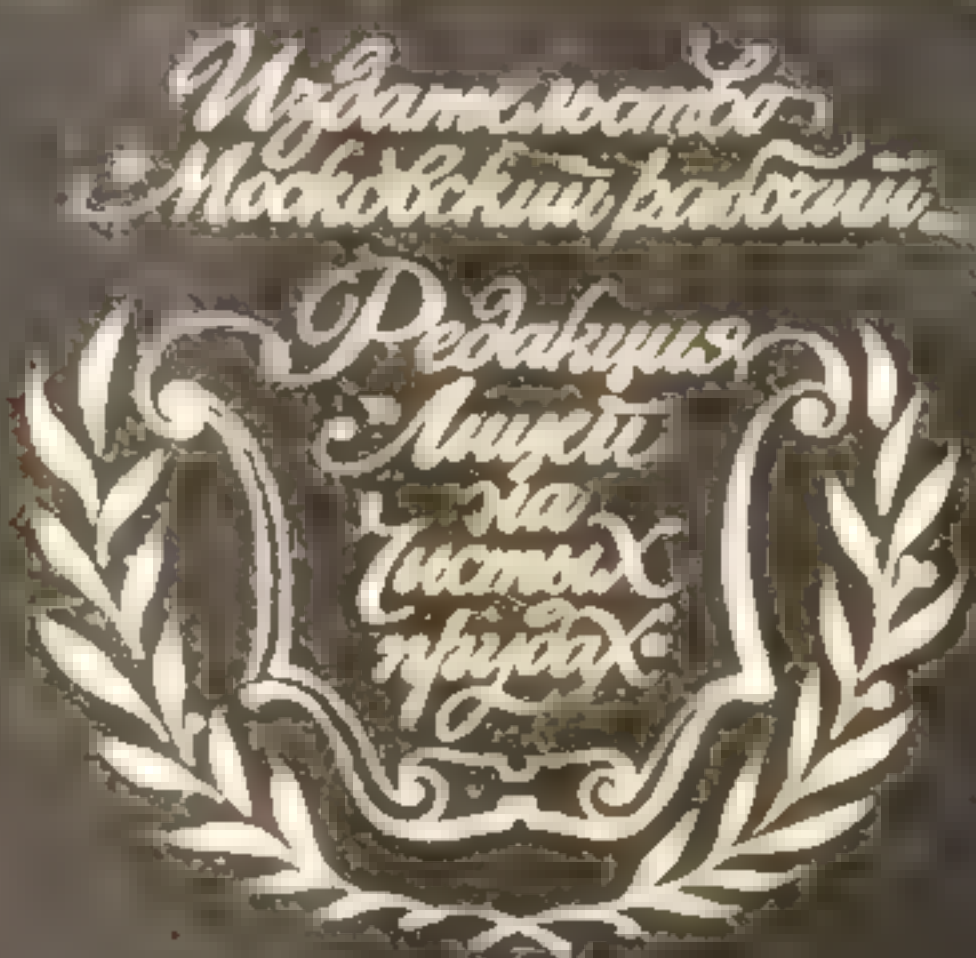
К 4702010201—028
М172(03)—89 без объявл.

ББК 84Р7-4

ане.—

в тумане»
му» детек-
идетелем и
амично раз-
ают реаль-
и, а также

К 84P7-4

Андрей Костин

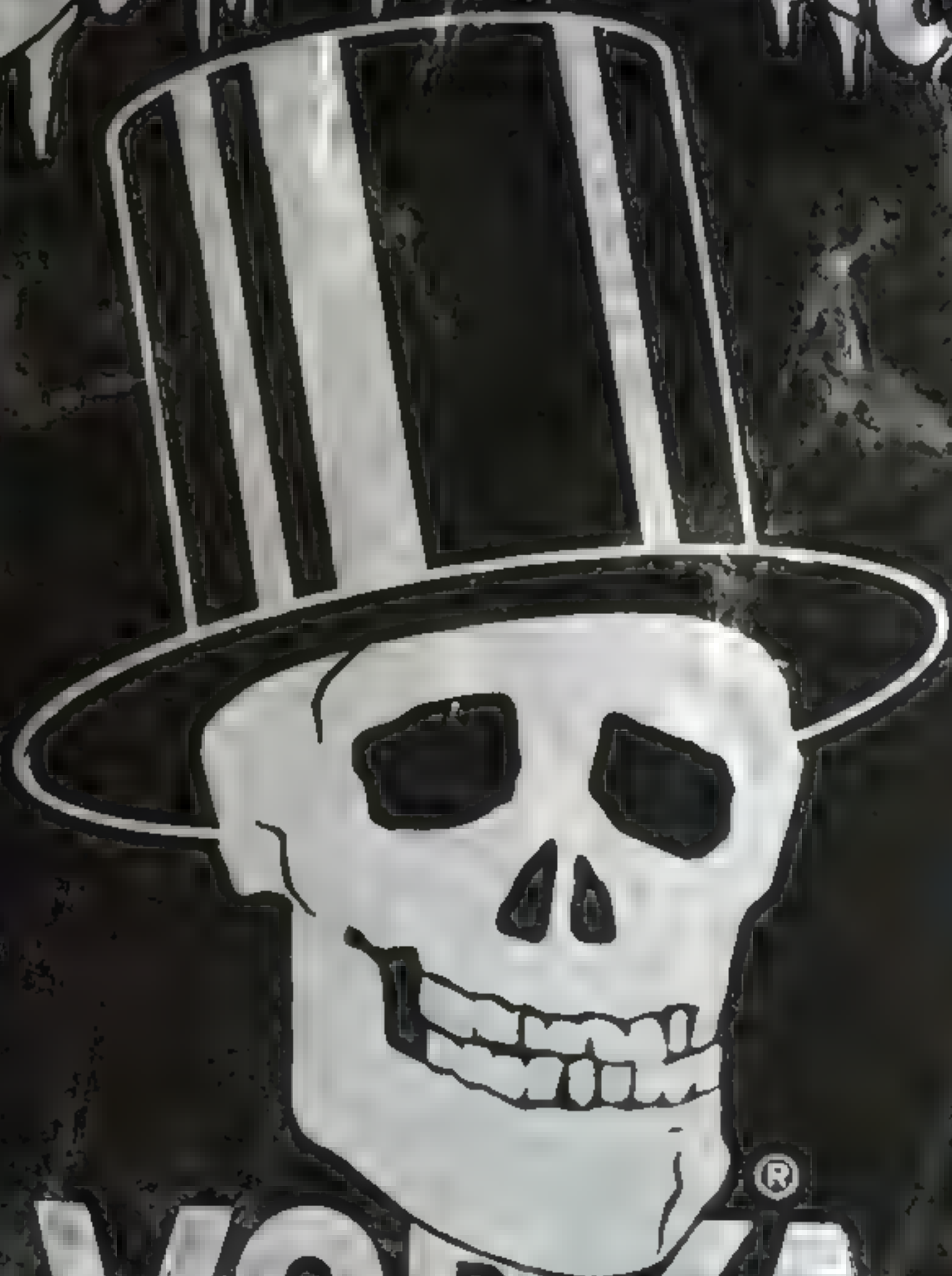
Андрей Костин родился в 1960 г. в Москве. В 1982 г. окончил Московский государственный университет им. Ломоносова по специальности журналист-международник. Работал переводчиком, редактором. Много ездил по стране, бывал за рубежом. В настоящее время работает в системе Министерства морского флота СССР. Рассказы А. Костина впервые увидели свет в 1983 г. Детективная повесть «Предупреждение путешествующим в тумане» — первая крупная работа молодого прозаика.

**CANNIBAL
COFFEE.**

Black Death

VODKA

Distilled and Bottled under supervision of the
SIGURDSSON FAMILY

Not genuine without my signature

VTS
Sigurdsson

1 Liter

Serve Ice Cold

40% alc/vol

употребления алкоголя
щербина лучше не пей будут проблемы на

но фильме неоднократно показывается что
алкоголь это вред а также эту тоже

Black Death

VODKA

Distilled and Bottled under supervision of the
SIGURDSSON FAMILY

Not genuine without my signature

1 Liter

Serve Ice Cold

40% alc/vol

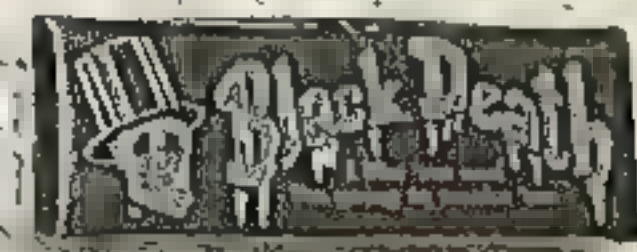

домогательствах не хочешь сесть на
коленке как расчет

домогательствах не хочешь сесть на
коленке как расчет живем в

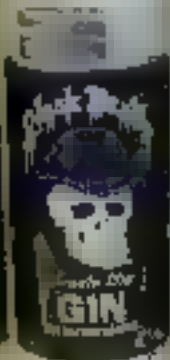
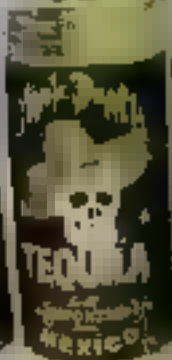

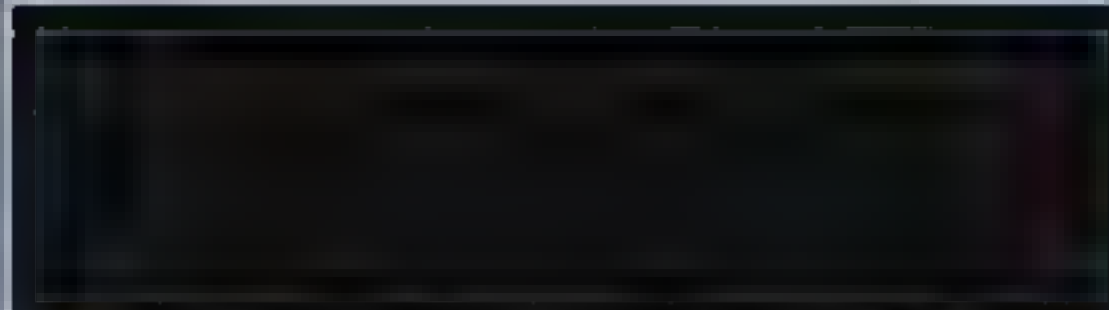

это как бы rest in peace то есть покойся
с миром то есть как бы мирно умри

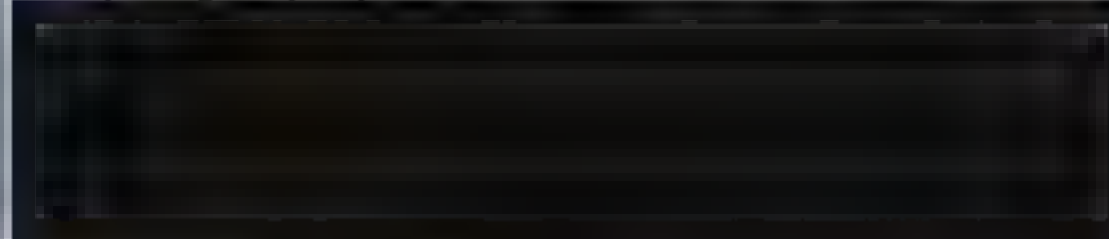

just thought you should know that there exists a book called "Disco Blood"

We need that book!

Is it about last Friday night, by any chance?

How can you make me smile about such a hideous moment??? Yes, it is fucking love you + your cup!!

SUBSCRIBE TO THE LAW&CRIME NEWSLETTER FOR DAILY CASE UPDATES

LINK IN VIDEO DESCRIPTION

а я не собираюсь повторить остальную часть,
не

Johnny Depp Amber Heard

Johnny Depp Believed Amber Was Having an Affair Due To Owning a Painting Heard Says

27,500

362

НЕ НРАВИТСЯ

ПОДЕЛИТЬСЯ

СОЗДАТЬ КЛИП

СОХРАНИТЬ

More videos

Johnny Depp: Amber Heard refused to give media during...

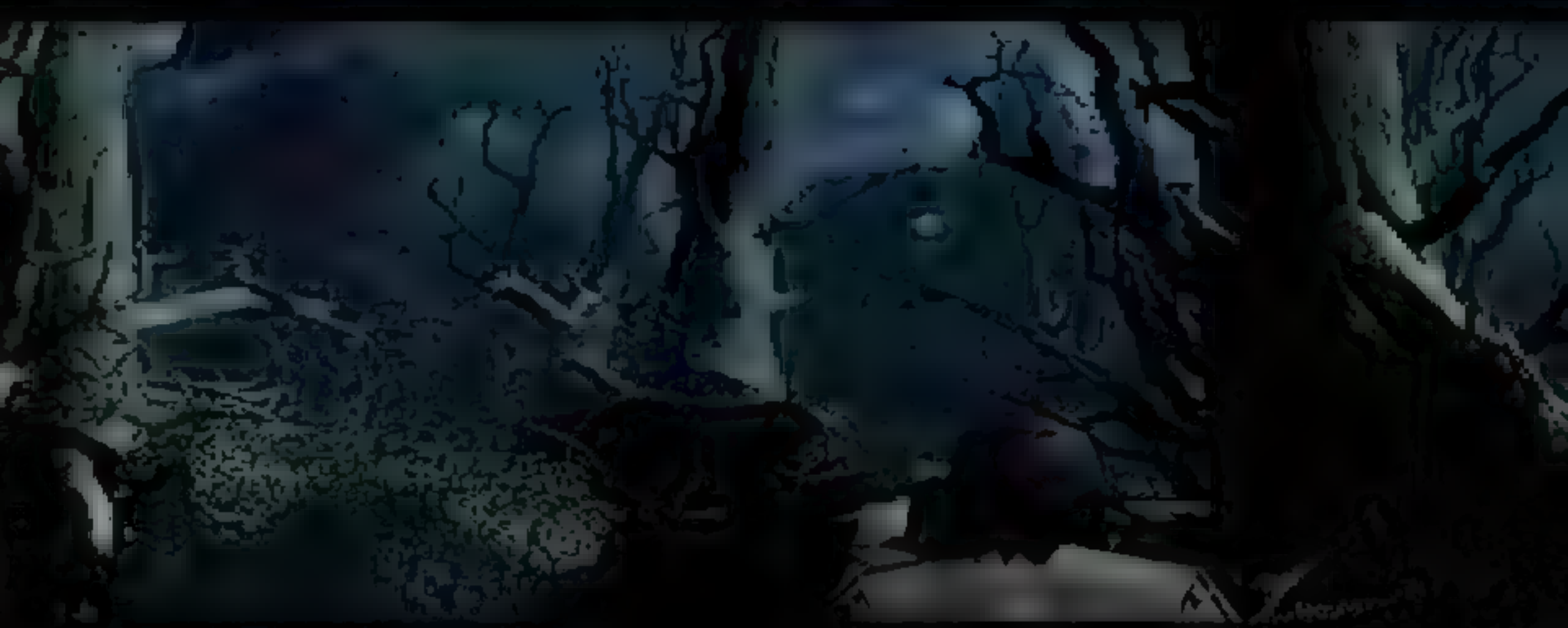
The Londoner's
BEEFEATER
LONDON

BEEFEATER

LONDON

THE WORLD'S NO. 1
PREMIUM GIN BEVERAGE

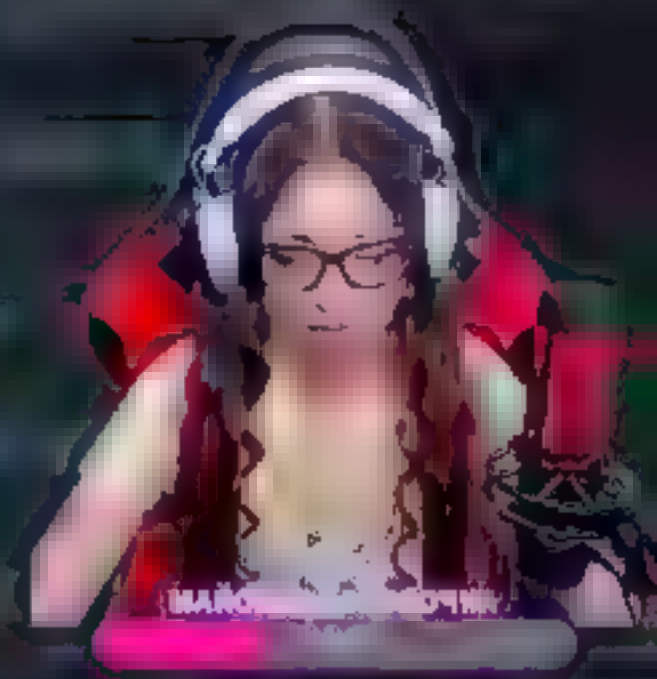
TOP DAMAGE!
DAME: 510,351.34 DM

1267

TOP DONATOR:
1019.75499 BARS

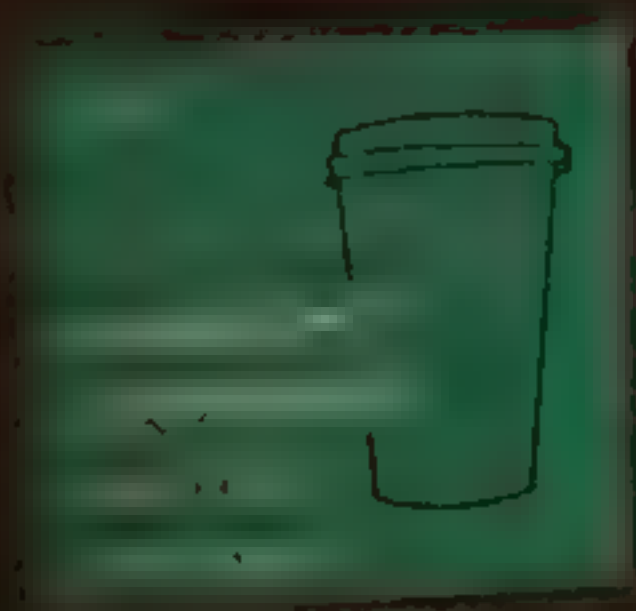
1262

神話

**КОФЕ
С СОБОЙ**

КАННИБАЛ КОФЕ

ИП ИГОНИН ИВАН ЕВГЕНЬЕВИЧ
ИНН 132201958938 ОГРНИП 318132600827060

ЧАСЫ РАБОТЫ:

ПН - ПТ: 08:00 - 21:00

СБ - ВС: 09:00 - 21:00

100%
DOG-FRIENDLY

119180, Г. МОСКВА,
УЛ. БОЛЬШАЯ ЯКИМАНКА, Д. 25

BLACK
CRAFT

THE
Baphomet's
BREW

Blackcraft Coffee

КАННИБАЛ КОФЕ

